
Б. 4.
1

Фото - Литографія Н.Индутнаго С.П.Б. Караванная №

РОДЪ

ШЕРЕМЕТЕВЫХЪ

Помяни́те дни вѣ́чныя, разумѣ́йте лѣ́та ро́да родо́въ: вопроси́ о҃ца твоего́, и возвѣсти́тъ тебѣ́, ста́рцы твоя́, и рекутъ тебѣ́.

КНИГА ПЯТАЯ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1888

Фото - Литографія Н.Индутнаго С.П.Б. Караванная №

РОДЪ

ШЕРЕМЕТЕВЫХЪ

Помѧни́те дни̑ вѣ́чныѧ, разꙋмѣ́йте лѣ́та ро́да родѡ́въ: вопроси̑ ѻ҆ц҃а̀ твоегѡ̀, и҆ возвѣсти́тъ тебѣ̀, ста́рцы твоѧ̑, и҆ рекꙋ́тъ тебѣ̀.

Второзак. л҃в: з҃.

Александра Барсукова

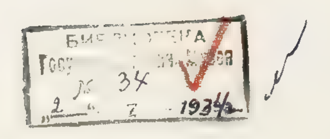
КНИГА ПЯТАЯ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1888

(1456)

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 2 л., 7.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЯТОЙ КНИГИ.

СТРАН.

ГЛАВА I.

Бояринъ Василій Борисовичъ Шереметевъ назначенъ былъ воеводою въ Кіевъ, на смѣну окольничаго Андрея Васильевича Бутурлина, 6 апрѣля 1658 года[1]. Въ ту пору Малороссія представляла поприще кровавой междоусобицы, терзавшей страну съ самой кончины достославнаго гетмана Богдана Хмельницкаго. Память объ этомъ печальномъ времени сохранилась въ народной думѣ, указывающей и на виновника тогдашнихъ бѣдствій:

Ой, плачъ Украино, сыротò небого!
Твою долю разшарапавъ Выговьскій,
Що сердце мовъ камень, а розумъ бисовскій[2].

[1] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. № 75. стр. 200.

[2] Полтавскія губернскія вѣдомости 1860 года. Неоффиціальная часть. № 13. стр. 65.

Украйна, только что освобожденная Богданомъ Хмельницкимъ отъ Польскаго ига, не могла еще осмотрѣться въ своемъ новомъ положеніи подъ высокою рукою Московскаго царя. Раздираемая внутреннею рознью, она представляла весьма удобную почву для всевозможныхъ смутъ. Съ одной стороны, мы видимъ Запорожцевъ и все поспольство, несомнѣнно преданныхъ Московскому царю, самодержавная воля котораго была для нихъ надежнымъ оплотомъ противъ польщизны и всякаго личнаго своеволія. Казалось, было на что̀ опереться Московскому правительству. Но вся эта сѣрая масса Украинскаго народа стояла тогда на слишкомъ низкой степени гражданскаго развитія: «То были—говорилъ гетманъ Брюховецкій—люди худоумные и непостоянные; одинъ какой плевосѣятель возмутитъ многими тысячами; хотя они сами сгинутъ, а до лиха дойдетъ, успокоивать будетъ трудно»[3]. Противную сторону составляло вліятельное меньшинство — казаки городовые, которые, въ свою очередь, раздвоялись на враждовавшихъ другъ съ другомъ: казаковъ знач-

[3] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VI. Спб. 1869. № 41. стр. 103. столб. 1.

ныхъ, то есть, чиновниковъ, шляхтичей и вообще богатыхъ казаковъ, и на казаковъ простыхъ, именовавшихся казацкою черныю. Рѣзко обозначались въ Малороссіи казаки значные шляхетскаго званія, которые, какъ замѣчено въ одномъ полемическомъ сочиненіи начала XVII вѣка, «попріятелевшись съ Поляками, позавидѣли ихъ обычаемъ, ихъ мовѣ и наукамъ, и, не маючи своихъ наукъ, у науки Римскіе своѣ дѣти давати почали»[4]. Эти «ляхолюбцы», получившіе по большей части Польское образованіе, а вмѣстѣ съ нимъ и Польскія понятія о государственномъ строѣ, постоянно домогались устроить Украйну по образцу Польши, съ сеймами, рѣчами и вольнымъ шляхетствомъ. Понятно, что для нихъ самодержавная Москва была ненавистна. Но и въ средѣ значныхъ господствовала рознь: «Каждый изъ нихъ преслѣдовалъ прежде всего личныя свои выгоды, одинъ подъ другимъ рылъ яму и самъ въ нее падалъ; каждый хотѣлъ другого столкнуть, потоптать, и самъ подвергался въ свою очередь такимъ же непріятностямъ отъ своихъ товарищей»[5].

---

[4] Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи. Т. IV. Спб. 1851. стр. 205. столб. 1.

[5] Костомаровъ. Историческія монографіи. Т. II. Спб. 1863. стр. 45.

Польша, не терявшая надежды возвратить себѣ Малороссію, поспѣшила воспользоваться столь благопріятными для нея обстоятельствами. Въ Украйнѣ появился коммиссаръ короля Яна-Казиміра, Бенёвскій. Онъ окончательно сбилъ съ толку казацкую старшину льстивыми увѣреніями объ уваженіи къ нимъ со стороны Поляковъ и обѣщаніями всевозможныхъ благъ на тотъ случай, еслибъ казаки опять захотѣли соединиться съ Польшей, но, на этотъ разъ, уже «какъ равные съ равными и вольные съ вольными».

Въ противуположность Польшѣ, Московское правительство держалось какъ бы въ сторонѣ, и такое важное дѣло, какъ первые подъ Московскою властію выборы гетмана, оставило почти на произволъ судьбы. Вышло то, что гетманская булава попала въ руки бывшаго генеральнаго писаря Ивана Выговскаго, извѣстнаго въ Украйнѣ за человѣка, который, «ради суетія временнаго и благополучія сегосвѣтнаго, едного духа былъ съ Поляками»[6]. Запорожцы и все посполство, желавшіе видѣть преемникомъ Богдана Хмель-

[6] Величко. Лѣтопись событій въ югозападной Россіи въ XVII вѣкѣ. Т. I. Кіевъ. 1848. стр. 303.

ницкаго его сына, Юрья, открыто заговорили, что Выговскаго «обрали не съ полной рады и для того за гетмана его имѣть не хотятъ». Во главѣ недовольныхъ сталъ Полтавскій полковникъ Мартынъ Пушкарь, показывавшій большую преданность Московскому царю. Когда вновь поставленный митрополитъ Кіевскій Діонисій Болобанъ пригрозилъ Пушкарю церковнымъ проклятіемъ за непослушаніе обранному гетману, тотъ прямо отвѣтилъ: «Оного пана Ивана Выговского за гетмана вся чернь войско Запорозское не пріймуютъ и не хотятъ имѣти... А що тежъ ваша пастырская милость мѣете неблагословеніе свое пастырское вложити, то ваша святительская милость на кого иншого вкладайте, хто невѣрныхъ царей пріймуетъ; а мы одного православного царя за царя мѣемъ»[7]. Пушкарь зналъ, что̀ говорилъ. Дѣйствительно, Выговскій, черезъ Бенёвскаго, увѣрялъ Польскаго короля, что будетъ стараться, чтобы гетманская власть его была «полезна и выгодна» королевской милости[8]; а Крымскому хану уже и присяг-

[7] Акты, относящіеся къ исторіи западной Россіи. Т. V. Спб. 1853. стр. 101. столб. 2.

[8] Памятники, изданные временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Т. III. Кіевъ. 1852. Отд. 3. стр. 167.

нулъ въ томъ, чтобъ имъ другъ на друга войною не ходить. «Богъ свидѣтель, — писалъ Пушкарь въ Путивль, — мы прямые (слуги) войска Запорожского и его царскому величеству и всему собранію войска Запорожского, и видимъ прехитрость Выговского злую явственную противъ царского его величества и войска Запорожского, и крестное цѣлованіе попранное. Который, забывъ Бога и правду и крестного цѣлованія исполненіе его царскому величеству, хитро отступаетъ и оманчиво живетъ»[9]. Пушкарь посылалъ Запорожцевъ и въ Москву съ извѣтами на Выговскаго, но тамъ не вѣрили Пушкарю, и онъ рѣшился наконецъ вооруженною рукою противодѣйствовать Выговскому.

Въ началѣ 1658 года, когда въ Чигиринъ пріѣзжалъ изъ Крыма мурза Карачбей, съ 600 Татаръ, для заключенія союзнаго договора съ Выговскимъ, послѣдній писалъ въ Заднѣпровскіе города къ полковникамъ, чтобъ они съѣхались на раду въ Чигиринъ. Всѣ полковники явились въ Чигиринъ, «а Полтавскій полковникъ Мартынъ Пушкарь гетманскаго

---

[9] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. IV. Спб. 1863. стр. 88. столб. 1.

письма не послушалъ, къ гетману на раду не поѣхалъ, а послалъ въ Запороги, чтобъ учинить бунтъ, чтобъ Ивану Выговскому гетманомъ надъ войскомъ Запорожскимъ не быть, а былъ бы гетманомъ кого войско выберутъ иного». Выговскій, «послышавъ Пушкаревъ заводъ, что онъ бунты заводитъ», велѣлъ полковникамъ Ивану Сербину да Ивану Богуну съ полками своими итти и стать подъ Полтавою «для того, чтобъ больше того Пушкарь бунтовъ не заводилъ и казаковъ не сбиралъ». Сербинъ и Богунъ стали подъ Полтавою и расположились-было тамъ перезимовать; но Пушкарь, «собрався съ своевольники, на нихъ напалъ и побилъ, и они, полковники, съ бою пришли къ гетману Ивану Выговскому въ Чигиринъ»[10].

Вслѣдъ за тѣмъ, именно 25 января, въ Переяславль пріѣхалъ окольничій и оружейничій Богданъ Матвѣевичь Хитрово, присланный царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ для присутствованія на новой большой радѣ, которую государь велѣлъ учинить, «жалѣя по

---

[10] Распросныя рѣчи Браславскаго полковника Ивана Сербина (Московскій архивъ министерства юстиціи: Малороссійскаго приказа столбецъ 5850).

подданныхъ своихъ православныхъ христіянѣхъ и хотя успокоить междоусобіе».

Къ сожалѣнію, окольничій Хитрово вполнѣ поддался Выговскому, который, «покривая внутръ коварство свое», просилъ даже его ходатайства, «чтобъ царское величество изволилъ быть въ знатныхъ городѣхъ своимъ царского величества воеводамъ»[11]. Выговскій устроилъ такъ, что и на новую Переяславскую раду съѣхались «тилко полковники з сотниками и з іншою старшиною, опричъ чернѣ, и окольничаго (Хитрово) такъ словами лестивими, яко и подарунками, уконтентовавши, до того повернулъ, же оному гетманство подтвердилъ в Переясловлю, любо (хотя) на тое войско и не позволяло»[12]. По разсказу очевидца, все дѣло происходило такъ: «Пріѣхавъ въ Переяславль, Богданъ Матвѣевичь Хитрово послалъ въ Чигиринъ за гетманомъ Иваномъ Выговскимъ. И гетманъ, по его письму пріѣхавъ въ Переяславль, при всѣхъ полковникахъ Богдану Матвѣевичу Хитрово булаву отдалъ. И Богданъ Матвѣевичь, взявъ

---

[11] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. № 76. стр. 209. столб. 2.

[12] Лѣтопись самовидца. Кіевъ. 1878. стр. 52.

булаву, отдалъ ее Выговскому, а сказалъ: великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичь всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ жалуетъ сею булавою и гетманствомъ войска Запорожскаго тебя, Ивана Выговскаго»[13]. За тѣмъ, въ присутствіи митрополита и всего духовенства, гетманъ и всѣ полковники присягнули царскому величеству «на вѣрную и вѣчную подданственную службу»[14]. Въ заключеніе всего Хитрово сказалъ Выговскому, чтобъ онъ возвратился въ Чигиринъ, а оттуда ѣхалъ бы въ Москву къ великому государю, видѣть пресвѣтлыя очи царскаго величества: «И великій-де государь его, гетмана Ивана Выговскаго и войско Запорожское пожалуетъ, укажетъ гдѣ ему, гетману, съ войскомъ, быть на своей великаго государя службѣ». Тутъ же Хитрово обѣщалъ Выговскому взять «ослушника и бунтовщика» Мартына Пушкаря и прислать къ нему, въ Чигиринъ.

---

[13] Распросныя рѣчи Браславскаго полковника Ивана Сербина (Московскій архивъ министерства юстиціи: Малороссійскаго приказа столбецъ 5850).

[14] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. № 76. стр. 208. столб. 1.

Выговскій началъ готовиться къ поѣздкѣ въ Москву и уже «велѣлъ для сего всѣмъ полковникамъ собрать съ своихъ полковъ по 20 человѣкъ лучшихъ людей». А Хитрово, въ началѣ марта, отправился изъ Переяславля къ Пушкарю въ таборъ, «и съ Пушкаремъ видѣлся, и пошолъ къ Москвѣ, а Пушкаря къ гетману Ивану Выговскому не прислалъ»[15].

Въ концѣ концовъ Хитрово не удовлетворилъ ни Пушкаря, ни самого Выговскаго, который, озлобившись за неисполненіе обѣщанія относительно Пушкаря, потомъ даже жаловался государю на Хитрово и прямо заявлялъ, что онъ «сокровенно чинилъ несогласія», ссорилъ всѣхъ[16].

Выговскій, напрасно прождавъ «долгое время» обѣщанной присылки Пушкаря, положилъ ѣхать въ Москву; но въ Кіевѣ узналъ,

---

[15] Распросныя рѣчи Браславскаго полковника Ивана Сербина (Московскій архивъ министерства юстиціи: Малороссійскаго приказа столбецъ 5850).

[16] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 211. столб. 1.—Припомнимъ, что современникъ, извѣстный Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, отзывался о Богданѣ Матвѣевичѣ Хитрово какъ о человѣкѣ, «исполненномъ коварныхъ пронырствъ, лютыхъ злобъ и лукавствъ» (Исторія о невинномъ заточеніи. Изд. 2. М. 1785. стр. 398).

что Мартынъ Пушкарь, распустившій было по домамъ сотниковъ и весь свой полкъ, послѣ отъѣзда Хитрово, «умысля, написавъ листы, разослалъ полку своего къ сотникамъ и въ Запороги, а велѣлъ сказывать будто тѣ листы писаны по указу великаго государя и чтобъ сотники и казаки сбирались къ нему, Пушкарю, опять въ полкъ, а къ листамъ печать приложилъ, будто та печать великаго государя». Выговскій послалъ сказать Пушкарю, чтобъ онъ «напраснаго кровопролитія не всчиналъ, съ казаками не сбирался и бунтовъ не заводилъ». Пушкарь будто бы отвѣтилъ, что «ему велѣно на него, гетмана, итти по указу великаго государя, и съ нимъ, гетманомъ, хочетъ биться, чтобъ-де ему, Ивану Выговскому, гетманомъ не быть». Тогда Выговскій «училъ размышлять, коли-де окольничій и оружейничій Богданъ Матвѣевичь Пушкаря къ нему не прислалъ и то-де знатно, что Пушкарь войну всчинаетъ по указу великаго государя». Увидя наконецъ, что Пушкарь, «собрався со многими людьми, учалъ Заднѣпровскіе города пустошить, людей побивать и животы ихъ грабить», Выговскій рѣшился на крайнюю мѣру: онъ послалъ за помощью въ

Крымъ, и по его зову, пришелъ въ Украйну мурза Карачбей съ 20.000 Татаръ[17].

При такихъ-то трудныхъ обстоятельствахъ назначенъ былъ бояринъ Василій Борисовичь Шереметевъ Кіевскимъ воеводою, «для успокоенія межеусобія и для государскихъ великихъ и войска Запорожскаго потребныхъ и годныхъ дѣлъ»[18]. Понятно, почему постъ Кіевскаго воеводы называли «роковымъ», почему избѣгали его всѣ прочіе сановники, окружавшіе царя[19]. Но Василій Борисовичь не имѣлъ обычая уклоняться отъ назначеній, какъ бы онѣ ни были трудны, и приговаривалъ: «Не родился-де такой промышленикъ, кому бы одолѣть его съ войскомъ»[20]. Увидимъ, какъ жестоко поплатился онъ за свою благородную самоувѣренность.

Въ описываемое время Василій Борисовичь Шереметевъ находился въ самомъ рас-

---

[17] Распросныя рѣчи Браславскаго полковника Ивана Сербина (Московскій архивъ министерства юстиціи: Малороссійскаго приказа столбецъ 5850).

[18] Синбирскій сборникъ. М. 1845 (Родословная роспись рода Кикиныхъ. стр. 63. столб. 2).

[19] Potocki, Paulus. Opera omnia. Varsaviae. 1748. стр. 195.

[20] Записки отдѣленія Русской и Славянской археологіи императорскаго Русскаго археологическаго общества. Т. II. Спб. 1861. стр. 771.

цвѣтѣ мужества: ему было приблизительно 36 лѣтъ отъ роду[21]. Иностранецъ, видѣвшій Василья Борисовича, такъ описываетъ его: «Шереметевъ—лицо, достойное главнаго начальства надъ войскомъ; черты лица его прекрасны, высокій открытый лобъ, живые глаза, Чешская борода[22]; у него умная рѣчь»[23].

Царь Алексѣй Михайловичь, судя по его письмамъ, хорошо зналъ Василья Борисовича Шереметева. Онъ высоко цѣнилъ Шереметева, какъ военачальника, называя его «благонадежнымъ архистратигомъ», и тѣмъ сердечнѣе сокрушался о его слабостяхъ. Чаще всего государь упрекалъ Шереметева за гордость и боярскую спѣсь[24], и отечески призывалъ его къ смиренію. «Вѣдомо тебѣ самому,—писалъ

---

[21] См. III книгу «Рода Шереметевыхъ», стр. 193.

[22] Такъ называлась, въ XVII вѣкѣ, круглая борода, въ отличіе отъ острой, Испанской.

[23] Theiner. Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michaélowitsch, Fédor III et Pierre le Grand, extraits des archives du Vatican et de Naples. Rome. 1859. стр. 42.—Помѣщенный въ началѣ настоящей книги, у заглавнаго листа, снимокъ съ современнаго гравированнаго портрета Василья Борисовича Шереметева, воспроизведенъ съ гравюры Лауренчіо (Cesare Laurentio), приложенной къ Исторіи цезаря Леопольда (Historia di Leopoldo cesare. Vienna. 1670. T. I p. 614), сочиненіе графа Галеацо Пріорато.

[24] Современный Польскій писатель Зеленевичь говоритъ, что Василій Борисовичь Шереметевъ былъ «исполненъ надменности и высокомѣрія» (Memorabilis victoria de Szeremetho. Cracoviae. 1668. стр. 18).

царь Алексѣй Михайловичь Шереметеву,— какъ великій Царь и вѣчный изволилъ быть у насъ, великого государя и тлѣнного царя, тебѣ, Василью Борисовичю, въ боярехъ не туне[25]. И то вѣдаемъ мы, великій государь, что, по вашему отечеству, боярская[26] честь вѣчная, а даетца произволеніемъ великого и вѣчного Царя и небесного Владыки и нашимъ тлѣннымъ призываніемъ[27]. А и то бываетъ, что господа ваши, имѣющихъ родителей своихъ въ боярской же чести, самимъ же и по смерть свою не пріемшимъ той чести; иніи же, изживше многіе лѣта, кромѣ тоя чести, въ иныхъ нашихъ государскихъ чинѣхъ, и на старость, по изволенію великого и вѣчного Царя царемъ и нашимъ тлѣннымъ[28] призываніемъ, введени суть въ тоѣ боярскую честь. И тѣмъ хвалитца не пристойно, что та честь породная и надѣятца на нее крѣпко не

---

[25] Въ оригиналѣ это слово поставлено вмѣсто зачеркнутаго: просто.

[26] Стоящее послѣ этого слово ваша въ оригиналѣ зачеркнуто.

[27] Въ оригиналѣ эти два слова написаны сверху, вмѣсто зачеркнутаго: «Государскимъ повелѣніемъ не всему роду, но токмо званному отъ великаго небеснаго Царя царемъ дается ли паки на благословеніе и на спасеніе или Его святымъ попущеніемъ призываетъ на большую погибель».

[28] Въ оригиналѣ это слово написано сверху, вмѣсто зачеркнутаго: великаго государя.

пристойно жь, потому что воспоминаетца въ Божественномъ писанiи: да не хвалитца премудрый премудростiю своею, да не хвалитца богатый богатствомъ своимъ, да не хвалитца силный силою своею; но о семъ да хвалитца хваляйся, еже разумѣти и знати Господа и творити судъ и правду посредѣ земли, а наипаче имѣти чистоту и милость; таковыхъ бо есть царство небесное».

Въ другой грамотѣ царь Алексѣй Михайловичь указываетъ на нѣсколько случаевъ изъ жизни Василья Борисовича и одинъ изъ нихъ, относящiйся къ тому времени, когда онъ былъ посланъ на воеводство въ Кiевъ: «Се же, какъ по изволенiю Божiю и по нашему великого государя и тлѣнного царя указу, посланъ въ Кiевъ, что̀ Богъ тобою, вѣрнымъ рабомъ своимъ, содѣйствовалъ? Первое, на тя послалъ ручную скорбь и далъ тебѣ милостивой знакъ для того, что не хощетъ тебя ни въ какомъ грѣсѣ видѣть, еще же и смерти грѣшничи тебѣ николи жь не хощетъ предложити, но еже живу быти тебѣ и обратитися отъ грѣхъ своихъ и покаятися, и очищаетъ тебя, раба своего, яко же и злато въ горнилѣ, что болши во огни пребываетъ, то чистоты

болши въ лицѣ своемъ являетъ. Да помысли себѣ самъ, како тебя Творецъ и Владыка и Царь и Богъ любитъ: не мошно ли тебя тогда и главою образити о камень или о землю или рану сотворити смертную, егда лошади тебя въ коретѣ помчали»[29]?

Очевидно, указываемая въ государевомъ письмѣ «ручная скорбь», то есть ушибъ или вывихъ руки, и была причиною того, что Василій Борисовичь Шереметевъ, будучи назначенъ на воеводство въ Кіевъ 6 апрѣля, выѣхалъ туда лишь мѣсяцъ спустя, именно 5 мая. Къ этой главной причинѣ задержки Шереметева, въ скоромъ времени присоединилась и другая, это—прибытіе въ Москву посланцевъ Украинскаго гетмана Ивана Выговскаго, полковника Григорья Лесницкаго, а вслѣдъ за нимъ, Бережецкаго и Богуна.

---

[29] Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII). № 166. л. л. 21—32.—Записки отдѣленія Русской и Славянской археологіи императорскаго Русскаго археологическаго общества. Т. II. Спб. 1861. стр. 750—753.

ГЛАВА II.

Гетманъ Выговскій самъ не рѣшился ѣхать въ Москву и вмѣсто себя послалъ туда своего единомышленика, полковника Григорья Лесницкаго, который, по замѣчанію бытописателя Малороссіи, «былъ уже не изъ воиновъ, а изъ политиковъ тогдашнихъ»[30]. Выговскій послалъ съ Лесницкимъ листъ на имя государя, въ которомъ писалъ: «Уже изготовился былъ есмъ въ дорогу, чтобъ пресвѣтлые вашего царского величества оглядалъ очи и вѣрное подданство мое подъ ноги тебѣ, великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичю, вашему царскому величеству, отдалъ, за едино то себѣ имѣючи счастье: ваше царское величество счастливо на пресвѣт-

[30] Максимовичъ. Собраніе сочиненій. Т. I. Кіевъ. 1876. стр. 723.

лыхъ своихъ полатахъ царствующаго оглядать; толко розные строхованья, изъ розныхъ сторонъ на украинные вашего царского величества городы наступаючи, помѣшали умысломъ моимъ»[31].

Лесницкій пріѣхалъ въ Москву въ половинѣ апрѣля 1658 года. Его сопровождали: Нѣжинскій сотникъ Ѳедоръ Завадскій, Каневскій Иванъ Кондратьевъ, Глуховской Артемій Мироновскій да пять человѣкъ Миргородскихъ сотниковъ и человѣкъ съ 70 ихъ товарищей.

21 апрѣля государь указалъ распросить гетманскаго посланца и быть въ отвѣтѣ съ нимъ едва оправившемуся отъ «ручной скорби» Кіевскому воеводѣ боярину Василью Борисовичу Шереметеву, а въ товарищи ему назначилъ: окольничаго и оружейничаго Богдана Матвѣевича Хитрово, думнаго дьяка Алмаза Иванова и дьяка Ефима Юрьева.

Кромѣ вышеупомянутаго листа Выговскаго на имя государя, Лесницкій представилъ Василью Борисовичу Шереметеву инструкцію, а также списокъ съ даннаго ему наказа,

---

[31] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 217. столб. 1.

въ которомъ Выговскій, между прочимъ, предписывалъ полковнику Лесницкому «какъ лутче имѣетъ, царю, его милости, извѣстить о совершенномъ и неотмѣнномъ желательствѣ его, гетмана, и всей старшины при всякомъ случаи противъ непріятелей царя стоять, не щадя крови прямой, за достоинство царского величества» (статья 1). Также извѣстить его царскому величеству: что еслибы онъ, Выговскій, и старшина «не хотѣли быть прямыми царю, его милости, подданными и не подъ его царского величества крѣпкою пребывати рукою, тогда бы къ иному привратились монарху»; но что они, «для милости самой православные вѣры, не даючись для своихъ прибылей склонитца ихъ (непріятелей) наговорамъ и для помоги всѣхъ, доброволно обрали царя, его милость, себѣ и церквамъ святымъ оберегателя, на вѣрность безо всякаго присягіши принужденія, и по се время ненарушенно присяги учиненныя держатся» (статья 2). Если же—говорится въ наказѣ—его царское величество сердитуетъ на то, что они съ Татары побратались, «извѣстить, что хотя они себѣ приговорили пріятство подлинное, однако жъ такою мѣрою, чтобъ непріятели никогда на ца-

ря, его милость, рукъ не подымали, для того: вѣдая достаточно изъ подлинныхъ вѣстей, что Татары имѣютъ съ Ляхами сговоръ учиненной, на Украйну съ обѣихъ сторонъ набѣжавъ и выпустоша, потомъ на царство Московское итти; для того они тою мѣрою побратались и тѣмъ разорвали умыслы» (статья 3). Далѣе Выговскій излагаетъ въ наказѣ свои жалобы на Пушкаря, который-де съ единомышлениками, «обыкнувъ до бездѣльныхъ дѣлъ и обычаевъ, непріятели суть вѣры православные», что они «невинно накладываютъ на него, гетмана, вину, оговариваючи, бутто онъ на убытокъ его царского величества сбратался съ Ляхами и съ Татары, о чемъ и листы досадительные многіе написали».

Выговскій поручалъ Лесницкому объявить царю, что обо всемъ этомъ онъ имѣлъ говорить съ Богданомъ Матвѣевичемъ Хитрово, съ очей на очи, до рады Переяславской, но что Хитрово только и занятъ былъ тѣмъ, что «сокровенно чинилъ несогласія, листы розсылалъ, ссорячи на разореніе и на искорененіе Украинскихъ церквей и православной вѣры» (статья 5). Въ заключеніе всего Выговскій приказывалъ Лесницкому просить прилеж-

нѣе его царское величество, «чтобъ онъ, не даючи вѣры оболгающимъ людемъ, такихъ карать на мѣстѣ повелѣвалъ» (статья 14)[32].

Понятно, на кого именно призывалъ Выговскій царскую кару. Дѣло въ томъ, что Пушкарю удалось предупредить Выговскаго: его посланецъ, Иванъ Искра, пріѣхалъ въ Москву нѣсколько раньше Лесницкаго, и въ Посольскомъ приказѣ объявилъ, что полковники Полтавскій, Нѣжинскій, Миргородскій и всего войска Запорожскаго городовая и Запорожская чернь бьютъ челомъ на гетмана Ивана Выговскаго и на полковника Лесницкаго, которые великому государю никакого добра не хотятъ и чаятъ въ нихъ измѣны: такъ чтобъ великій государь пожаловалъ, велѣлъ Выговскаго отъ гетманства отставить, а назначить гетмана и полковниковъ новыхъ и велѣлъ бы имъ для этого собрать раду[33]. Но Выговскому не могло еще быть извѣстнымъ, что отвѣты Искры на вопросъ о томъ, какія измѣны онъ знаетъ за гетманомъ, не удовлетворили бояръ и что вообще Пушка-

---

[32] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. № 76. стр. 210—212.

[33] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. XI. Спб. 1861. стр. 29.

ревъ посланецъ не имѣлъ успѣха въ Москвѣ.

21 апрѣля, полковникъ Григорій Лесницкій предсталъ въ Посольскомъ приказѣ предъ бояриномъ Васильемъ Борисовичемъ Шереметевымъ и его товарищами.

На заявленіе Лесницкаго, что гетманъ Иванъ Выговскій и все войско Запорожское наказали ему бить челомъ царскому величеству, «чтобъ великій государь изволилъ послать въ войско коммиссаровъ и велѣлъ учинить войско списковое 60.000 человѣкъ», Шереметевъ отвѣтилъ вопросами: «Впрямь ли ему о томъ говорить велѣли гетманъ и все войско? Буде изволитъ великій государь послать нынѣ коммиссаровъ для переписки казаковъ, и нынѣ тому время ли? И какъ учнутъ казаковъ въ реистръ розбирать, и въ то время не будетъ ли въ войску какого бунту, потому что всякій похочетъ писаться въ списокъ? Которые казаки останутся за реистромъ и учнутъ говорить, что они служили въ войску противъ непріятелей ровно, а нынѣ отставлены, и отъ того въ томъ не будетъ ли какія помѣшки»? Лесницкій отвѣчалъ, что если «великій государь изволитъ нынѣ послать въ

войско Запорожское коммиссаровъ и велитъ войску учинить реистръ, и нынѣ-де тому время, и тому дѣлу помѣшки никакія не будетъ: войско будетъ войскомъ. Нынѣ-де много именуется казаковъ, какъ реистру нѣтъ; а какъ учнутъ писать въ реистръ, и прямыхъ старыхъ служилыхъ казаковъ только бъ съ то число съ 60.000 и было, а то-де все гултяи, а не прямые казаки, и бунту за то всчинати имъ не за что. А коммиссаровъ бы изволилъ великій государь послать людей мочныхъ, и при нихъ служилыхъ людей, чтобъ въ войску было страшно и бунтовъ бы никто всчинать не дерзалъ и не смѣлъ».

Затѣмъ, Шереметевъ, объявивъ Лесницкому, что его царское величество изволилъ послать свои государевы грамоты къ полковнику Мартыну Пушкарю и во всѣ полки, чтобъ полковники и все войско были послушны гетману и бунтовъ никакихъ не всчинали,—спросилъ: «И по тѣмъ царского величества грамотамъ чаять ли, что бунты усмирятся»? Лесницкій отвѣчалъ: — «Коли-де отъ царского величества посланы такіе грамоты во всѣ полки, и онъ того чаетъ, что во всѣхъ полкѣхъ бунты усмирятся. А Полтавской-де

полковникъ Мартинъ Пушкарь самъ и не радъ того, да сбиваютъ его своеволники и гултяи».

Ни однимъ словомъ не промолвился гетманъ Выговскій въ своемъ наказѣ на счетъ присылки царскихъ воеводъ въ Малороссію — этой единственной дѣйствительно полезной мѣры, способной возстановить порядокъ въ странѣ. Не затрогивалъ сего вопроса и гетманскій посланецъ, пока не заговорилъ объ этомъ Богданъ Матвѣевичь Хитрово. Напомнивъ Лесницкому просьбу гетмана Выговскаго относительно того, чтобъ царское величество повелѣлъ быть въ знатныхъ городахъ царскимъ воеводамъ, Хитрово объявилъ, что «великій государь на то поволилъ, указалъ своимъ царского величества воеводамъ быть въ шти городѣхъ: у Бѣлые Церкви, въ Корсунѣ, въ Нѣжинѣ, въ Полтавѣ, въ Черниговѣ и въ Миргородѣ». Лесницкій, притворно умиляясь, сказалъ: — «На той царского величества премногой милости гетманъ и все войско великому государю челомъ бьютъ, потому что тѣмъ въ войску бунты усмирятся. А хотя бъ великій государь, его царское величество, и въ иныхъ городѣхъ изволилъ своимъ царского

величества воеводамъ быть, и у нихъ бы-де въ войску и гораздо было лутче и смирнѣе»[34].

Въ тотъ самый день, какъ въ Посольскомъ приказѣ шли описанные переговоры, въ Москву прибыли новые посланцы гетмана Выговскаго: Прокопій Бережецкій и Иванъ Богунъ. Они вручили Лесницкому письмо Выговскаго, отъ 30 марта, о томъ, что въ Украйнѣ «своеволя помножаетца», что «люди добрые и въ домахъ своихъ передъ своею волею спокойно сидѣти не могутъ... всюду убойства и разбои множатца», что отъ такой неурядицы ничего больше и ожидать нельзя «точію земли родной упадокъ, разореніе церквей Божіихъ и изнищеніе вѣры православные», что это подлинно и будетъ «если его царское величество, по милости своей, той своеволи предварити не восхощетъ, приславъ кого мудрого и разсудительного отъ боку своего боярина, чтобъ ихъ жестоко отъ его царского величества за тѣ бунты наказалъ». Пушкаревъ посланецъ Искра продолжалъ тревожить гет-

---

[34] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи: Т. IV. Спб. 1863. № 61. стр. 107—110; Т. VII. Спб. 1872. № 76. стр. 207—209.

мана: «О Искрѣ наипаче, ваша милость, памятствуй извѣстить его царскому величеству, что онъ большой у тѣхъ бунтовъ былъ поджогою. Изволь, ваша милость, бити челомъ его царскому величеству, чтобъ тамъ-же (то есть, въ Москвѣ) скаранъ былъ за ту свою своеволю»[35].

Въ наказѣ гетмана Выговскаго, представленномъ Прокопьемъ Бережецкимъ и Иваномъ Богуномъ, обращаетъ на себя особенное вниманіе пятая статья: «Покорно просимъ вашего царского величества, чтобъ посломъ нашимъ, которые нибудь прилучатца, посолства отправлять велѣлъ передъ своимъ престоломъ: понежъ для того горѣе правда объявитися не можетъ, кто бъ былъ правъ или виноватъ, что одни передъ другими угоняючися, тѣмъ лживые вѣсти сѣютъ и возмущаютъ уши твоему пресвѣтлому лицу, и въ очи съ собою никогда не сносятца»[36].

Новые посланцы, также какъ и Лесницкій, отправляли свое посольство предъ боя-

---

[35] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. № 76. стр. 218.

[36] Тамъ-же, стр. 215—217.

риномъ Васильемъ Борисовичемъ Шереметевымъ, въ той же палатѣ Посольскаго приказа.

Изъ устныхъ показаній Бережецкаго и Богуна ничего новаго не открылось, кромѣ только того, что «полковникъ Мартынъ Пушкарь усмирился и живетъ дома, и войска при немъ нѣтъ; а чинитъ бунты Мирогороцкой новообранной полковникъ Довгаль въ Лохвицѣ съ гультяи»[37].

На слѣдующій день, 22 апрѣля, государь указалъ полковнику Григорью Лесницкому «быти у боярина Василья Борисовича Шереметева съ товарыщи въ Посольскомъ приказѣ на розговорѣ вдругорядь».

Шереметевъ сказалъ Лесницкому и его товарищамъ: «Бьете вы челомъ царскому величеству, чтобъ великій государь изволилъ послать въ войско Запорожское коммиссаровъ и учинить бы число войска списковое 60.000 человѣкъ; а у инструкціи, какову они подали, гетманскіе и полковничьихъ рукъ не приписано: и тому мочно ль вѣрить, и отъ всего ль они войска о томъ великому государю бьютъ

[37] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. IV. Спб. 1863. № 62. стр. 111. столб. 1.

челомъ»? Посланцы отвѣтили, что они бьютъ о томъ челомъ царскому величеству «по гетманскому и всего войска Запорожского росказанью». На это Шереметевъ сказалъ: «Коли имъ о томъ дѣлѣ царскому величеству наказали бити челомъ гетманъ и все войско Запорожское, и они бъ для вѣрности къ своему челобитью приписали свои руки».

Послѣ того, какъ челобитная была подписана, Шереметевъ переспросилъ Лесницкаго на счетъ Пушкаря, по поводу вчерашняго показанія Бережецкаго, что онъ уже усмирился и живетъ дома. «Про то и мы говорили,—отвѣтилъ Лесницкій,—что всѣ бунты сперва всчались отъ него, Пушкаря; а нынѣ-де онъ тѣмъ бунтомъ и самъ не радъ, и радъ бы усмириться, да не можетъ отъ того отстать, что сбиваютъ его другіе. А сверхъ того, умножились своевольцы, и чаять того, что и ему, Пушкарю, отъ нихъ быть убиту».

Далѣе Шереметевъ говорилъ о Пушкаревомъ посланцѣ Иванѣ Искрѣ, по поводу просьбы гетмана наказать его за бунтовство: «Великій государь нашъ, царь христіянскій, хотя межъ православными христіяны смиренія и покою, а междоусобіе успокоить и при-

вести на то безъ крови, чтобъ они всѣ у гетмана были въ послушаніи, а отъ бунтовъ своихъ и своевольства отстали, учинити надъ нимъ никакого наказанья не изволяетъ, чтобъ отъ того и пущаго смятенія во войско не привести».

Лесницкій просилъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, задержали Искру въ Москвѣ, дабы бунтовщикамъ было по-страшнѣе. Шереметевъ спросилъ: «Только его нынѣ задержать, и за то въ войскѣ не будетъ ли пущаго смятенія»?

—«Смятенія болшого за то не чаемъ,—отвѣчалъ Лесницкій,—а чаемъ, что бунтовникомъ и своевольникомъ то будетъ въ немалое страхованье».

Переговоры окончились просьбою гетманскихъ посланцевъ о присылкѣ въ Украйну царскихъ воеводъ: «Изволилъ бы великій государь послать въ войско своихъ царскаго величества воеводъ и ратныхъ людей, и то имъ, бунтовникомъ и своевольникомъ, будетъ и досталь на искорененіе своевольства ихъ»[38].

---

[38] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. № 76. стр. 212—215.

Послѣдствія покажутъ, на сколько искренни были всѣ эти просьбы о переписи казаковъ и о назначеніи царскихъ воеводъ въ Малороссію.

ГЛАВА III.

Вмѣстѣ съ Васильемъ Борисовичемъ Шереметевымъ, въ Малороссію назначены были, по просьбѣ самого гетмана Выговскаго и всей старшины, царскіе воеводы въ шесть Украинскихъ городовъ, а именно: въ Бѣлую Церковь — Григорій Петровичь Сафоновъ, въ Корсунь—Аверкій Ѳедоровичь Болтинъ, въ Нѣжинъ — Степанъ Борисовичь Бутиковъ, въ Черниговъ — Андрей Яковлевичь Дашковъ, въ Полтаву — стольникъ Алексѣй Пантелѣевичь Чириковъ и въ Миргородъ — Никифоръ Алексѣевичь Полѣновъ. Всѣмъ этимъ шести воеводамъ указано состоять «во всякихъ дѣлехъ» въ подчиненіи у Кіевскаго воеводы Василья Борисовича Шереметева[39],

---

[39] Московскій архивъ министерства юстиціи: Малороссійскаго приказа столбецъ 5850.

которому, по важности возложеннаго на него порученія, придан былъ и почетный титулъ намѣстника Бѣлоозерскаго.

Въ товарищи Василью Борисовичу Шереметеву государь назначилъ: стольника князя Юрья Никитича Борятинскаго, стольника Ивана Ивановича Чаадаева и дьяка Алексѣя Постникова[40]. Личную свиту Шереметева составляли: два стряпчихъ, Аѳанасій Елизаровичь Лавровъ и Яковъ Григорьевичь Крекшинъ[41]; четыре человѣка дворянъ Московскихъ: Максимъ Михайловичь Игнатьевъ[42], Захарій Семеновичь Бартеневъ, Иванъ Ивановичь Арцыбашевъ и Савва Аѳанасьевичь Жемайловъ; двѣнадцать жильцовъ: Ѳедоръ Ѳедоровичь Племянниковъ, Прокопій Андреевичь Сатинъ, Григорій Ѳедоровичь Толбузинъ, Иванъ Ивановичь Нармацкій, Дмитрій Постниковъ сынъ Полозовъ, Елисей Максимовичь Веревкинъ, Константинъ Ѳедоровичь Воейковъ, Иванъ Ѳедоровичь Елчинъ, князь Данило Ѳедоровичь Вяземскій, Данило

[40] Дополненія къ тому III Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 130.

[41] Сначала назначенъ былъ еще третій стряпчій, Иванъ Семеновичь Зыбинъ, но въ спискѣ онъ зачеркнутъ и сбоку отмѣтка: «по памяти изъ Ямского приказу, быть ему не велѣно».

[42] Въ другомъ спискѣ названъ Романомъ.

Ивановичъ Бѣгичевъ, Тимоѳей Дмитріевичъ Алымовъ и Романъ Андреевичъ Шеншинъ. При князѣ Борятинскомъ состояли два жильца, его родственники: князья Алексѣй и Иванъ Аѳанасьевичи Борятинскіе; а при Чаадаевѣ только одинъ жилецъ—Иванъ Никифоровичъ Дурасовъ[43].

Всѣ эти стряпчіе, дворяне и жильцы написаны были на государеву службу въ Кіевъ «заочно» и, какъ тогда бывало, почти насильно высылались изъ деревень своихъ. Они прибыли въ Кіевъ въ разные сроки, нѣкоторые даже позже самого воеводы. Такъ что, изъ Москвы Шереметева сопровождалъ лишь голова стрѣлецкій Иванъ Дмитріевичъ Зубовъ, съ своимъ приказомъ Московскихъ стрѣльцовъ, въ 425 человѣкъ. Когда Зубову сказано было ѣхать на службу въ Кіевъ, онъ ударилъ челомъ, что ему съ Иваномъ Чаадаевымъ «быти невмѣстно». Челобитчику объявили, что великій государь указалъ ему быть только съ бояриномъ Васильемъ Борисовичемъ Шереметевымъ[44].

[43] Московскій архивъ министерства юстиціи: Малороссійскаго приказа столбецъ 5850.

[44] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 131.

Въ Сѣвскѣ, къ отряду Василья Борисовича должны были присоединиться еще Комарницкіе драгуны, въ числѣ тысячи человѣкъ, съ ихъ «старымъ, больнымъ и слѣпымъ» начальникомъ - иноземцемъ, полковникомъ драгунскаго строя Вилимомъ Эглинымъ. А изъ Бѣлгорода приказано выслать къ Василью же Борисовичу, уже въ Кіевъ, рейтарскаго строя подполковниковъ: Ивана Алексѣевича Шепелева и Семена Семеновича Скорнякова-Писарева, съ 1000 человѣкъ рейтаръ, а также драгунскаго строя полковника Рафаила Корсака, со всѣмъ его полкомъ[45].

Значительная власть Кіевскаго воеводы и обширный кругъ его дѣятельности, требовали и соотвѣтствующаго наказа. Василій Борисовичь Шереметевъ получилъ въ руководство не одинъ, а два пространныхъ наказа: изъ Разряда и изъ Посольскаго приказа.

Первымъ наказомъ Василью Борисовичу вмѣнялось въ обязанность, по пріѣздѣ въ Кіевъ, прежде всего, принять отъ своего предмѣстника, окольничаго Бутурлина: 1) городо-

---

[45] Московскій архивъ министерства юстиціи: Малороссійскаго приказа столбецъ 5850.

вые и острожные ключи; 2) именные списки государевымъ ратнымъ людямъ; 3) вѣдомость о наличномъ количествѣ пушекъ, ружей, всякихъ пушечныхъ и хлѣбныхъ запасовъ, соли, а также денежной и соболиной казны, и 4) приходныя и расходныя книги дьяка Василья Герасимова, состоявшаго при Бутурлинѣ.

По принятымъ именнымъ спискамъ, Шереметевъ долженъ былъ пересмотрѣть на лицо всѣхъ ратныхъ людей; а по вѣдомости, счесть: «сколько сороковъ соболей и которые въ какую цѣну, и которые сороки съ хвосты и безъ хвостовъ; хлѣбные запасы перемѣрити; зелейную казну и всякіе пушечные запасы перевѣсить, а денежную казну принять въ счетъ».

Затѣмъ, надлежало провѣрить приходныя и расходныя книги дьяка Герасимова, «и что по счету на него взочтено будетъ, и то на немъ велѣть взять все сполна въ государеву казну, и во всемъ росписаться».

При пріемѣ пушекъ и разнаго ручнаго огнестрѣльнаго оружія, Шереметеву поручалось тщательно осмотрѣть «городъ, острогъ, всякія крѣпости, тайники и колодези»; а также, сколько въ какихъ воротахъ и по башнямъ

поставлено наряду[46], мѣднаго и желѣзнаго, и сколько имѣется ядеръ для каждаго орудія. А осмотря все это, войти въ соображенія, «гдѣ, сверхъ того, пригоже нарядъ поставити, чтобъ въ осадное время быть безстрашно и надежно».

По окончаніи пріимки, бояринъ Василій Борисовичь Шереметевъ долженъ былъ, по наказу, отписать къ гетману Ивану Выговскому и къ полковникамъ, что, по указу великаго государя, «въ Кіевѣ велѣно быть ему, боярину и воеводамъ, а съ нимъ, для всякаго береженья, ратнымъ людемъ, и онъ бы, гетманъ, о всякихъ государевыхъ дѣлехъ съ нимъ ссылался, и жилъ въ совѣтѣ и въ любви».

Въ сношеніяхъ съ гетманомъ, Шереметеву предоставлялось дѣйствовать, «смотря по тамошнему дѣлу, какъ государеву дѣлу быть лучше и пристойнѣе». Въ другой же статьѣ наказа сказано: «А только гетманъ учнетъ къ нему, боярину, о какихъ дѣлехъ большихъ и спорныхъ писать, и ему, боярину, тѣхъ дѣлъ дѣлать безъ государева указу немочно, и о тѣхъ дѣлехъ писать объ указѣ ко государю».

---

[46] Нарядъ = огнестрѣльныя орудія.

Далѣе, Василью Борисовичу предписывалось жить въ Кіевѣ «съ великимъ береженьемъ». Ему и его товарищамъ наказано было «беречи того накрѣпко, и по торгамъ не по одинъ день биричамъ велѣть прокликать, и заказъ крѣпкій учинить, которые люди придутъ въ Кіевъ изъ Польскихъ городовъ или изъ за-Московныхъ и Украинныхъ городовъ и изъ Сѣверскихъ городовъ и изъ уѣздовъ, ко племяни[47] или для какихъ своихъ промысловъ, и тѣ бъ люди являлись въ Приказной избѣ. А не явясь бы, никаковъ человѣкъ въ Кіевѣ и въ слободахъ никто ни у кого не жилъ. И тѣхъ пріѣзжихъ и прихожихъ людей распрашивать и велѣть записывать въ книги имянно съ отцы и съ прозвищи, кто имянемъ и какой человѣкъ, и откудыхъ, и къ кому, и для какого дѣла пріѣхалъ или пришелъ; и знатцевъ на тѣхъ пріѣзжихъ и прихожихъ людей велѣть передъ собою съ очей на очи ставить и тѣхъ знатцевъ распрашивати жъ. И на которыхъ пріѣзжихъ и прихожихъ людей знатцевъ въ Кіевѣ не будетъ, и имъ про то сыскивать всякими сыски накрѣпко, и въ воровствѣ и въ

---

[47] Племя = родня.

измѣнѣ велѣть пытать, чтобъ имъ объ воровскихъ и объ измѣнныхъ дѣлехъ вѣдати».

Велѣно было и того «беречи накрѣпко, чтобъ Польскій король и Поляки, умысля кого на ссору, съ какими прелестными письмами или словомъ наказавъ, не прислали, и межъ православными христіяны вражды какой не учинили, похотя того, чтобъ ихъ ссорить и привести къ развратью и ко всякому дурну».

Очень много говорится въ наказѣ относительно собиранія «вѣстей» изъ сосѣдственныхъ государствъ и объ «вѣстовщикахъ». Велѣно было «для вѣстей держати вѣстовщиковъ въ тѣхъ городѣхъ, откуды чаять приходовъ воинскихъ людей (то есть непріятеля), по кольку человѣкъ пригоже, съ перемѣною помѣсячно, чтобъ воинскіе люди, пришедъ безвѣстно, надъ городами какого дурна не учинили, и людей не побили, и въ полонъ не поймали, и стадъ конскихъ и животинныхъ не отогнали».

Наиболѣе достовѣрныя вѣсти могли сообщать торговые люди. Разъѣзжая за рубежемъ, для своихъ торговыхъ дѣлъ, они имѣли большія знакомства и невольно присматривались и прислушивались ко всему. Торго-

выхъ людей, при увольненіи ихъ за рубежъ, прямо обязывали собирать разныя вѣсти, и военныя, и политическія[48]. Въ наказѣ, данномъ Шереметеву, читаемъ: «А для провѣдыванья всякихъ вѣстей въ Литовскую сторону, посылать, по прежнему государеву указу, торговыхъ лучшихъ людей, кому бъ мочно было вѣрить, и велѣть про всякія вѣсти провѣдывать подлинно. А что изъ Литовскія стороны торговые люди пріѣхавъ, какихъ вѣстей скажутъ, и то велѣть записывать, и о тѣхъ вѣстяхъ писати къ Москвѣ въ Разрядъ и въ Посольскій приказъ».

Вѣсти съ Татарской стороны указано было добывать отъ взятыхъ въ бояхъ языковъ, «и тѣхъ языковъ—сказано въ наказѣ—расспрашивать и пытать накрѣпко: самъ ли Крымскій ханъ войною пришелъ или царевичей прислалъ, и кто имяны съ ханомъ Крымскіе и Большого Нагаю и Казыева улусу и Азовскіе и Бѣлгородскіе мурзы, и пѣшіе съ вогненнымъ боемъ съ ними есть ли, и многіе ль люди, и собою ль Крымскій ханъ пришелъ

[48] По этому предмету имѣется дѣльное изслѣдованіе, по архивнымъ источникамъ, Н. Оглоблина: «Воеводскія вѣстовыя отписки XVII вѣка, какъ матеріалъ для исторіи Малороссіи» (Кіевская Старина. 1885. іюль. стр. 365 и слѣд.).

или по велѣнью Турского салтана, и въ которыхъ мѣстехъ Крымскому хану и царевичамъ и большимъ воинскимъ людемъ и сколько въ войнѣ имъ быть. И у Турского салтана и у Крымского хана съ Польскимъ королемъ ссылки есть ли, и о чемъ ссылка, и съ кѣмъ у Турского салтана нынѣ война и впредь войны съ кѣмъ чаять. А что языки въ распросѣ и съ пытки скажутъ, и о томъ о всемъ писать къ государю наскоро, чтобъ государю про все про то было вскорѣ вѣдомо. А сеунщиковъ безъ распросныхъ рѣчей къ государю не присылать, а присылать сеунщиковъ и гонцовъ съ распросными рѣчми».

Какъ только получатся «подлинныя вѣсти» о непріятелѣ и «почаютъ приходу воинскихъ людей къ Кіеву», Шереметевъ обязанъ былъ, «смотря по вѣстемъ, тотчасъ осаду росписать, и у города и у острогу худыя мѣста велѣть подѣлать, и нарядъ по городу и по острогу поставить, и катки[49] покласть, и колья и каменья на городѣ и на острогѣ изготовити, и совсѣмъ осаду накрѣпко укрѣпить, и Кіев-

---

[49] Катками назывались бревна, которыя помѣщались на крышѣ оборонительной ограды; ихъ скатывали на непріятеля во время приступа.

скимъ жилецкимъ всякихъ чиновъ людемъ, съ женами и съ дѣтми и со всѣми ихъ животы, велѣть имъ быть въ городѣ, до приходу воинскихъ людей, заранѣе. И мѣщанъ по городу и по острогу по мѣстамъ росписать, и головъ у нихъ учинити, и велѣть имъ въ Кіевѣ быти, покамѣста про воинскихъ людей вѣсти поминуются. А для воды, чтобъ въ осадное время осаднымъ людемъ водою скудно не было, велѣть покопать колодези или подѣлать къ рѣкѣ, будетъ мочно, тайники».

Наказъ строго наставляетъ, чтобы драгунамъ, солдатамъ и стрѣльцамъ выдавали «зелье и свинецъ изъ государевы казны, смотря по посылкамъ, при начальныхъ людяхъ, и приказывать начальнымъ людемъ, чтобъ они берегли того накрѣпко, чтобъ зелья и свинцу безъ дѣла не теряли; а что для посылокъ и какимъ людемъ зелья и свинцу въ расходъ выйдетъ, и то все велѣть писать въ книги подлинно, по статьямъ, и тѣ книги, за дьячьею приписью, присылати къ государю, къ Москвѣ, въ Разрядъ и въ Пушкарскій приказъ, по годамъ, для счету».

Воеводамъ предписывалось содержать боевые припасы со всевозможными предо-

осторожностями: «А держать имъ зелейную и свинцовую казну за своими печатьми, и къ зелейной и къ свинцовой казнѣ стороннихъ никакихъ людей не пускати, опричь тѣхъ, которымъ зелейная и свинцовая казна приказана будетъ, чтобъ про зелейную и про свинцовую казну сторонніе люди никто не вѣдали. Да и ключи зелейные и свинцовые казны держати имъ, воеводамъ, у себя; и пушкаремъ, и затинщикомъ у зелейные и у свинцовые казны, для береженья, въ день и въ ночь, велѣть быти безотступно, перемѣняясь, чтобъ однолично у зелейной и у свинцовой казны все было стройно и бережно, и истери бъ, и никакія порухи зелью и свинцу не было».

Василью Борисовичу Шереметеву приказано было отписать къ воеводамъ тѣхъ городовъ, «которые велѣно вѣдать къ Кіеву», чтобы «казакамъ и городскимъ и уѣзднымъ людемъ налогъ и обидъ никакихъ не дѣлали, и держали къ нимъ ласку и привѣтъ добрый; да и государевымъ бъ людемъ, которые, по государеву указу, съ ними, воеводами, заказъ учинили крѣпкій, чтобъ жили смирно и задоровъ никакихъ съ Черкасы и съ мѣщане не

чинили, и ни въ чемъ не ссорились, и объ ратномъ дѣлѣ и о городовомъ строеньѣ и о приходѣ воинскихъ людей съ ними совѣтовали, смотря по тамошнему дѣлу».

А самому Василью Борисовичу и его товарищамъ, неослабно наблюдать, чтобы «въ Кіевѣ, на посадѣ и въ слободахъ и въ Кіевскомъ уѣздѣ, въ селахъ и деревняхъ, разбою и татьбы и иного никакого воровства не было.

«А будетъ учнутъ разбивать, или красть, или инымъ какимъ воровствомъ воровать государевы служилые люди, которые съ нимъ, бояриномъ Васильемъ Борисовичемъ, посланы, и ему тѣхъ воровъ велѣть имать, и про ихъ воровство сыскивать всякими сыски, накрѣпко, и разбойниковъ и татей и всякихъ воровскихъ людей въ воровствѣ велѣть пытать. А что на кого въ распросѣ и съ пытки скажутъ, и тѣ ихъ распросныя и пыточныя рѣчи велѣть записывать и велѣть ихъ держать въ тюрмѣ до государева указу, съ великимъ береженьемъ; а животы ихъ отписывать на государя. Да о томъ писати ко государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичю всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцу, въ Разбойной приказъ, и

государь о тѣхъ разбойникехъ и о татехъ велитъ указъ учинить.

«А будетъ учнутъ ему, боярину и воеводамъ, бить челомъ о какихъ обидныхъ дѣлехъ, о управѣ, казаки или мѣщане на государевыхъ людей, которые съ ними будутъ, и имъ давать на нихъ судъ, и про то сыскивать, и управа всякая чинить чего доведется, и ото всякаго дурна и отъ воровства унимать, и за воровство чинить наказанье, смотря по винѣ и по человѣку.

«А будетъ только государевы люди учнутъ ему, боярину и воеводамъ, бить челомъ въ какихъ въ обидныхъ дѣлехъ, о управѣ жъ, на казаковъ или на мѣщанъ, и боярину и воеводамъ, кто будетъ челобитчикъ: на казака — посылать ихъ, съ кѣмъ пригожъ, къ полковникомъ; а будетъ кто учнетъ бить челомъ на мѣщанъ, — и тѣхъ посылать къ бурмистромъ и войтомъ, на ратушу, и велѣть имъ, чтобъ они противъ ихъ челобитья, кто на кого въ какомъ дѣлѣ будетъ челобитчикъ, расправу учинили, чего доведется, вправду, безволокитно»[50].

---

[50] Московскій архивъ министерства юстиціи: Малороссійскаго приказа столбецъ 5850.

ГЛАВА IV.

Такою же мудрою предусмотрительностію, такимъ же добрымъ отношеніемъ къ мѣстному населенію и его нуждамъ, проникнутъ и другой наказъ, данный боярину Василью Борисовичу Шереметеву изъ Посольскаго приказа[51]. Онъ касается предмета, наиболѣе важнаго, по тому времени, для Малороссіи: водворенія внутренняго порядка въ странѣ, устройства ея имущественныхъ дѣлъ, до безконечности запутавшихся послѣдними неурядицами. Но къ этому трудному дѣлу можно было приступить лишь тогда, когда, по словамъ наказа, «въ войскѣ Запорожскомъ всякіе бунты и ссоры утишатся и непріятельского наступленья никакова не будетъ». Толь-

---

[51] Напечатанъ въ Актахъ, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. № 75.

ко при этомъ условіи Василью Борисовичу Шереметеву предписывалось, по пріѣздѣ въ Кіевъ, пригласить къ себѣ гетмана Ивана Выговскаго съ полковниками, и учинить съ ними договоръ на счетъ переписи казаковъ: «И какъ гетманъ Иванъ Выговскій въ Кіевъ пріѣдетъ, и боярину Василью Борисовичю съ товарыщи говорити гетману и полковникомъ и сотникомъ и всему войску о числѣ войска Запорожского, чтобъ учинили смотръ, и выбрали въ реестровые казаки 60.000 казаковъ, которые службу служатъ давно; а которые мѣщаня или пашенныя крестьяня пописались въ казаки вновь, и тѣмъ бы быть въ прежнихъ своихъ чинехъ, а съ казаками бы имъ не мѣшаться; а буде кто изъ того реестровοго списка убудетъ, и въ тѣхъ убылыхъ людей мѣсто вписывать полковникомъ такихъ же служилыхъ старыхъ казаковъ, чтобъ число войска Запорожского всегда было непремѣнно и на службѣ бъ, гдѣ царского величества изволенье будетъ, были они всегда готовы. А которые казаки за спискомъ будутъ влишкѣ, и тѣхъ, поговоря съ гетманомъ, устроить на пашню, а которые полутче, и ихъ въ мѣщаня. А учинить то все по совѣту съ гетманомъ съ

Иваномъ Выговскимъ и съ полковники, также бы и чернь то вѣдали, чтобъ было впередъ прочно и постоянно».

Правительство, ограничивая власть Шереметева въ дѣлѣ переписи приказаніемъ совѣтоваться во всемъ съ гетманомъ и войсковою старшиною, предвидѣло, что казаки останутся недовольны этимъ и будутъ просить, чтобъ перепись произведена была однимъ царскимъ воеводою, безъ участія полковниковъ, которые «напередъ сего, какъ была Украйна подъ властью королей Польскихъ, писали въ реестръ не тѣхъ, которые въ войскѣ Запорожскомъ заслуженые, а тѣхъ, которые подкупятся». На случай такой просьбы, Василью Борисовичу Шереметеву поручено было говорить, что онъ «казаковъ, которые напередъ сего служили и годятся въ реестръ, не знаетъ, а знаютъ полковники и сотники»; вмѣстѣ съ тѣмъ предупредить послѣднихъ, чтобъ они «писали въ реестръ прямыхъ казаковъ, правдою, чтобъ послѣ челобитья не было».

Еще осторожнѣе поставлено было въ наказѣ щекотливое дѣло переписи Малороссійскихъ доходовъ. Шелъ уже пятый годъ со времени приведенія Малороссіи подъ державу

Русскую, а правительство все еще не могло добиться свѣдѣній о томъ, получаются ли какіе либо доходы съ Черкасскихъ городовъ, и куда идутъ они. Изъ наказа, даннаго Василью Борисовичу Шереметеву, видно, что онъ долженъ былъ, не подымая самъ вопроса о доходахъ, воспользоваться для его постановки тѣмъ случаемъ, когда гетманъ и полковники «учнутъ говорить, чтобъ списковымъ казакомъ давать государево жалованье, по указнымъ статьямъ». Шереметеву наказано отвѣчать, что «списковому войску великій государь пожалуетъ свое государево жалованье, по указнымъ статьямъ, давать велитъ въ то время, какъ они будутъ на царского величества службѣ, сбирая Малые Росіи съ городовъ». Вслѣдъ за тѣмъ, Шереметевъ долженъ былъ распросить гетмана и взять у него росписи о томъ: «Изъ какихъ доходовъ на списковыхъ казаковъ, какъ служба будетъ, заплата давать? Много ль въ Малой Росіи тѣхъ городовъ и мѣстъ, съ которыхъ поборы сбираны на Польскихъ королей? Сколько сенаторскихъ и шляхетскихъ и кляшторныхъ маетностей и аренды, и сколко со всѣхъ сберется доходовъ на годъ, порознь? И буде

лучится сбирать подымное, сколько Малые Росіи съ которого полку порознь сберется подымного, также и съ арендъ со всякихъ сколько сберется»?

Если же Выговскій сказалъ бы, что у него нѣтъ росписей доходовъ, тогда Шереметевъ, по наказу, долженъ былъ, поговоря съ гетманомъ и полковниками, послать отъ себя во всѣ полки дворянъ, а со стороны ґетмана, выборныхъ казаковъ, для переписи имущества и доходовъ. Далѣе, въ наказѣ слѣдуетъ пространное наставленіе, какимъ порядкомъ надлежитъ производить эту имущественную перепись, а въ заключеніе, Шереметеву поручалось: «накрѣпко приказать» тѣмъ людямъ, которые будутъ посланы для переписи, «чтобъ они дѣлали правду, а буде учнутъ дѣлать какую неправду, переписывать угодья всякіе не сполна, или въ откупной отдачѣ учнутъ корыстоваться, а послѣ про то вѣдомо учинится, и имъ за то отъ великого государя быти въ великой опалѣ и въ жестокомъ наказаньѣ».

Наказъ изъ Разряда полученъ былъ Васильемъ Борисовичемъ Шереметевымъ уже по прибытіи въ Кіевъ, а наказъ изъ Посоль-

скаго приказа врученъ ему въ день отъѣзда изъ Москвы, и, вѣроятно, съ обычною торжественностію, въ Успенскомъ соборѣ, какъ это было, напримѣръ, при врученіи наказа князю Алексѣю Никитичу Трубецкому: воеводскій наказъ полагали въ кіоту Владимірской иконы Божіей Матери, на пелену, потомъ, въ присутствіи царя, передавали воеводѣ[52].

Подробностей объ отъѣздѣ Василья Борисовича на воеводство въ Кіевъ, не сохранилось. Въ разрядной книгѣ лишь вкратцѣ записано, что 5 мая 1658 года, «послалъ государь въ Кіевъ боярина Василья Борисовича Шереметева съ товарищи»[53].

Напомнимъ, что это распоряженіе состоялось ровно за два мѣсяца до описаннаго нами въ предыдущей книгѣ церемоніала пріема при дворѣ Грузинскаго царя Теймураза, когда произошло извѣстное столкновеніе Богдана Матвѣевича Хитрово съ патріаршимъ стряпчимъ, и когда единственный сынъ Василья Борисовича, Иванъ Васильевичь Шереметевъ, впервые появился на придворной

---

[52] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. X. Спб. 1860. стр. 356.

[53] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 130.

службѣ, въ качествѣ чашника[54]. Въ тотъ-же самый день, 5 мая, государь «пожаловалъ въ комнату» дядю Василья Борисовича (родного брата его мачихи, Ульяны Петровны), боярина князя Ивана Петровича Пронскаго; а недѣлю спустя, указалъ ему быть въ дядькахъ у наслѣдника престола, царевича Алексѣя Алексѣевича.

Столь высокое положеніе при дворѣ близкаго родственника, конечно, имѣло значеніе для остававшейся въ Москвѣ немногочисленной семьи Василья Борисовича, состоявшей, какъ извѣстно, изъ мачихи—Ульяны Петровны, жены—Прасковьи Васильевны, сына—Ивана Васильевича и дочери—Афимьи Васильевны.

Только теперь, изъ вновь открытаго архивнаго документа, узнали мы, что мать Ивана Васильевича Шереметева, Марья Ивановна (первая жена Василья Борисовича), была дочерью думнаго дьяка Ивана Аѳанасьевича Гавренева[55], извѣстнаго дѣльца своего времени. Это родство могло имѣть свои выгоды

---

[54] Родъ Шереметевыхъ. Кн. IV. Спб. 1884. стр. 398—404.

[55] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1666 г. Связка $^{56}/_{a}$. № 2.

и для самого Василья Борисовича, такъ какъ въ описываемое время, Гавреневъ, состоя уже въ санѣ окольничаго, былъ начальникомъ Разряднаго приказа, въ которомъ вѣдомы были «всякія воинскія дѣла», а также бояре, окольничіе и другихъ чиновъ служилые люди «всякою службою». Полученный Шереметевымъ наказъ изъ Разряда, конечно, былъ дѣломъ рукъ его почтеннаго свата.

Отъ второго же брака, съ Прасковьей Васильевной, Василій Борисовичь имѣлъ только одну дочь—Афимью. Прасковья Васильевна, какъ это стало извѣстно также лишь теперь, была дочерью Василья Алексѣевича Третьякова[56]. Это былъ послѣдній представитель древняго рода Третьяковыхъ, имѣвшихъ съ Головиными общаго родоначальника, Греческаго князя Стефану Ховру, потомка императоровъ Комниновъ[57]. О болѣзненности боярыни Прасковьи Васильевны, свидѣтельствуетъ самъ Василій Борисовичь, въ одной отпискѣ

---

[56] В. и Г. Холмогоровы. Историческіе матеріалы о церквахъ и селахъ XVI — XVIII столѣтій. Селецкая десятина, Московскаго уѣзда (Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ. 1885 г. Кн. IV. Отд. 1. стр. 90—99). Сравни съ примѣчаніемъ 219 въ IV книгѣ «Рода Шереметевыхъ».

[57] Бархатная книга, хранящаяся въ Герольдіи. Глава 41. №№ 284—286.

къ государю: «А женишка моя, бабенка увешная, безъ ногъ» [58].

Хотя Василій Борисовичь и называетъ въ той же отпискѣ свои помѣстья «худыми деревнишками», а потомъ и прямо жаловался на свою «скудость и маловотчинство», но изъ фамильныхъ документовъ [59] видно, что въ пору отъѣзда на Кіевскую службу, его недвижимое имущество, по крайней мѣрѣ, по количеству, было довольно значительно и находилось въ семи уѣздахъ: Московскомъ, Коломенскомъ, Владимірскомъ, Суздальскомъ, Костромскомъ, Нижегородскомъ и Арзамасскомъ.

Въ перечнѣ имѣній Василья Борисовича Шереметева слѣдуетъ прежде всего поставить его три «родовыя, старинныя, прародительскія» вотчины, а именно:

1) Село Чиркино, Коломенскаго уѣзда, «съ усадьбою и со всякимъ дворовымъ и хоромнымъ строеніемъ» и съ деревнями: Ивантѣевой, Щербининой и Орѣховой, всего 637 четвертей земли. Къ селу же принадлежали:

---

[58] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла 1666 г. Связка $^{56}/а$. № 2.

[59] Архивъ графа С. Д. Шереметева. № 1212.

отхожая деревня Горностаева и пустошь Бурзуки, заключавшія въ себѣ 143 четверти. А всего въ Чиркинской вотчинѣ числилось 780 четвертей земли[60].

2) Село Филисова слобода, Владимірскаго уѣзда, съ деревнями, пустошью Зварыковою и другими пустошами, всего 903 четверти[61].

3) Сельцо Цыбѣево (половина), Суздальскаго уѣзда, съ полупустошами, всего 304 четверти[62].

Во всѣхъ трехъ родовыхъ вотчинахъ числилось 1987 четвертей земли.

Далѣе слѣдуютъ двѣ выслуженныя вотчины Василья Борисовича:

4) Село Широково, Костромскаго уѣзда, съ деревнями, «что̀ ему дано за службу въ вотчину изъ прожиточнаго помѣстья жены его» Прасковьи Васильевны.

5) Село Кубенцово[63], Нижегородскаго уѣзда, съ деревнями и пустошами, «его, Ва-

---

[60] О Чиркинѣ см. въ предыдущихъ книгахъ исторіи Рода Шереметевыхъ: I, 53; II, 364—367; III, 420. 421.

[61] Родъ Шереметевыхъ: кн. I, 449. 450; III, 323.

[62] Тамъ-же, кн. II, 364.

[63] Село Кубенцово (въ старыхъ документахъ Кубанцово), въ одной верстѣ отъ города Балахны, принадлежитъ нынѣ Василью Петровичу Шереметеву.

силья Борисовича, выслуги, что̀ ему дано изъ его помѣстья въ вотчину».

Три приданыя вотчины:

6) Сельцо Селивачево, Невзоровское тожъ, Московскаго уѣзда, Жданскаго стана, полученное Васильемъ Борисовичемъ въ приданое за первою женою, Марьей Ивановной Гавреневою[64].

7) Сельцо Ховрино, Московскаго уѣзда[65], полученное Васильемъ Борисовичемъ въ приданое за второю женою, Прасковьей Васильевной Третьяковою.

8) Деревня Головино, Костромскаго уѣзда, тоже получено въ приданое за Прасковьей Васильевной.

Кромѣ того, у Василья Борисовича была купленная вотчина:

9) Сельцо Паново, Осаново тожъ, Арзамасскаго уѣзда[66].

И еще три деревни въ Нижегородскомъ уѣздѣ:

---

[64] Сельцо Селивачево состоитъ нынѣ въ дворцовомъ вѣдомствѣ. Оно находится въ Бронницкомъ уѣздѣ, на Подольскомъ трактѣ, изъ Бронницъ въ Подольскъ.

[65] Въ десяти верстахъ отъ Москвы, по лѣвую сторону Дмитровскаго тракта, изъ Москвы въ городъ Калязинъ.

[66] По нынѣшнему административному дѣленію, сельцо это находится въ Сергачскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи.

10) Деревня Кисловка.

11) Деревня Лыткина,

и 12) Деревня Егорьевская.

Эти три деревни существуютъ и донынѣ подъ тѣми же названіями и находятся въ Макарьевскомъ уѣздѣ, на почтовомъ Казанскомъ трактѣ изъ Нижняго въ городъ Василь [67].

О принадлежности Василью Борисовичу Шереметеву сельца Панова и трехъ послѣднихъ Нижегородскихъ деревень, мы узнаемъ изъ отписки самого Василья Борисовича, присланной имъ къ государю приблизительно въ 1665 году, уже изъ Крымскаго плѣна. По этой отпискѣ можно судить, въ какія ненадежныя руки попадало иногда управленіе помѣстьями нашихъ бояръ, проводившихъ большую часть жизни на государевой службѣ, вдали отъ своего хозяйства. «Нехто недругъ мой,—пишетъ Василій Борисовичь,—мимо воли Божіі, внесъ въ люди на Москве, что бутто я, холопъ твой, въ неприятелскихъ нечестивыхъ рукахъ въ Крыме умеръ. И слыша то, холопи мои учинились непослушны: сынишку моему въ домишку ево объявилось отъ холопей воровство

---

[67] Списокъ населенныхъ мѣстъ Нижегородской губерніи. Спб. 1863. №№ 3473, 3474 и 3504.

великоя и твое государево жалованье, многия денги мои и рухледишку многую, покрали у сынишка моево. И въ деревнишкахъ, которымъ приказана людишкамъ моимъ, хлѣбъ мой они покрали и мужиченковъ разогнали, а иныхъ мужиченковъ моихъ роздали и розпродали. Изъ Нижегоротцкихъ моихъ деревнишекъ, изъ Кисловки, изъ Лыткина, изъ Егорьевскова, человѣкъ мой Войка Корсаковъ многихъ мужиченковъ роздалъ детемъ боярскимъ безъ записки и безъ очныхъ ставакъ, для своей корысти поималъ у нихъ многия денги. И которыхъ мужиченковъ моихъ Войка продавалъ кому, и съ теми-жъ людми стакався, онъ велелъ имъ подсылать въ деревнишка мои техъ же мужиковъ, которыхъ имъ продавалъ, къ остальнымъ моимъ мужиченкомъ, бутто наймоватца для работы, и велелъ имъ подсылныхъ мужиковъ имать съ приставы, и на осталыхъ моихъ мужиченкахъ человекъ мой Войка правилъ денги, рублевъ по сороку и по петидесятъ, невѣдомо по какимъ воровскимъ записямъ. И ныне Войка хочетъ бежать, слыша то, что бутто я въ неприятельскихъ рукахъ умеръ. Человекъ же мой Мишка Збоевъ, въ Орзамасской моей де-

ревнишке, въ сельце Панове, воровалъ, наругался надъ крестьяны, впрегалъ въ сохи и на нихъ пахалъ, и отъ сохъ крестьяня помирали. И такова поруганья надъ крестьяны и въ нечестивой стороне босурьманского закону и злова народу не бываетъ, которыя крестьяня у нихъ взяты въ пленъ, какъ человекъ мой Мишка Збоевъ, забывъ страхъ Божей, наругался надъ крестьяны въ деревнишке моей. Онъ же, Мишка, воровалъ, не прочя меня, холопа твоево, и чаялъ тово, что я не живъ, покралъ хлѣбъ мой безъ остатку и мужиченковъ моихъ многихъ роздалъ детемъ боярскимъ и розогналъ. И отъ холопей моихъ, отъ Войки Корсакова и отъ Мишки Збоева, деревнишка мои до конца разорены и хлебъ покраденъ безъ остатку»[68].

Характерная отписка Василья Борисовича Шереметева отвлекла насъ далеко впередъ, ко времени его злосчастнаго Крымскаго плѣна. Возвратимся къ прерванному разсказу.

---

[68] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла. 1666 г. Связка 56/а. № 2.

ГЛАВА V.

Василій Борисовичь Шереметевъ выѣхалъ изъ Москвы, на государеву службу въ Кіевъ, въ сопровожденіи приказа Московскихъ стрѣльцовъ. При Шереметевѣ же находился и его первый товарищъ, князь Юрій Никитичь Борятинскій, а стольникъ Чаадаевъ ѣхалъ отдѣльно и присоединился къ нимъ уже подъ самымъ Кіевомъ. Въ то время, «отъ Москвы до Кіева, чрезъ Сѣвскъ и Малороссійскіе городы», считалось 960 верстъ[69]. Можетъ быть, до Калуги (160 верстъ) Василій Борисовичь слѣдовалъ водою, на судахъ, сперва по Москвѣ-рѣкѣ, потомъ по Окѣ. Отъ Калуги же до Сѣвска онъ ѣхалъ, такъ называемою, большою Путивльскою дорогою, «по

---

[69] И. П. Хрущовъ. Очеркъ ямскихъ и почтовыхъ учрежденій отъ древнихъ временъ до царствованія Екатерины II. Спб. 1884. Приложеніе V.

дремучимъ лѣсамъ, по пнямъ и кореньямъ, по безпокойной бревенчатой мостовой»[70]. На сколько путь этотъ былъ неустроенъ, видно изъ того, что въ іюлѣ слѣдующаго 1659 года, вынуждены были, наконецъ, сдѣлать распоряженіе: «по той дорогѣ въ городѣхъ, въ которыхъ городѣхъ ямовъ нѣтъ, и въ селѣхъ и въ деревняхъ, въ сорокѣ и въ пятидесяти верстахъ, для посылки скорыхъ государевыхъ дѣлъ, росписать станы, и на тѣхъ станѣхъ быть посадскимъ и уѣзднымъ людемъ по десяти человѣкъ съ подводы на готовѣ... Да взять съ помѣщиковыхъ и съ вотчинниковыхъ всякихъ чиновъ людей, съ крестьянъ и съ монастырскихъ вотчинъ (ближайшихъ къ Калугѣ городовъ), съ десяти дворовъ по подводѣ съ телѣгами и хомуты, и быть тѣмъ подводамъ въ Калугѣ для подъему государевыхъ ратныхъ пѣшихъ людей и ружья и всякихъ запасовъ»[71]. И такъ, ничего этого не было, когда по Путивльской дорогѣ шелъ Василій Борисовичъ Шереметевъ съ отрядомъ

[70] Аболенскій. Московское государство при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, по Запискамъ архидіакона Павла Алеппскаго. Кіевъ. 1876. стр. 10.

[71] Полное собраніе законовъ Россійской имперіи. Собраніе первое. Т. I. Спб. 1830. № 251.

стрѣльцовъ. Онъ могъ дѣлать круглымъ счетомъ только верстъ по двадцати въ день. А между тѣмъ, уже во Мценскѣ, куда Шереметевъ прибылъ лишь 22 мая (выѣхавъ изъ Москвы 5-го), получено было отчаянное письмо отъ полковника Григорья Лесницкаго изъ Путивля (гдѣ тотъ остановился по пути изъ Москвы), съ мольбою поспѣшить въ Кіевъ и прекратить неистовства Пушкаря. «Всѣялъ непріятель душевной ненависть межи народомъ христіянскимъ,—писалъ Лесницкій Шереметеву,—и разбреніе въ Россіи той Малой черезъ запамяталого человѣка и его помочниковъ. Благочестивая Крайна и церкви Божія до упадку и зношеню[72] приходятъ. Росширился злыхъ людей бунтовниковъ и своевольниковъ всюда огонь, котораго тилко за скорымъ прибытіемъ тебя, господина моего, въ тую Россію не утолимъ, то иныя околичныя непріятелеви, яко Ляхи, Татарове, змѣнивши, впадутъ на то нестроеніе и дощенту[73] землю и присяжныхъ крестьянъ, подданныхъ его царскаго величества, знесутъ»[74].

---

[72] Зношення = истребленіе, уничтоженіе.

[73] Дощенту = до основанія, до тла.

[74] Московскій архивъ министерства юстиціи: Малороссійскаго приказа столбецъ 5850.

Василій Борисовичь Шереметевъ, въ тотъ же день, какъ получилъ это письмо, выѣхалъ изъ Мценска, а самое письмо Лесницкаго отправилъ въ Москву, при отпискѣ на имя государя, въ которой, по поводу приглашенія итти поскорѣе въ Кіевъ, объясняетъ, что онъ и безъ того идетъ не мѣшкая: «идемъ на день верстъ по двадцати и болши»[75].

Шереметевъ напрасно пересылалъ въ Москву письмо полковника Лесницкаго, потому что тотъ и отъ себя отправилъ донесеніе къ государю, въ которомъ еще полнѣе, еще ярче изобразилъ тогдашнее бѣдственное положеніе Малороссіи, по точнымъ вѣстямъ, полученнымъ имъ въ Путивлѣ. Лесницкій писалъ государю, что Пушкарь, къ вящшему нестроенію и разоренію Малороссіи, уже послалъ своихъ «своевольниковъ и бунтовниковъ» добывать Глуховъ, «и людей бѣдныхъ безвинно грабить и животы ихъ отымать велѣлъ, и уже много невинныхъ христіянъ мученически отъ голиковъ, Бога не боящихся, мучительства нестерпимыя перетерпѣвъ, пострадали. Розливаетца кровь христіянская,

[75] Не приводимъ содержанія этой отписки. Она приложена при семъ въ точномъ снимкѣ.

Г(осу)д(а)рю ц(а)рю и великому кн(я)зю Алексею Михайло-
вичю всеа Великия и Малыя и Белыя Росии
самодержцу холопи твои Васка Шереметев
Юшка Доронкин Сенко Дьяков в нынешнем г(осу)д(а)рь
во ҂зрѕ году мая в .ка. писали мы к тебе
холопи твои с Васкою Ипатиевым миргородцкого
полковника Григорья Лесницкого что помощни-
ки пушкаря Нежинского протопопа Максима
велел убить и животы его велел пограбить
и иные худые свои помыслы и бунтовщики
подговаривают и разговаривают и ныне холопем твоим
тесноты и ныне и мы холопи твои и днем
и нощию с ними холопи твоими ходя стере-
жемся на всякой час с приказу а где мы холопи
твои ныне где взять подлаца и боимся и при-
ли мы холопи твои Воценев мая в .кв. день
щенка послали мы холопи твои о той числа
а которые даваны указа ты великий г(осу)д(а)рь
на твое великого г(осу)д(а)ря службу быть с нами
холопи твоими и они мая по .кв. число
холопем твоим не бывали а приехав вот
нежинских дела Савка дворянин Максимов
Михайлов сын и на ... ... а двор
его сносили ... твоей великого
г(осу)д(а)ря указ и пропивные грамоты ныне ...
ныне а двор Василиевых бутылин
иные которые даваны по твоему великого
г(осу)д(а)ря указу велено быть с ними холопи
твоими Васкою и с ними холопом твоим
Юшкою после ... холопем твоим
про ... не приехано ... миро-
городцкого полковника Григорья Лесницкого
пола к тебе великому г(осу)д(а)рю мы холопи
твои и сотенника мая в .кв. после отписки
сотенник ... ...ному
казаком Федоровым отписку и таковы ж мы
холопи твои подали в Разряд ...
Ивану Офонасьевичю Гавреневу
д(ь)яком думным Семену Заборовскому
Дохтурову ... Григорью Богданову

Гдрю црю и великому кнзю Алексею Михайловичю всеа великия и малыя и белыя росии самодержцу

[illegible] мая въ [illegible] Со свщенником [illegible]

Иванъ [illegible]

[illegible]

аки вода, отъ междоусобного разоренія: уже чаю упадаетъ Россійскій народъ, и городы пустошатъ и палятъ и къ церквамъ Божіимъ дѣлаетца тожъ и впредь будетъ. А Пушкарь съ такою лжею до вашего царского величества пресвѣтлого престола, пустошачи безпрестанно, гетмана оговаривая, посылаетъ, будто онъ, измѣнивъ вашему царскому величеству, до орды передался; чего Пушкарь и тѣ малоумные не покажутъ, что того никогда не будетъ. Не дай Боже, естлибъ въ то время не было при гетманѣ для обереганья здоровья своего, для страху и славы что нибудь Татаръ, тогда бы онъ своеволею давно и гетмана убилъ и городы и всю землю въ нивочто обратилъ. А та орда никому нигдѣ обиды чинить не будетъ, будучи при гетманѣ, аже до приходу въ Росію посланного боярина и воеводы Василья Борисовича Шереметева. И мнѣ слузѣ и подданному вашего царского величества, самому, безъ Василья Борисовича Шереметева, нельзя прямо къ гетману ѣхать, понеже и писму и посланникомъ вашего царского величества не вѣрятъ и кого гдѣ нибудь нападшихъ, побиваютъ... Умилосердися, великій государь, вели боярину своему Ва-

силью Борисовичю Шереметеву, давъ ему власть на тѣхъ своевольниковъ великую, а при немъ гетману и полковникомъ, наскоро поспѣшатись для успокоенія междоусобія, милосердовавъ о народѣ христіянскомъ, а тѣмъ плутливымъ и неподлиннымъ оговоромъ злыхъ и превратныхъ людей не вѣрити, понеже и такъ Богъ вѣсть, что̀ съ тою Малою Росіею впредь будетъ дѣлатца»[76].

Изъ Москвы, однако, не торопили Шереметева, ибо хорошо знали, что по тѣмъ дорогамъ, притомъ съ цѣлымъ отрядомъ стрѣльцовъ и съ ихъ обозомъ въ 70 подводъ, итти скорѣе было невозможно.

27 мая, Василій Борисовичь прибылъ въ Кромы и тотчасъ-же послалъ гонца въ Сѣвскъ, къ полковнику Вилиму Эглину, въ другой разъ предупредить его, «чтобы онъ съ начальными людьми и съ драгуны въ Сѣвску збирался, не мѣшкая, и къ его приходу былъ бы готовъ со всѣмъ своимъ полкомъ (Комарницкихъ драгунъ), чтобъ, за зборами драгунскими, въ Сѣвску ему, Шереметеву, мотчанья не было».

---

[76] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. IV. Спб. 1863. № 67.

Но случилось именно то, чего такъ опасался Шереметевъ. Онъ пришелъ въ Сѣвскъ 31 мая, а изъ назначенной къ нему въ отрядъ тысячи Комарницкихъ драгунъ оказалось въ сборѣ всего только 400 человѣкъ. Помощникъ Эглина, подполковникъ Христофоръ Графъ, объяснилъ, что «они посылали начальныхъ людей высылать драгуновъ многожды, и драгуне-де учинились непослушны, въ полкъ не поѣхали». Шереметевъ, ни мало не медля, послалъ изъ Сѣвска сотника Московскихъ стрѣльцовъ Мокія Мордвинова и «велѣлъ ему, драгунамъ, которые непослушны и въ полкъ къ полковнику въ Сѣвескъ не поѣхали, чинить наказанья и выслать ихъ велѣлъ въ Сѣвескъ тотчасъ». Донося объ этомъ распоряженіи государю, Шереметевъ присовокупилъ: «а какъ драгуны зберутца, и мы пойдемъ въ Кіевъ; а не собрався со всѣми людьми, итти намъ въ Кіевъ опасно отъ Татаръ и отъ воровъ казаковъ, чтобъ надъ нами и надъ стрѣльцами дурна какова не учинили, какъ мы пойдемъ Черкаскими городами въ Кіевъ».

И дѣйствительно, въ Малороссіи шла тогда уже открытая война Пушкаря съ Выговскимъ. Сѣвскій воевода Ефимъ Козловъ ска-

зывалъ Шереметеву, что гетманъ Иванъ Выговскій, съ тридцатью тысячами Татаръ, пришелъ подъ Полтаву на полковника Мартына Пушкаря, «и Полтаву-де осадили и приступаютъ къ Полтавѣ жестокими приступы, и многіе-де Черкаскіе городы и села и деревни воюютъ и жгутъ». Извѣстіе это дало Шереметеву поводъ послать къ гетману Ивану Выговскому первое письмо, въ которомъ ставилъ ему на видъ, «что пошолъ на полковника Мартына Пушкаря безъ великаго государя указу, а Татаровя съ нимъ, и великаго государя Черкаскіе городы разоряютъ, а уѣзды воюютъ». Шереметевъ писалъ, чтобъ Выговскій, «Татаръ отъ войны унялъ и городовъ разорять и уѣздовъ воевать Татаромъ не велѣлъ; а раздѣлясь съ Татары, по великаго государя указу, для великаго государя дѣлъ, ѣхалъ бы къ нему, Шереметеву, въ Кіевъ, и полковникомъ бы велѣлъ быть».

Но письмо Шереметева еще не успѣло дойти до Выговскаго, какъ уже рѣшилась участь храбраго Полтавскаго полковника Мартына Пушкаря. По разсказу плѣннаго Браславскаго полковника Ивана Сербина, «гетманъ Иванъ Выговской, взявъ съ собою дву

полковниковъ, Корсунского да Черкаского, съ полками, пошелъ за Днѣпръ и, собравъ Заднѣпрскихъ всѣхъ полковниковъ съ полками, ходилъ на Пушкаря. И Пушкарь-де съ своими полками отступилъ въ Полтаву. И гетманъ-де, пришодъ, сталъ подъ Полтавою и, учиня раду съ полковники, посылалъ въ Полтаву, къ Пушкарю, войскового судью Самойла Богданова да полковника Михайла Зеленского а съ ними писалъ, чтобъ онъ, Пушкарь, пришодъ къ нему, гетману, поклонился и кровопролитія больши того не всчиналъ, а ево бъ гетманскихъ посланниковъ, Самойла судью и Михайла Зеленского, оставилъ онъ, Пушкарь, въ свое мѣсто въ городѣ въ заставѣ. И Пушкарь-де тѣхъ посланниковъ напоя пьяныхъ, отдалъ за приставы, а самъ-де въ ночи вышедъ изъ города съ казаками, гетманской таборъ розбилъ и многихъ людей побилъ. И гетманъ-де въ тѣ поры ушолъ къ Татаромъ. И по утру-де рано, пришедъ гетманъ съ Татары, Пушкаря изъ таборовъ своихъ выбилъ, и Пушкаря убили, и людей ево полку побили многихъ[77], и Полтаву взяли, и велѣлъ-де гетманъ

---

[77] Лесницкій, въ письмѣ къ Шереметеву, отъ 2 іюня, описывая сей бой подъ Полтавою, восклицаетъ: «И страшно воспомянуть, съ

Иванъ Выговской Полтаву выжечь»[78]. Разсказываютъ, что какой-то казакъ, желая подслужиться Выговскому, умертвилъ Полтавскаго полковника, отрубилъ мертвому голову и принесъ къ ногамъ побѣдителя[79].

Такъ палъ знаменитый Пушкарь. Украинскій народъ любилъ его за личную, беззавѣтную храбрость, и доселѣ поминаетъ его въ своихъ думахъ:

Дежъ ты, Пушкарю, хоробрый козаче,
Що по тоби, друже, Украина плаче?
Кистки у могили, самъ въ Господа Бога[80]!

Смерть Пушкаря послѣдовала 1 іюня. Въ то время Шереметевъ все еще былъ въ Сѣвскѣ, оканчивая сборъ Комарницкихъ драгунъ. Дѣло это увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: драгунъ собралось даже болѣе, чѣмъ было положено, именно 1159 человѣкъ, съ такимъ

15.000 трупу христіанскаго междоусобнаго полегло»! (Московскій архивъ министерства юстиціи: Малороссійскаго приказа столбецъ 9128).

[78] Распросныя рѣчи Браславскаго полковника Ивана Сербина (Московскій архивъ министерства юстиціи: Малороссійскаго приказа столбецъ 5850).

[79] Костомаровъ. Историческія монографіи и изслѣдованія. Т. II. Спб. 1863. стр. 107.

[80] Полтавскія губернскія вѣдомости 1860 г. Часть неоффиціальная. № 13. стр. 65.

же числомъ лошадей. Каждому драгуну выдано было по два рубля государева жалованья, а драгунскими запасами нагрузили 524 телѣги. Затѣмъ, 3 іюня Шереметевъ выступилъ съ стрѣльцами и драгунами изъ Сѣвска, взявъ съ собою оттуда: двѣ пищали мѣдныя дробовыя[81], а дробу къ нимъ два пуда, да пищаль мѣдную полковую, а къ ней сотню ядеръ желѣзныхъ, по полугривенкѣ[82] ядро; 10 пудовъ свинцу, 110 саженъ фитилю, бочку ручного пороху, вѣсомъ 15 пудовъ, да початую бочку ручного зелья, вѣсомъ 7 пудовъ. Кромѣ того, при драгунахъ находилось 5 пищалей мѣдныхъ полковыхъ, а къ нимъ 420 ядеръ желѣзныхъ, по 2 гривенки ядро.

Съ Комарницкими драгунами слѣдовалъ и ихъ престарѣлый полковникъ; но Шереметевъ видимо стѣснялся имъ и, уѣзжая изъ Сѣвска, отписалъ государю: «А драгунской полковникъ Вилимъ Эглинъ старъ и боленъ, и слѣпъ, и на твоей, великого государя, службѣ, за старостью и за увѣчьемъ, у полку быть ему нельзя; а безъ твоего, великого государя,

---

[81] Дробовикъ = ружье съ широкимъ дуломъ, для стрѣлянія дробью.

[82] Полугривенка = полфунта.

указу, мы, холопи твои, отъ полку отставить его не смѣемъ»[83].

Шереметеву оставалось всего 67 верстъ отъ Глухова, перваго Малороссійскаго города, и за Сѣвскомъ онъ шелъ уже со всѣми необходимыми предосторожностями, даже останавливая и опрашивая встрѣчныхъ путниковъ. Такъ, 4 іюня, «въ дорогѣ за Сѣвскомъ», настигли чернеца, который въ распросѣ сказался чернымъ попомъ Ѳеодосіемъ, родомъ изъ города Пскова, постриженикомъ Никандровой пустыни. Странникъ показывалъ, что въ 1657 году ,«о Егорьевѣ дни, онъ сшелъ изъ Никандровой пустыни, и ходилъ по многимъ монастырямъ; а въ нынѣшнемъ-де 1658 году, въ великій постъ, пришелъ къ Москвѣ и былъ въ разныхъ монастыряхъ, переходя. А объ Николинѣ дни, по обѣщанію, пошелъ онъ въ Кіевъ, молиться Пречистой Богородицѣ Печерской». Но при чернецѣ не было государевой грамоты и подписной челобитной объ отпускѣ, а потому Шереметевъ отправилъ его въ Сѣвскъ, къ воеводѣ Ефиму Козлову[84].

---

[83] Московскій архивъ министерства юстиціи: Малороссійскаго приказа столбецъ 5850.

[84] Козловъ, въ ожиданіи царскаго указа, держалъ странника «за приставомъ»; но, въ Петровъ постъ, ночью, онъ «ушелъ изъ

Можетъ быть, Шереметевъ и не ожидалъ, какъ хорошо онъ будетъ принятъ въ Малороссіи. Благодушные Украинцы, истерзанные домашнею неурядицею, съ неподдѣльною радостію толпами поспѣшали къ воеводѣ Московскаго царя, и всюду встрѣчали его съ иконами. Послушаемъ, что̀ пишетъ объ этомъ самъ Шереметевъ въ отпискѣ къ государю: «А какъ мы, холопи твои, шли Черкаскими городами на Глуховъ и на Королевецъ и до Батурина, и въ Глуховѣ и въ Королевцѣ и въ Батуринѣ, твоей великаго государя милости добрѣ ради, что ты, великій государь, послалъ насъ на свою, великаго государя, службу въ Кіевъ, и въ иные свои государевы Черкаскіе городы послалъ своихъ государевыхъ воеводъ. И насъ, холопей твоихъ, встрѣчали со образами за городомъ. А сотники и Черкасы и мѣщане и всякихъ чиновъ люди тѣхъ городовъ и уѣздные многіе люди встрѣчали жъ съ великою честью и тебѣ, великому государю, били челомъ, а намъ говорили, чтобъ ты, великій государь, пожаловалъ ихъ, велѣлъ послать сво-

---

Сѣвска изъ-за караула, розбивъ желѣза», и 9 августа пришелъ въ Кіевъ. Тамъ опять былъ задержанъ, и за приставомъ препровожденъ въ Москву.

ихъ государевыхъ воеводъ и къ нимъ въ города, чтобъ имъ, по твоей государской милости, отъ гултяйства и отъ самовольныхъ воровъ жить было безстрашно»[85].

---

[85] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. № 80. стр. 247. столб. 1.

ГЛАВА VI.

8 іюня, Василій Борисовичь Шереметевъ пришелъ подъ Черкасскій городъ Батуринъ, возвышавшійся на противоположномъ, лѣвомъ, берегу рѣки Сейма, но долго не могъ попасть въ самый городъ, по случаю половодія и за неимѣніемъ средствъ къ переправѣ. Шереметевъ доносилъ государю: «Рѣка Семь подъ городомъ велие[86] розлилась изъ береговъ, мало не на версту, а на рѣкѣ два поромы и тѣ малы, ставитца на обѣихъ поромахъ по шти телѣгъ безъ лошадей. И мы, холопи твои, велѣли дѣлать драгуномъ и стрѣльцомъ, для поспѣшенья, плоты тотчасъ; а какъ плоты здѣлаютъ, и мы велимъ возитца днемъ и

[86] Такъ въ подлинникѣ, хранящемся въ архивѣ министерства юстиціи (Малороссійскаго приказа столбецъ 5850); а въ Актахъ, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи (Т. VII. Спб. 1872. № 80), вмѣсто велие, напечатано: велика.

ночью безпрестанно. А иныхъ, государь, поромовъ и судовъ добыть негдѣ. А драгуновъ, государь, съ нами 1159 человѣкъ, а лошедей у нихъ тожъ, да у нихъ же 524 телѣги съ запасы; да стрѣльцовъ Московскихъ Иванова приказу Зубова 413 человѣкъ, а у нихъ 70 лошедей съ телѣги. И на поромахъ и на плотахъ намъ, холопемъ твоимъ, въ четыре дни не перевестца».

Дѣйствительно, лишь 17 іюня, Василій Борисовичь увидѣлъ, наконецъ, святыя горы Кіевскія. «И какъ мы,—писалъ онъ государю, два дня спустя,—Днѣпръ рѣку перевезлись, и насъ встрѣчалъ митрополитъ Діонисій за 5 верстъ до Кіева», собственно до, такъ называемаго, Верхняго города, на Старокіевской горѣ,—мѣстопребыванія царскихъ воеводъ. Въ этой древнѣйшей части города, въ мѣстности нынѣшняго Андреевскаго собора, сосредоточивалось главное управленіе Кіевомъ. Кромѣ дворовъ воеводы и его товарищей, тамъ находились: Приказная изба, анбары съ хлѣбными запасами и погреба съ денежною и соболиною казною, порохомъ и огнестрѣльными снарядами. Все это обнесено было острогомъ и землянымъ валомъ съ про-

ѣзжими воротами и башнями. Эта Старокіевская крѣпость, имѣвшая въ окружности около 3000 саженъ, хотя и была исправлена и распространена, не далѣе какъ года три назадъ, воеводою княземъ Ѳедоромъ Семеновичемъ Куракинымъ[87], однако, Шереметеву наказано было, на случай осады, «у города и у острогу худые мѣста подѣлать». Но Шереметеву не удалось справиться съ худыми мѣстами, «подѣлать ихъ было некѣмъ», и за все время его воеводства, Кіевская крѣпость не представляла надежной защиты. Года два спустя, преемникъ Шереметева, воевода Иванъ Андреевичъ Ржевскій, доносилъ государю, что въ Кіевѣ тогда только будетъ «безстрашно», когда «на трехъ горахъ противъ города, къ Печерскому монастырю», поставлено будетъ по городку. Но при этомъ требовалось посадить по 500 человѣкъ въ каждый городокъ[88]. Слѣдовательно, пришлось бы прибавить ратныхъ людей, на что̀ всегда былъ такъ неподатливъ Разрядный приказъ.

---

[87] Фундуклей. Статистическое описаніе Кіевской губерніи. ч. I. Спб. 1852. стр. 321.

[88] Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окрестностей. Кіевъ. 1874. Отд. III. стр. 87.

При свиданіи Василья Борисовича Шереметева съ митрополитомъ Діонисіемъ Болобаномъ, первое слово было о гетманѣ Иванѣ Выговскомъ. Митрополитъ сказалъ, что гетманъ «пришелъ въ Чигиринъ тому съ недѣлю, но что есть ли съ нимъ Татаровя или ихъ отпустилъ, про то ему невѣдомо». Въ тотъ же день Василій Борисовичь отправилъ къ Выговскому стряпчаго Якова Григорьевича Крекшина съ листомъ, въ коемъ, извѣстивъ о своемъ прибытіи въ Кіевъ, предлагалъ, «чтобъ онъ, гетманъ, съ полковники и съ начальными людьми, для государевыхъ всякихъ дѣлъ и войсковыхъ и для договору, пріѣхалъ къ нему въ Кіевъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, Крекшину велѣно было «провѣдывать про Татаръ, есть ли у гетмана Ивана Выговскаго Татаровя и, буде есть, сколько Татаръ, и для чего нынѣ ихъ у себя держитъ; да и про вѣсти велѣно было провѣдывать, что̀ у гетмана дѣлаетца».

Отправивъ Крекшина, Шереметевъ приступилъ къ пріемкѣ отъ своего предмѣстника, воеводы Бутурлина, острога, ключей городовыхъ и острожныхъ, наряду, денежной и соболиной казны, зелья, свинцу и всякихъ пу-

шечныхъ и хлѣбныхъ запасовъ, указныхъ государевыхъ грамотъ о всякихъ дѣлахъ, приходо - расходныхъ книгъ и наконецъ, всѣхъ наличныхъ служилыхъ людей по спискамъ.

6-го іюля, когда пріемка уже кончилась, въ Кіевъ прибыли изъ Бѣлгорода назначенные на службу съ Шереметевымъ подполковники: Иванъ Алексѣевичь Шепелевъ и Семенъ Семеновичь Скорняковъ-Писаревъ, съ начальными людьми и съ 1000 человѣкъ рейтаръ, а также полковникъ Рафаилъ Корсакъ, съ начальными же людьми и 1325 драгунами разныхъ городовъ. Вновьприсланные драгуны, точно также какъ Московскіе стрѣльцы, прибывшіе съ Шереметевымъ, и Комарницкіе драгуны, были вооружены мушкетами съ жаграми[89]. А рейтары пришли съ одними только карабинами. Ни пистолетовъ, ни пороху, ни свинцу, ни фитилю съ ними не прислали. Но что всего хуже, подполковники Шепелевъ и Скорняковъ-Писаревъ, равно какъ и полковникъ Корсакъ, прямо заявили, что ихъ рейтары и драгуны «неучены и учить-де было ихъ нѣ-

---

[89] Жагры = пальники.

коля, потому что они передъ посылкою даны имъ незадолго». Василій Борисовичь приказалъ немедленно приступить къ обученію присланныхъ новобранцевъ и обо всемъ донесъ государю, представивъ при отпискѣ «Роспись, что̀ принято въ Кіевѣ по острогу наряду, и въ казнѣ пороху и свинцу, и денежные и соболиные казны, и хлѣбныхъ запасовъ, и что̀ ратныхъ людей по спискомъ».

Изъ этой росписи видно, что въ Кіевѣ всего наряду было «по острогу и по новому земляному валу, и въ драгунскомъ полку, въ станкахъ и безъ станковъ, мѣдныхъ и желѣзныхъ и затинныхъ 62 пищали»; а къ нимъ 1485 желѣзныхъ ядеръ.

Ручного огнестрѣльнаго оружія принято: 234 мушкета съ жаграми, 26 мушкетовъ съ замками, 11 карабиновъ, «полъ осьми пары пистолетовъ съ олстры»[90] и пара пистолетовъ безъ ложъ.

Холоднаго оружія: 220 шпагъ и 47 пикъ. Тутъ-же рядомъ значатся принятыми 765 латъ и 30 шишаковъ (шлемовъ).

---

[90] Ольстра = кобура, пистолетный чахолъ, помѣщаемый впереди сѣдла.

Свинцу показано, вмѣстѣ съ привезеннымъ Шереметевымъ изъ Сѣвска, 237 пудовъ 19 гривенокъ, да пулекъ свинцовыхъ 142 пуда.

Пороху ручного и пушечнаго 46 бочекъ съ полубочкою, вѣсомъ 689 пудовъ и 3 гривенки. Кромѣ того, привезены изъ Сѣвска 2 бочки ручного пороху, вѣсомъ 22 пуда, да изъ Путивля—5 бочекъ, вѣсомъ 87 пудовъ.

Далѣе, въ росписи читаемъ, что Шереметевъ принялъ отъ Бутурлина «два колокола вѣстовыхъ, одинъ стои́тъ на Софійской башнѣ, а другой у Съѣзжей избы стоитъ разбитъ».

Всѣхъ ратныхъ людей въ Кіевѣ, по спискамъ, оказалось на лицо 6075 человѣкъ, въ томъ числѣ: 1 стряпчій, 4 человѣка дворянъ Московскихъ, 6 жильцовъ, 37 Стародубцевъ, 2 Рославца и 1 Почепецъ.

Рейтарскаго строя: начальныхъ людей, подполковниковъ, маіоровъ и ротмистровъ, 33 человѣка, а съ ними 1000 человѣкъ рейтаръ.

Съ полковникомъ драгунскаго строя Вилимомъ Эглинымъ: начальныхъ людей 18 человѣкъ и Комарницкихъ драгунъ его полка 1159 человѣкъ.

Съ полковникомъ Рафаиломъ Корсакомъ: начальныхъ людей 18 человѣкъ и драгунъ его полка «розныхъ городовъ» 1325 человѣкъ.

Съ полковникомъ солдатскаго строя Николаемъ Фанъ-Стаденомъ: начальныхъ людей 33 человѣка и солдатъ его полка 1644 человѣка.

Съ головою Московскихъ стрѣльцовъ Иваномъ Зубовымъ: 5 сотниковъ его приказа и 420 стрѣльцовъ.

Съ головою Кіевскихъ стрѣльцовъ «розныхъ городовъ сведенцевъ», Діемъ Грековымъ, его приказа 348 стрѣльцовъ.

Наконецъ, 20 человѣкъ пушкарей (Путивльскихъ, Одоевскихъ и Сѣвскихъ) и одинъ «казенный» кузнецъ.

Затѣмъ, перечисляется денежная и соболиная казна, а также хлѣбные запасы:

«Денежные казны принято въ Кіевѣ на лицо: 1782 рубли, 12 алтынъ и 5 денегъ мелкихъ серебряныхъ и мѣдныхъ денегъ; 138 ефимковъ печатныхъ да 2 чети, а въ нихъ 88 рублевъ, 7 алтынъ и 4 деньги; 154 полтинника мѣдныхъ, а въ нихъ 77 рублевъ; 1176 ефимковъ серебряныхъ непечатныхъ, остаточныхъ отъ солдатскихъ кормовъ, цѣна поло-

жена имъ по полтинѣ, и того 578 рублевъ. Кіевскихъ доходовъ 380 ефимковъ 3 чети серебряныхъ непечатныхъ; 77 тарелей Польскихъ денегъ ортовъ и шестаковъ и чеховъ. Всего Кіевскихъ доходовъ и тарелей и Польскихъ мѣдныхъ денегъ 457 ефимковъ 3 чети. А цѣна тарели, по Кіевской цѣнѣ, по 18 алтынъ, по счету—247 рублевъ и 6 алтынъ. 125 золотыхъ червонныхъ; 129 золотыхъ копеекъ, а копейка по чети золотова, а въ нихъ 32 золотыхъ съ четью. Обоего червонныхъ и золотыхъ копеекъ 157 золотыхъ съ четью, а положены по Кіевской цѣнѣ, по рублю по 2 алтына по 4 деньги золотой, и того 169 рублевъ 27 алтынъ 4 деньги.

«Всего на лицо, по росписному списку, принято: мелкихъ серебряныхъ и мѣдныхъ денегъ, и ефимковъ печатныхъ и непечатныхъ, и мѣдныхъ полтинниковъ, и Польскихъ денегъ, и золотыхъ червонныхъ и копеекъ золотыхъ—2942 рубли и 21 алтынъ.

«Да въ Сѣвску взято государевы денежные казны въ полкъ, въ дорогу драгунскаго строю Вилимова полку Эглина, у маіора у Агапа Спѣшнева да у Бѣлагородца у Кузь-

мы Молчанова, что осталось за раздачею государева жалованья у Сѣвскихъ драгуновъ Вилимова полку Эглина, по отпискѣ изъ Бѣлагорода дьяковъ: думного Семена Заборовскаго да Семена Титова, 482 рубли.

«Да государевы соболиные казны принято на лицо: сорокъ съ хвосты—100 рублевъ; сорокъ—40 рублевъ, а въ немъ 18 паръ съ полу парою безъ хвостовъ; 3 соболя съ пупки и съ хвосты; сорокъ—40 рублевъ, а въ немъ 9 соболей съ хвосты, а достальные съ хвостики; сорокъ безъ одной пары — 38 рублевъ и въ томъ числѣ 10 паръ съ хвостами, а достальные со хвостки; сорокъ безъ хвостовъ — 40 рублевъ; сорокъ — 45 рублевъ и въ томъ числѣ 8 паръ безъ хвостовъ, 5 соболей со хвостки.

«И всего соболиные казны 6 сороковъ безъ одной пары, а по ерлыкамъ, по Московской оцѣнкѣ, 303 рубли.

«Да хлѣбныхъ запасовъ принято: 2951 чети муки ржаные; 403 чети съ полуосминою толокна; 622 чети крупъ овсяныхъ; 92 чети съ осминою сухарей; 221 куль ржаные муки, что̀ привезъ изъ Борисова Московскихъ стрѣльцовъ голова Ѳедоръ Александровъ. Да соли:

430 пудъ бузуну[91]; 10.000 черенковъ[92], а въ нихъ вѣсомъ 140 пудовъ. И всего бузуну и черенковые соли 570 пудовъ»[93].

Въ отпискѣ, при которой отправлена была означенная роспись, Шереметевъ представлялъ, что «въ Кіевѣ, въ государевой казнѣ, пороху, свинцу и фитилю мало, а ратныхъ государевыхъ людей передъ прежнимъ прибыло; и для приходу воинскихъ людей, того пороху, свинцу и фитилю будетъ мало. Да и денегъ и хлѣбныхъ запасовъ въ государевой казнѣ мало-жъ». Дошло до того, что солдатамъ находившагося въ Кіевѣ полка Фанъ-Стадена, уже не изъ чего было выдать кормовыхъ денегъ за іюнь мѣсяцъ. Въ Москвѣ это знали, и государева денежная казна, въ 13.200 рублей, находилась уже на пути въ Кіевъ, къ боярину Василью Борисовичу Шереметеву. Она была отправлена изъ Москвы еще 8 іюня съ подъячимъ Иваномъ Лихвинцовымъ, «а для береженья за тою денежною казною послано съ Москвы до Калуги Московскихъ

---

[91] Бузунъ = Елтонская самосадочная соль.

[92] Черенокъ = литрованая селитра.

[93] Подлинная роспись, за подписью по склейкамъ дьяка Алексѣя Постникова, хранится въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи (Малороссійскаго приказа столбецъ 5850).

стрѣльцовъ восемь человѣкъ; а отъ Калуги, отъ города до города, велѣно давать провожатыхъ передъ Московскимъ съ прибавкою, по скольку человѣкъ пригоже, смотря по вѣстемъ и по тамошнему дѣлу».

ГЛАВА VII.

Гетманъ Иванъ Выговскій, избавившись отъ Пушкаря, разомъ сбросилъ съ себя личину, и не находилъ уже нужнымъ скрывать своей ненависти къ Москвѣ. Узнавъ о пріѣздѣ въ Украйну царскихъ воеводъ, Выговскій злобно воскликнулъ: «Воеводы пріѣхали, опять бунтовъ заводить»! Бывшій при этомъ царскій посланецъ стольникъ Петръ Скуратовъ замѣтилъ гетману, что онъ сердитуетъ не за дѣло, что самъ же онъ писалъ къ великому государю, чтобъ быть въ государевыхъ Черкасскихъ городахъ воеводамъ. «Я просилъ государя,—отвѣчалъ Выговскій,—прислать тысячу драгуновъ да тысячу солдатъ, а онъ прислалъ своихъ воеводъ, бунтовщиковъ смирять... Съ своевольниками я самъ управился. Государевы воеводы и ратные люди мнѣ ненадобны».

И говорилось это не глазъ на-глазъ, а во всеуслышаніе, такъ что одинъ Чигиринецъ, вторя гетману, крикнулъ Скуратову: «намъ воеводы ненадобны; жонъ да дѣтей нашихъ переписывать пріѣхали»?

Скуратовъ на всѣ колкости и дерзости Выговскаго отвѣчалъ весьма осторожно. Такъ, напримѣръ, когда Выговскій замѣтилъ, что у короля Польскаго имъ (Украинцамъ) было хорошо, Скуратовъ отвѣтствовалъ: «И то̀ воспомянувъ, достоитъ вамъ плакать. Надобно вамъ милость царскаго величества къ себѣ знать, такихъ высокихъ словъ не говорить»! А когда Выговскій запальчиво сказалъ, что Москвѣ надобенъ такой гетманъ, чтобъ взявъ за хохолъ да водить, Скуратовъ отвѣтилъ не безъ лукавства: «царскому величеству, онъ, гетманъ, въ войскѣ Запорожскомъ многихъ вѣрнѣя»[94].

Послѣ всего этого понятно, какія отношенія должны были установиться у Выговскаго къ главному представителю царской власти въ Малороссіи, къ вновьприбывшему Кіевскому воеводѣ боярину Василью Борисо-

---

[94] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. IV. Спб. 1863. №. 69. стр. 128 и 129.

вичу Шереметеву. Выговскаго озлобило уже то, что народъ Украинскій всюду съ радостію встрѣчалъ Шереметева и государевыхъ ратныхъ людей. «Что-же,—язвительно говорилъ Выговскій, — въ Кіевѣ государевы люди не первой годъ, а и по сю пору съ Черкасы безпрестани кіями бьются». Съ неудовольствіемъ смотрѣлъ Выговскій и на то, что царскіе воеводы, назначенные въ шесть Украинскихъ городовъ, не являются къ нему, въ Чигиринъ, а ѣдутъ на свои мѣста прямо изъ Кіева: слѣдовало бы-де,—говорилъ онъ,—государевымъ воеводамъ пріѣзжать сперва ко мнѣ, и уже отъ меня ѣхать въ государевы Черкасскіе городы; а то я ничего не вѣдаю про государевыхъ воеводъ[95]. Выговскій всюду выставлялъ Шереметева не только какъ совмѣстника, но и какъ похитителя гетманской власти. «И то себѣ за великую обиду имѣю,—говорилъ онъ игумену Мгарскаго монастыря Виктору Загоровскому,—что Василій Борисовичь Шереметевъ гетманомъ называется и меня ни во что почитаетъ»[96].

Выше было сказано, что Шереметевъ, въ

---

[95] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. IV. Спб. 1863. стр. 128. столб. 2.

[96] Тамъ-же, стр. 137. столб. 1.

самый день пріѣзда въ Кіевъ, то есть 17 іюня, послалъ къ гетману Выговскому стряпчаго Крекшина съ извѣщеніемъ о своемъ прибытіи на воеводство и съ приглашеніемъ пріѣхать въ Кіевъ для государевыхъ дѣлъ. Крекшинъ вернулся изъ Чигирина лишь 2 іюля съ письмомъ отъ Выговскаго, въ которомъ тотъ извѣщалъ Шереметева, что «ему, гетману, для великого государя дѣлъ и войсковыхъ, для договору, ѣхать въ Кіевъ нельзя, для того, что, по вѣстямъ, Турки черезъ Дунай перевозятся многіе люди, и онъ-де опасается того, чтобъ не пошли подъ великого государя Украинные городы». А на дорогѣ, въ мѣстечкѣ Мошнахъ, тамошній сотникъ сказалъ Крекшину, что, по приказанію гетмана, онъ ѣздилъ «звать Крымскаго хана для войны; а гдѣ-де ему, гетману, съ ханомъ воевать, и онъ, сотникъ, того не вѣдаетъ: и ханъ-де къ гетману Ивану Выговскому будетъ, а сходиться имъ подъ Уманью». Недоумѣвали въ Кіевѣ, противъ кого собираются воевать Выговскій и Крымскій ханъ: «если-де противъ Турокъ, то вѣдь Крымскіе Татаровя противъ Турского стоять не будутъ»[97].

---

[97] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. V. Спб. 1867. стр. стр. 313 и 314.

Василій Борисовичь Шереметевъ тотчасъ же отправилъ вѣстовую отписку въ Москву, но туда еще прежде полетѣла отписка отъ самого Выговскаго, съ жалобами на Шереметева. «Пришла къ намъ вѣсть изъ Кіева, — писалъ Выговскій къ государю, отъ 22 іюня, что бояринъ вашего царского величества и воевода Василій Борисовичь Шереметевъ пріѣхалъ въ Кіевъ и съ нами не посовѣтовалъ, но и не видѣвся, многіе новые дѣла всчинаетъ, казны невѣдомо какой спрашиваетъ и воеводъ, безъ совѣту съ нами, по городамъ насылаетъ, на что̀ не вѣдаемъ, есть ли указъ отъ вашего царского величества? Для того, смиренно до лица земли вашему царскому величеству челомъ бьемъ, чтобъ ваше царское величество приказали ему отъ того воздержатца, что онъ и на Бѣлой Росіи также съ христіяны чинячи, казаковъ въ остуду вашему царскому величеству учинялъ, самъ будучи виноватъ»[98].

---

[98] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 246. столб. 1.—Въ третьей книгѣ «Рода Шереметевыхъ» (стр. 354—360) разсказано, какія обстоятельства вызвали Василья Борисовича на рѣшительныя мѣры противъ казаковъ, находившихся въ Бѣлоруссіи. Виновность Шереметева заключалась въ томъ, что онъ защищалъ несчастныхъ Бѣлоруссовъ отъ неистовствъ казацкихъ.

Также враждебно относился Выговскій и къ другому представителю Московскаго царя, къ окольничему и воеводѣ князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому, посланному съ войскомъ изъ Бѣлгорода въ Украйну, для усмиренія тамошней «своеволи». Въ лицѣ князя Ромодановскаго Шереметевъ имѣлъ дѣйствительно надежнаго сотоварища. Это былъ типъ воина того суроваго боеваго времени. По описанію современника-иноземца, князь Ромодановскій отличался свирѣпостію нрава, тѣлесною силою, и не имѣлъ соперниковъ въ пылкости воинской, неутомимой дѣятельности, быстротѣ и въ мужествѣ, по истинѣ львиномъ[99].

Выговскій за-глазно возненавидѣлъ свирѣпаго воина-москаля и жаловался государю, что князь Ромодановскій, пришедши въ Украйну, не ссылается съ нимъ, съ главою страны. Съ своей стороны, Ромодановскій, почитая себя старше гетмана, обвинялъ Выговскаго, что онъ не явился къ нему. Выговскій, взбѣшенный этою непомѣрною притязательностію, увѣрялъ, что князь Ромодановскій похваляется схватить его и силою притащить къ

[99] Potocki, Paulus comes. Opera omnia. Varsaviae. 1748. p. 197.

себѣ. Послѣ этого — говорилъ Выговскій — нельзя же мнѣ жить иначе, какъ окруживъ себя Татарами[100].

Поляки радовались этой несогласицѣ гетмана Выговскаго съ главными царскими воеводами, всячески раздували ее и распустили по Украйнѣ «многіе прелестные листы, чтобъ учинить смуту, вмѣщаючи то, чего у великого государя и въ помышленьѣ не бывало: бутто бояринъ Василій Борисовичь Шереметевъ и окольничій князь Григорій Григорьевичь Ромодановскій, съ ратными людьми, посланы на гетмана и на все войско Запорожское». Въ Москвѣ нашли нужнымъ успокоить гетмана, и 26 іюля, подъячій Яковъ Портомоинъ повезъ къ нему царскую грамоту, въ которой читаемъ: «Помня твою къ намъ, великому государю, вѣрную службу и обѣщаніе твое передъ святымъ еуангеліемъ, того быти не чаемъ, что тебѣ тѣмъ Ляцкимъ прелестнымъ письмамъ или инымъ ихъ какимъ злокозненнымъ замысломъ вѣрить. А посланы бояринъ нашъ и воеводы Василей Борисовичь Шереметевъ въ Кіевъ и окольничей нашъ и воеводы князь

[100] Костомаровъ. Историческія монографіи и изслѣдованія. Т. II. Спб. 1863. стр. 114.

Григорей Григорьевичь Ромодановской съ товарыщи, съ нашими ратными людьми, на своевольниковъ, по твоему гетманскому челобитью и письму, что ты писалъ съ посланцомъ своимъ съ полковникомъ съ Григорьемъ Лесницкимъ, на своевольниковъ, а не для войны съ вами, подданными нашими, единовѣрными православными христіяны»[101].

Но въ ту пору, какъ писалась эта грамота, Выговскій уже формально отдавался Польскому королю. Подъ покровомъ глубочайшей тайны, велъ онъ переговоры съ королевскимъ повѣреннымъ Беневскимъ, который, недѣли за двѣ предъ тѣмъ, секретно доносилъ королю Яну-Казиміру, слѣдующія, по его выраженію, важныя обстоятельства: 1) Выговскій уже склонилъ многихъ старшинъ на сторону вашей королевской милости, и старается только ускорить заключеніе союза; 2) ему, Выговскому, хочется, чтобы онъ и домъ его были обезпечены на счетъ благосклонности вашей королевской милости; 3) съ клятвою отрекается отъ царской пріязни; наконецъ, 4) рѣшительно объявляетъ, что готовъ, въ соединеніи

[101] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. IV. Спб. 1863. № 72.

съ нами и съ Татарами, итти на Москву, ручаясь за пріязнь Татаръ»[102].

Одновременно съ этимъ донесеніемъ Бенёвскаго, Василій Борисовичь Шереметевъ получилъ извѣстіе (около 12 іюля), что гетманъ Иванъ Выговскій разослалъ ко всѣмъ полковникамъ универсалъ съ приказаніемъ, собравшись со всѣми своими полками, итти къ нему въ Чигиринъ. А Кіевскаго полковника Павла Яненка Хмельницкаго, племянника гетмана Богдана, «закрытою статью» предупреждалъ «быть опасну» и, собрався съ своимъ полкомъ, «стоять близко Кіева» до гетманскаго указа.

Становилось уже очевиднымъ, противъ кого предостерегалъ Выговскій полковника Яненка. «Знатное дѣло,—писалъ Шереметевъ государю,—что гетманъ опасаетца отъ твоихъ государевыхъ ратныхъ людей; но какъ мы пришли на твою, великаго государя, службу въ Кіевъ, отъ твоихъ государевыхъ ратныхъ людей задору и дурна никакого не бывало».

Василій Борисовичь пригласилъ къ себѣ Кіевскаго полковника Павла Яненка и наказ-

---

[102] Памятники, изданные временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Т. III. Кіевъ. 1852. Отд. 3. стр. 270 и 271.

ного полковника Василья Дворецкаго и спросилъ ихъ: «для чего гетманъ Иванъ Выговскій сбирается съ войсками и приказываетъ быть готовыми»?

— Мы и сами про то не вѣдаемъ,—отвѣчали полковники,—для чего гетманъ съ войскомъ сбирается; ставимъ себѣ тотъ сборъ въ размышленіе и добра отъ него, гетмана, не чаемъ. Правда, писалъ къ намъ гетманъ Иванъ Выговскій, будто Турки перевозятся черезъ Дунай и онъ-де чаетъ того, что будетъ ихъ приходъ на государевы городы, почему и велѣлъ собираться войску. Но друзья наши, подписки, что̀ живутъ въ Чигиринѣ при гетманѣ, пишутъ къ намъ, что Выговскій послалъ звать къ себѣ хана Крымскаго. Если точно ханъ и Крымскіе Татары придутъ къ нему, то будетъ явственно, что гетманъ собирается не противъ Турка, потому что ханъ и Крымскіе Татары съ Турками биться не будутъ. Полковники Яненко и Дворецкій прямо заявили боярину Василью Борисовичу Шереметеву, что если къ гетману Выговскому придетъ ханъ съ Татарами, а отъ самого гетмана объявится какая шатость и онъ вздумаетъ итти на него, боярина, и на Черкасъ, то они,

полковники, и всѣ казаки будутъ заодно съ государевыми ратными людьми.

Нѣсколько времени спустя, къ Шереметеву въ дворъ приходилъ отъ полковника Павла Яненки писарь его, Иванъ Якименко, и говорилъ, чтобъ ему, боярину, на него, полковника, «не поставить въ зло, что онъ съ полкомъ своимъ сбирается: а сбирается-де онъ по гетманскому велѣнью, и, собрався съ полкомъ своимъ, будетъ стоять подъ Кіевомъ; а къ гетману, безъ вѣдома его, боярина, не пойдетъ»[103].

Вслѣдъ за тѣмъ, во дворѣ Василья Борисовича Шереметева собрались Кіевскіе мѣщане и сказали, что казаки заставляли ихъ дѣлать земляной валъ на Щековицѣ. «И они-де казакамъ отказали и валу не дѣлали, а какъ будетъ приходъ воинскихъ людей, и чтобы онъ, бояринъ Василій Борисовичь, велѣлъ имъ возиться въ городъ съ женами и съ дѣтьми и со всѣми животы». Шереметевъ повторилъ челобитчикамъ то, что неоднократно уже оглашалось во всеобщее свѣдѣніе, а именно: въ случаѣ какой опасности, всѣмъ жителямъ

[103] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. V. Спб. 1867. стр. 315 и 316.

собираться въ городъ, гдѣ они найдутъ защиту отъ непріятеля.

Въ виду тревоги, поднимавшейся въ Кіевѣ, Василій Борисовичь, 20 іюля, отправилъ къ Выговскому новыхъ посланцевъ, полковника Рафаила Корсака и капитана Степана Яблонскаго, съ письмомъ, въ которомъ опять просилъ его, чтобъ «Татаръ отъ себя отпустилъ, а отпустя Татаръ, ѣхалъ бы для договору великаго государя дѣлъ и войсковыхъ въ Кіевъ». Выговскій отвѣтилъ письмомъ же, что прежде своего пріѣзда, онъ пришлетъ къ нему, Василью Борисовичу, двухъ казаковъ, лучшихъ людей, узнать, о чемъ собственно будетъ у нихъ съѣздъ и договоръ. При личномъ же объясненіи съ Корсакомъ, Выговскій, вспыливъ, прямо сказалъ, что собирается осадить боярина Шереметева, а осадя его, пойдетъ на окольничаго князя Ромодановскаго и на государевы Украинные города[104].

5 августа, во дворъ къ Василью Борисовичу Шереметеву пришелъ уже самъ наказной полковникъ Василій Дворецкій и, подъ великой тайной, сказалъ, что по полученному

---

[104] Московскій архивъ министерства юстиціи: Малороссійскаго приказа столбецъ 5850.

имъ изъ Чигирина извѣстію, «у гетмана Татаровя многіе люди да и Поляковъ-де къ себѣ ждетъ, и съ Татары и съ Поляки хочетъ итти войною подъ Кіевъ и подъ иные великого государя городы, а хочетъ его, боярина Василья Борисовича осадить и голодомъ выморить и воду отнять; и ему-де, Василью Дворецкому, и мѣщаномъ животовъ у себя держать не велѣлъ и жонъ и дѣтей своихъ велѣлъ вывозить, чтобъ Татаровя и казаки ихъ не разорили. Да гетманъ же-де приказалъ, по всѣмъ государевымъ Черкаскимъ городомъ полковникомъ и всякимъ начальнымъ людемъ, великого государя ратныхъ людей и гонцовъ имать и задерживать, а пропущать ихъ не велѣлъ».

Обо всемъ изложенномъ Василій Борисовичь немедленно отписывалъ въ Москву, но оттуда особыхъ распоряженій, соотвѣтствовавшихъ наступившимъ исключительнымъ обстоятельствамъ, не давали. А въ царскихъ грамотахъ повторялось одно и то же: «Писали вы къ намъ, великому государю, о розныхъ дѣлехъ, и намъ то вѣдомо. И какъ къ вамъ ся наша, великого государя, грамота придетъ, и ты бы, бояринъ нашъ и воеводы Василій Бо-

рисовичь съ товарыщи, жили въ Кіевѣ съ великимъ береженьемъ».

Между тѣмъ, Выговскій, не теряя времени, быстро стягивалъ войска къ Кіеву, а въ Кіевскій полкъ прислалъ, въ прибавку, «казаковъ пѣшихъ многихъ людей», и велѣлъ ихъ ставить въ посадѣ, на мѣщанскихъ дворахъ. Наконецъ, мѣщане и всякіе жилецкіе люди начали вывозиться съ женами, дѣтьми и со всѣми пожитками «изъ домовъ своихъ въ струги и въ байдаки[105] на Днѣпръ, а иные многіе и поразъѣхались». Уѣхалъ изъ города, между прочимъ, и самъ митрополитъ Діонисій.

11 августа, Василій Борисовичь Шереметевъ посылалъ дьяка Алексѣя Постникова къ полковникамъ Яненкѣ и Дворецкому, съ приказаніемъ спросить ихъ: «Для чего мѣщане изъ домовъ своимъ съ женами съ дѣтьми и со всѣми животы возятся, кого боятся»? На это полковники отвѣчали, что мѣщане и всякихъ чиновъ жилецкіе люди возятся изъ домовъ своихъ въ струги и байдаки, боясь Татарскаго прихода и казацкаго грабежа.

Сами мѣщане, на вопросъ, почему они возятся въ суды, а не въ городъ, отвѣчали, что

[105] Стругъ = плоскодонное гребное судно. Байдакъ = барка.

«они возятся на Днѣпръ по росказанью гетмана Ивана Выговскаго, и боясь того, что Черкасы городъ возмутъ, чтобъ-де имъ не пропасть». А потомъ лично Шереметеву мѣщане сказали, что «они разъѣзжаются изъ домовъ своихъ, боясь полковника Павла Яненка и казаковъ».

Въ тотъ же день, Кіевскіе мѣщане вторично пришли къ Шереметеву, съ войтомъ и бурмистрами, и сказали, что по полученному ими свѣдѣнію, въ городъ Васильковъ, находящійся съ Кіевомъ на одномъ берегу Днѣпра, всего въ 30 верстахъ, на юго-западъ, пришелъ полковникъ Гоголь съ Левенцами, а съ нимъ 20.000, и что они «и Левенцовъ боятца жъ». Съ тѣмъ же самымъ извѣстіемъ приходилъ къ Шереметеву, на другой день (12 августа), шляхтичь Янъ Куровскій, при чемъ пояснилъ, что «напередъ сего Левенцы съ войскомъ Запорожскимъ николи не служивали и къ нимъ не прихаживали, а бывали-де они всегда въ Волохахъ»[106].

Положеніе Шереметева становилось труднѣе съ каждымъ днемъ. 12 августа, онъ пос-

[106] Что это за Левенцы, мы не знаемъ. Всѣ разысканія о нихъ остались тщетными.

лалъ къ государю Московскаго стрѣльца пятидесятника Ивашку Желѣзо, съ донесеніемъ о появленіи двадцатитысячнаго войска въ городѣ Васильковѣ, и оканчиваетъ отписку такъ: «А хлѣбныхъ и всякихъ запасовъ на твои, великаго государя, серебряные деньги ратнымъ людем продавать въ Кіевѣ нынѣ не почели, а въ Кіевѣ твоихъ государевыхъ хлѣбныхъ запасовъ мало. А мы отъ гетмана Ивана Выговскаго чаемъ подъ Кіевъ приходу и себѣ осады. Сказываютъ намъ всякихъ чиновъ тутошніе люди, что гетманъ Иванъ Выговскій хочетъ приходить подъ Кіевъ вскорѣ. И безъ твоихъ, великаго государя, прибылыхъ ратныхъ людей и безъ хлѣбныхъ запасовъ въ Кіевѣ быть не мочно. И будетъ впредь къ тебѣ отъ насъ отписокъ и гонцовъ долгое время не будетъ, и мы отъ гетмана Ивана Выговского будемъ въ осадѣ или по Черкасскимъ городомъ гонцовъ нашихъ пропущать не будутъ»[107].

---

[107] Московскій архивъ министерства юстиціи: Малороссійскаго приказа столбецъ 5850.

ГЛАВА VIII.

Въ то время, какъ гетманъ Выговскій уже совсѣмъ изготовился къ походу подъ Кіевъ, въ Чигиринъ прибылъ царскій посланецъ подъячій Яковъ Портомоинъ. Это было 9 августа. Въ тотъ же день, вечеромъ, Портомоинъ подалъ Выговскому вышеприведенную царскую грамоту, и тотъ ее «принялъ стоя, и, розшивъ, челъ». Окончивъ чтеніе грамоты, Выговскій сказалъ, что онъ и впредь радъ служить и радѣть царскому величеству, «только-де пишутъ къ нему изъ розныхъ полковъ полковники, есаулы и сотники, что бояринъ Василій Борисовичь Шереметевъ въ Кіевъ и окольничій Григорій Григорьевичь Ромодановскій въ Черкасскіе городы присланы для войны и хотятъ его, гетмана, известь». Потомъ Выговскій жаловался, что

князь Ромодановскій возитъ съ собою соучастника Пушкарева бунта Барабаша и многихъ иныхъ своевольниковъ принялъ въ свой полкъ. Такъ что я, — продолжалъ Выговскій, — «для остерегательства, не дожидая того, чтобъ на меня государевы ратные люди пришли войною», самъ иду за Днѣпръ съ войскомъ Запорожскимъ и съ Татарами, «выискивать тѣхъ своевольниковъ». Если же, говорилъ онъ, «государевы ратные люди учнутъ за тѣхъ своевольниковъ стоять, я молчать не буду»! Этого мало, Выговскій прямо сказалъ царскому посланцу, что онъ «пошлетъ къ Кіеву своего брата Данила съ войскомъ и съ Татарами, чтобъ изъ Кіева боярина Шереметева выслать вонъ, а городъ, который, по указу царскаго величества, въ Кіевѣ сдѣланъ, разорить и разметать; а буде не вышлютъ Шереметева, прикажу осадить его въ Кіевѣ».

Подъячій Портомоинъ отвѣтилъ: «Того тебѣ и мыслити нельзѣ, не токмо что говорить. Бояринъ и воеводы Василей Борисовичь Шереметевъ съ товарыщи въ Кіевъ и окольничій и воевода князь Григорей Григорьевичь Ромодановскій, съ государевыми

ратными людьми, посланы въ государевы Черкасскіе городы по твоему же гетманскому челобитью и по письму, а не для войны. А что пишутъ къ тебѣ изъ розныхъ полковъ полковники и сотники и есаулы о смутѣ государевыхъ ратныхъ людей, и тѣмъ было письмамъ вѣрить нечево»[108]. Другой царскій посланецъ, дьякъ Василій Михайловичь Кикинъ наставительно замѣтилъ гетману Выговскому, что «царского величества воеводы, бояринъ Василій Борисовичь Шереметевъ и окольничій князь Григорій Григорьевичь Ромодановскій, у великаго государя, у его царскаго величества, люди честные и великородные, также и въ войску Запорожскомъ засвидѣтельствованные, и такихъ честныхъ и великородныхъ людей безчестити не годилось». Когда же Выговскій сталъ увѣрять, будто бы Василій Борисовичь Шереметевъ «кривды чинитъ несносныя, жестокъ является, многихъ православныхъ христіянъ въ вязнехъ держитъ невинно, паче же того многихъ посѣкъ невинно и церкви православныя христіянскія пожогъ», Кикинъ опять остановилъ его,

[108] Акты относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. IV. Спб. 1863. № 95. стр. 189—191.

сказавъ, что бояринъ Василій Борисовичь Шереметевъ у великаго государя, у его царскаго величества, «палатной думной человѣкъ, и родители ево и онъ искони православную христіянскую вѣру исповѣдывали». При этомъ Кикинъ напомнилъ гетману, что бояринъ Шереметевъ «въ прошлыхъ годѣхъ былъ въ войскѣ Запорожскомъ не для разоренья церквей Божіихъ и православныхъ христіянъ, но для обороны и заступленья; всѣмъ подлинно вѣдомо, какъ онъ, бояринъ, и ратные люди съ Поляки и Крымскими Татары билися явственно, не щадя головъ своихъ»[109].

Но Выговскій остался глухъ къ увѣщаніямъ дьяка. 11 августа, онъ выѣхалъ изъ Чигирина, оставивъ подъячаго Портомоина подъ крѣпкимъ карауломъ; а 16 августа, къ Василью Борисовичу Шереметеву, въ Кіевъ, «прибѣжали изъ лѣсовъ работные люди, которые были посланы по лѣсъ на острожное и валовое дѣло, солдаты и драгуны, биты и сстрѣлены и пограблены многіе люди; а битые и грабленые люди сказали, что били ихъ

---

[109] Акты относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. IV. Спб. 1863. № 79. стр. 147 и 151.

и грабили Черкасы, а стрѣляли по нихъ изъ луковъ Татаровя; а идутъ-де подъ Кіевъ многіе люди».

Василій Борисовичь Шереметевъ тотчасъ же самъ вышелъ изъ Кіева съ ратными людьми и разослалъ во всѣ стороны подъѣзды. Весьма скоро «подъѣзщики» встрѣтили полковниковъ: Бѣлоцерковскаго Ивана Кравченка, Браславскаго Ивана Сербина и Подольскаго Евстафія Гоголя. Увидѣвъ государевыхъ ратныхъ людей, полковники съ Черкасами подъ Кіевъ не пошли, и стали за рѣчкою Лыбедью, въ двухъ верстахъ отъ Кіева. Шереметевъ послалъ къ полковникамъ дворянина Михаила Свищова спросить ихъ: «Для чего они безвѣстно подъ Кіевъ со многими людьми пришли и съ ними Татаровя, и полковъ ихъ люди для чего государевыхъ ратныхъ людей били и изъ луковъ стрѣляли и грабили»? Полковники отвѣчали, что они пришли подъ Кіевъ со многими людьми «по разсказанью» гетмана Ивана Выговскаго, а Татаръ-де съ ними нѣтъ; а будетъ-де къ нимъ, подъ Кіевъ, Данила Выговскій и Татары будутъ съ нимъ. «А подъ Кіевъ-де они пришли и Данилка будетъ, для договору вся-

кихъ дѣлъ». Къ названнымъ тремъ полковникамъ, вскорѣ прибыли еще двое: «Паволоцкій Иванъ Богунъ да Саблинской съ пѣхотою».

Наконецъ, 23 августа, въ понедѣльникъ, въ другомъ часу дня, пришелъ подъ Кіевъ и Данила Выговскій съ Татарами и Черкасами «со многими людьми». Съ нимъ было Черкасъ и Левенцовъ 20.000 человѣкъ да полторы тысячи Татаръ съ мурзами: Капланомъ и Мансыремъ[110].

Какъ оказалось, гетманъ Иванъ Выговскій поручилъ своему брату Данилѣ, придя подъ Кіевъ, «послать къ боярину и воеводамъ къ Василью Борисовичу Шереметеву съ товарыщи говорить, чтобъ они изъ Кіева съ государевыми ратными людьми вышли и шли къ Москвѣ; а будетъ не выѣдутъ, Кіевъ осадить, а осадя, съ бояриномъ и воеводами съ Васильемъ Борисовичемъ съ товарищи о томъ згоду учинить, чтобъ изъ Кіева вышли и къ Москвѣ пошли»[111].

---

[110] Московскій архивъ министерства юстиціи: Малороссійскаго приказа столбецъ 5850.

[111] Показаніе Браславскаго полковника Ивана Сербина (Московскій архивъ министерства юстиціи: Малороссійскаго приказа столбецъ 5850).

Но Данила Выговскій, пришедъ подъ Кіевъ, завелъ переговоры не съ царскимъ воеводою, а съ Кіевскимъ полковникомъ Павломъ Яненкомъ, и, переговоря съ нимъ, велѣлъ на посадѣ, на торгу, государевыхъ людей побивать, которые ходили изъ города для хлѣбной покупки, самый же посадъ зажечь. А Татарамъ своимъ велѣлъ отогнать изъ подъ Кіева конскія стада Комарницкихъ драгунъ и гонять сторожевыя сотни. Самъ Данила Выговскій положилъ итти на приступъ города, собственно Верхняго города, отъ рѣки Лыбеди, на Золотые ворота; а Павелъ Яненко сказалъ, что въ то же самое время, «онъ съ полкомъ своимъ, изъ табору своего, съ Щековицы, учнетъ къ городу приступать, и изъ пушекъ стрѣлять, и отыметъ воду въ Днѣпрѣ, и великаго-де государя люди въ тѣ поры здадутца».

Въ условленный часъ, Данила Выговскій «отъ Лыбеди учинилъ окрикъ; а Павлу Яненку отъ своего табора велѣлъ въ тожъ время приступать къ городу»[112].

Василій Борисовичъ Шереметевъ, засѣвъ

---

[112] Показаніе полковника Ивана Сербина (Московскій архивъ министерства юстиціи: Малороссійскаго приказа столбецъ 5850).

въ Верхнемъ городѣ, послалъ своихъ товарищей, князя Юрія Никитича Борятинскаго и Ивана Ивановича Чаадаева, съ ратными людьми, встрѣтить Данилу Выговскаго, наступавшаго къ Золотымъ воротамъ. «И у товарищей моихъ, — доносилъ царю Василій Борисовичь, — съ Данилкомъ Выговскимъ и съ Татары и съ Черкасы былъ бой; а какъ былъ бой, и въ тѣжъ поры къ городу ко мнѣ, съ другіе стороны, отъ посаду, съ Киселева городка, Кіевскій полковникъ Павелъ Ененокъ, забывъ свое слово, что онъ со мною говорилъ подъ присягою, что онъ биться со мною и гетмана въ томъ слушать не хотѣлъ, и онъ во всемъ томъ солгалъ, — съ своимъ полкомъ съ Черкасы пришолъ на приступъ». Высланный Шереметевымъ на вылазку голова стрѣлецкій Иванъ Зубовъ, съ Московскими стрѣльцами и Кіевскими солдатами, не допустя полка Яненки до города, жестоко побилъ его, сбилъ съ Киселева городка и отнялъ знамя. Одновременно съ тѣмъ и Данило Выговскій былъ отбитъ отъ Золотыхъ воротъ, потерявъ въ жаркомъ бою много конныхъ и пѣшихъ людей. Захваченный въ этомъ бою Татаринъ, съ пытки, показалъ, что гетманъ Иванъ Вы-

говскій давно измѣнилъ великому государю и еще зимою присягалъ Крымскому хану; «да и нынѣ-де лѣтомъ присягалъ же на томъ, что ему съ Татары приходить подъ Кіевъ и великого государя городы воевать за одно; и нынѣ-де гетманъ Иванъ Выговскій съ Татары пошелъ за Днѣпръ, а съ нимъ-де Татаръ пошло 20.000; а сколько Черкасъ, про то онъ подлинно не вѣдаетъ, а слышалъ-де, что гетманъ пошелъ на великого государя Украинные городы войною».

Вечеромъ, Павелъ Яненко отступилъ на Щековицу, всего въ полуверстѣ отъ Верхняго города; а Данила Выговскій расположился обозами подъ Печерскимъ монастыремъ, вмѣстѣ съ тѣми полковниками, которые оставались во время боя за Лыбедью. Татары поставлены были подлѣ обозовъ.

Всю ночь, съ понедѣльника на вторникъ, въ обозахъ Данилы Выговскаго готовились къ новому приступу Верхняго города. Всѣхъ полковъ казаки, вмѣсто отдыха, копали въ двухъ мѣстахъ шанцы у земляного вала, противъ Печерскихъ воротъ, «для того, чтобы изъ города къ Днѣпру рѣкѣ не пропущать и воду отнять». На разсвѣтѣ, когда работы бы-

ли окончены и въ шанцахъ засѣли Браславскій полковникъ Иванъ Сербинъ съ 300 казаками да Бѣлоцерковскій Иванъ Кравченко и Паволоцкій Иванъ Богунъ съ 500 казаками, изъ Верхняго города, по распоряженію Шереметева, выступили государевы ратные люди, конные и пѣшіе, подъ предводительствомъ Князя Борятинскаго и Чаадаева.

Выбивъ изъ шанцевъ казаковъ, государевы ратные люди опрокинулись на таборъ Выговскаго и разгромили его, отнявъ бунчукъ, войсковую печать, прапоръ, знамена, литавры, весь обозъ и всѣ пушки. Много побито было Черкасъ и Татаръ, много захвачено въ плѣнъ, а остальные, гонимые страхомъ, бѣжали съ поля битвы, и безъ счету тонули въ Днѣпрѣ. Самъ Данила Выговскій, «съ бою ушолъ только самъ-другъ или самъ-третей съ челядники, и, вскинувся на лошадь, прибѣжалъ къ Днѣпру, и сѣлъ въ лодку, и побѣжалъ въ лодкѣ, Днѣпромъ, на низъ. И казаки, которые съ бою утекли, хотѣли его, Данилка, убить за то, что сдѣлавъ имъ много лиха, утекаетъ»[113].

---

[113] Показаніе полковника Ивана Сербина (Московскій архивъ министерства юстиціи: Малороссійскаго приказа столбецъ 5850).

Покончивъ съ Данилой Выговскимъ, князь Юрій Никитичь Борятинскій съ своими рейтарами устремился противъ Кіевскаго полковника Павла Яненки, который изъ своего обоза, съ Щековицы, приступалъ къ Верхнему городу, къ новому земляному валу. Пѣшіе и конные люди полковника Яненки потерпѣли полное пораженіе. Самъ Яненко былъ сбитъ съ лошади и потерялъ другое свое знамя. Одновременно съ прибытіемъ князя Борятинскаго, Василій Борисовичь Шереметевъ выслалъ Московскихъ стрѣльцовъ и солдатъ полка Николая Фанъ-Стадена, съ приказаніемъ очистить Щековицу, откуда была «пущая» стрѣльба по городу. Послѣ непродолжительнаго, но упорнаго боя, наши взяли весь находившійся на Щековицѣ обозъ Яненки, со всѣми пушками и знаменами. Большая часть Черкасъ была перебита или захвачена въ плѣнъ, «а достальные Черкасы всѣ побѣжали, и топились въ рѣчкѣ Почайнѣ, и многіе потонули». Нѣсколько сотъ ратниковъ Выговскаго, собравшись, засѣли было въ шанцахъ, но и они были выбиты вторымъ товарищемъ Шереметева, Иваномъ Чаадаевымъ. Такая же плачевная участь по-

стигла и Татаръ, находившихся въ войскѣ Данилы Выговскаго. По показанію полковника Ивана Сербина, «Татаровя многіе, въ рѣчкѣ Лыбеди, въ топкихъ мѣстехъ, лошеди потопили съ сѣдлы и со вьюки, и бѣжали пѣши».

Такъ кончилась эта двухдневная Кіевская битва, называвшаяся въ народѣ, по главному мѣсту боя, Скави́чщиною[114], какъ это видно изъ Малороссійской лѣтописи XVII вѣка, именуемой Черниговскою. Въ этой лѣтописи вышеописанное событіе означено такъ: «Данило Выговскій подступилъ подъ городъ Московскій Кіевскій[115], отъ монастыря Печерского, зъ войскомъ козацкимъ; а Яненко, полковникъ Кіевскій, зъ другого боку, стоячи на Шкавицѣ, добывали города Московского; на той часъ воеводою былъ Василій Борисовичь Шереметевъ; а потымъ кгды дня оного Данило Выговскій былъ веселъ, Москва, вышедши изъ города, обозъ Даниловъ розбила, а казаковъ много згинуло, а Данилко Выговскій

---

[114] Скавица — древнее названіе горы Щековицы.

[115] То есть Верхній или Старый городъ, названный лѣтописцемъ Московскимъ, конечно, потому, что тамъ сидѣло Московское войско и сосредоточено было главное управленіе царскаго воеводы.

самъ ледво утекъ... И тая война названа есть Скавичщина»[116].

По донесенію Василья Борисовича Шереметева, на Кіевскихъ бояхъ, въ обозахъ и на вылазкахъ, взято было нашими: «знаменъ Черкаскихъ камчатыхъ и таѳтяныхъ и дорогильныхъ 48; да пушекъ взято 9 мѣдныхъ да 3 желѣзныхъ да къ нимъ 233 ядра; да 12 пищалей затинныхъ; да 3 бочки пороху пушечнаго».

Плѣнные Черкасы чистосердечно объяснили Шереметеву, что «они подъ Кіевъ пришли по большой неволѣ: высылали ихъ старшины къ бою бивъ, а иныхъ и рубили, и они-де ходили на бой и на приступъ, боясь старшины своей, по-неволѣ». Несчастные просили, чтобы великій государь пожаловалъ, не велѣлъ за ихъ вины казнить смертію, а они-де великому государю служить будутъ вѣрно, и будутъ «своей братіи говорить и на то приводить, чтобъ они гетмана Ивана Выговскаго и старшины не слушали, и на великаго государя городы войною не приходили, и кото-

---

[116] Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окрестностей. Кіевъ. 1874. стр. 44.—Собраніе сочиненій М. А. Максимовича. Т. I. Кіевъ. 1876. стр. 235.

рые-де старшины нынѣ ихъ приводили сильно къ бою, и они хотятъ, съ черныю переговоря, ту старшину побить, а иныхъ, перемавъ, въ Кіевъ привесть».

Самъ Василій Выговскій (дядя гетмана), полковникъ Овручскій, показывалъ, что «Черкасы бьются по-неволѣ: гетманъ-де Иванъ Выговской устращалъ страхомъ великимъ, что полковниковъ многихъ и сотниковъ казнилъ, и тѣмъ-де въ людехъ учинилъ страхъ великой».

Что Черкасамъ насильно навязывалась вражда къ Москвѣ, доказательствомъ сему можетъ служить и показаніе другого полковника, Ивана Сербина: «А Черкасы многіе биться съ государевыми людьми не хотятъ, изъ полковъ бѣгутъ, а говорятъ-де то, что къ нимъ государскіе немилости нѣтъ».

Василій Борисовичь Шереметевъ, по личному великодушію, и при томъ зная человѣколюбивое сердце царя Алексѣя Михайловича, простилъ всѣхъ плѣнныхъ. Онъ распустилъ ихъ по домамъ, поручивъ доставить во всѣ мѣстечки письма «къ сотникамъ, атаманомъ и ко всей черни, чтобъ они, помня государскую премногую милость и свою присягу, къ

измѣннику Ивану Выговскому не приставали, и старшины своей не слушали, и подъ Кіевъ и на иные великаго государя городы войною не ходили»[117].

Царь Алексѣй Михайловичь, въ грамотѣ на имя Василья Борисовича Шереметева, милостиво похвалялъ его за дѣйствія противъ Выговскаго и особенно за милосердое обращеніе съ плѣнными[118]: «И мы, великій государь, — читаемъ въ царской грамотѣ, — жалуемъ васъ, боярина нашего и воеводъ, за ту вашу службу, и нашихъ ратныхъ всякихъ чиновъ людей милостиво похваляемъ, что они намъ, великому государю, служили, бились, не щадя головъ своихъ. Да и за то васъ, боярина нашего и воеводъ, что вы, взявъ на бою многихъ людей Черкасъ въ языцѣхъ, при-

---

[117] Подробности о Кіевскихъ бояхъ и ихъ послѣдствіяхъ, взяты изъ двухъ отписокъ Василья Борисовича Шереметева къ государю, изъ нихъ одна хранится въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи (Малороссійскаго приказа столбецъ 5850), а другая напечатана въ Актахъ, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи (Т. VII. Спб. 1872. № 86).

[118] Костомаровъ говоритъ, что плѣнныхъ казаковъ подвергли пыткѣ, ичто они со страху старались какъ можно болѣе чернить Выговскаго (Историческія монографіи и изслѣдованія. Т. II. Спб. 1863. стр. 123). Показаніе это, ничѣмъ не подтверждающееся, остается на отвѣтственности повѣствователя.

ведчи къ вѣрѣ, отпустили, а побить ихъ не велѣли,—милостиво же похваляемъ, потому что мы, великій государь, православные христіянскіе крови не желатели»[119].

---

[119] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. № 88.

ГЛАВА IX.

Данила Выговскій едва добрался до Триполья и отсюда на подводѣ пріѣхалъ въ Бѣлую Церковь. Туда же по-одиночкѣ прибывали, по большей части, пѣшкомъ, бывшіе съ нимъ въ Кіевѣ полковники. Положеніе ихъ было таково, что, напримѣръ, Богунъ «пришелъ босъ и въ одной рубахѣ»; а Гоголь съ Левенцами сбился съ дороги, и, прежде чѣмъ попалъ въ Бѣлую Церковь, долго бѣдствовалъ въ Овручскомъ полѣсьѣ. При Данилѣ Выговскомъ осталось всего пять тысячъ казаковъ, такъ какъ отпущенные Шереметевымъ плѣнники «къ Данилкѣ Выговскому не пошли, отказали ему, разбѣжались врознь»[120]. А между тѣмъ, гетманъ Иванъ Выговскій на-

[120] Московскій архивъ министерства юстиціи: Малороссійскаго приказа столбецъ 5850.

стаивалъ, чтобы полковники вновь готовились къ приступу Кіева. «А будетъ мочи ихъ не будетъ къ приступу, и онибъ-де изъ Бѣлые Церкви посылали къ Кіеву подъѣзды, и имали языковъ и спрашивали, чтò бояринъ и воеводы Василей Борисовичь съ товарыщи мыслятъ, хотятъ ли изъ Кіева вытить и къ Москвѣ итти».

Но Шереметевъ мыслилъ вовсе не такъ, какъ хотѣлось бы гетману Выговскому. Не смотря на малочисленность государевыхъ ратныхъ людей, находившихся въ Кіевѣ, онъ отнюдь не располагалъ сдавать столицы Южно-Русскаго края возмутившемуся гетману. Неудача подъ Кіевомъ возмѣстилась Выговскому поимкою Пушкарева единомышленника, Запорожскаго кошеваго атамана Якова Барабаша, бѣжавшаго послѣ погибели Пушкаря въ Бѣлгородъ, къ князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому, который и держалъ его при себѣ до царскаго указа. Незадолго до разгрома Данилы Выговскаго, князь Ромодановскій, по государевой грамотѣ, поручилъ дворянину Якову Матвѣевичу Левшину отвезти Барабаша въ Кіевъ, къ боярину Василью Борисовичу Шереметеву, а

«для провожанья» его назначилъ начальныхъ людей, драгунскаго строя капитана Юрья Палта да Михаила Картавцова, и съ ними: 100 человѣкъ Козловцевъ дѣтей боярскихъ и сотню драгунъ да 10 человѣкъ Донскихъ казаковъ. Во всѣхъ Черкасскихъ городахъ посланцевъ князя Ромодановскаго пропускали безъ задержанія, и всюду давали имъ подводы. Но 24 августа, подъ мѣстечкомъ Гоголевымъ, принадлежавшемъ престарѣлому отцу гетмана, Евстафію Выговскому, на нихъ напалъ Янъ Выговскій Кривой, съ тысячью человѣкъ Черкасъ, ограбилъ всѣхъ до-нага и, перевязавъ, отправилъ къ гетману: Левшина и Барабаша въ телѣгѣ, а остальныхъ «погнали пѣшихъ, въ однѣхъ рубахахъ». Изъ всего конвоя удалось спастись бѣгствомъ только человѣкамъ пяти, въ томъ числѣ драгуну Трофиму Бурцову, да Козловцамъ: Софонію Павлову и Кондратію Орѣхову, которые добрались, 28 августа, до Кіева, и разсказали о несчастіи, постигшемъ ихъ товарищей»[121].

Извѣстіе о поимкѣ Барабаша настигло гетмана Выговскаго на пути въ Гадячь, куда

[121] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи: Т. IV. Спб. 1863. № 76; Т. VII. Спб. 1872. стр. 256. столб. 2.

онъ спѣшилъ на свиданіе съ Польскимъ комиссаромъ Беневскимъ, для заключенія договора «о пребываніи гетману съ войскомъ Запорожскимъ навсегда въ вѣрности и подданствѣ короля Польскаго и Рѣчи Посполитой».

Въ то время, какъ въ Гадячѣ судьбы Малороссіи измѣннически предавали опять въ руки Польши, въ окресностяхъ Кіева спасительнымъ противовѣсомъ сказывалась сила Московскаго оружія.

«Четвертаго сентября, — доносилъ царю Василій Борисовичь Шереметевъ, — измѣнникъ Данилка Выговской прислалъ, изъ подъ Бѣлой Церкви, подъ Кіевъ, наказнаго полковника Половца а съ нимъ Черкасъ и Татаръ съ 300 человѣкъ, и твоихъ, великаго государя, ратныхъ людей да людей боярскихъ поимали, которые ѣздили для конскихъ кормовъ, 29 человѣкъ. И мы, холопи твои, послѣ того посылали подъ Триполья, для языковъ, подполковника Семена Скорнякова-Писарева съ рейтары. А въ Трипольѣ збирались Черкасы на насъ, холопей твоихъ, и тѣхъ Черкасъ Семенъ побилъ. Да измѣнникъ же Данилка Выговской збирался подъ Бѣлою Церковью, а

въ Мотовиловкѣ велѣлъ збиратца Овруцкому полковнику Василью Выговскому съ Черкасы и съ Татары; а Мотовиловка отъ Кіева 30 верстъ. И, прося у Бога милости и у Пречистые Богородицы помощи, посылалъ я, холопъ твой Васка, товарища своего, князь Юрья (Борятинскаго), подъ Мотовиловку, на полковника Овруцкого на Василья Выговскаго, что-бъ ему собратца съ людьми и съ Данилкомъ Выговскимъ сойтитца не дать. А съ товарищемъ своимъ посылалъ я подполковниковъ рейтарскихъ, съ начальными людьми и съ рейтары, да головъ съ сотнями Романа Шеншина да Өөонасья Лаврова да драгунскаго строю начальныхъ людей съ драгуны, 2000 человѣкъ. И какъ товарыщъ мой, князь Юрья, подъ Мотовиловку пришолъ, и полковникъ Овруцкой Василей Выговской бою не далъ, побѣжалъ со всѣми людьми. И товарищъ мой, князь Юрья, поимавъ языки подъ городомъ, пошолъ назадъ въ Кіевъ, и пришолъ въ Васильковъ къ ночи; а Васильковъ отъ Кіева 25 верстъ. И тое жъ ночи прислалъ на товарища моево, на князь Юрья, Данилка Выговской, изъ подъ Бѣлой Церкви, брата своего Костку, а съ нимъ: полковниковъ Браслав-

скаго, Ивана Сербина, да Овруцкаго, Василья Выговскаго, да Мансыря мурзу съ Татары; а послалъ съ ними, выбравъ, сотниковъ и Черкасъ и Татаръ лутчихъ людей 2000 человѣкъ. И на утріе, государь, подъ Васильковымъ, у товарыща моего, князь Юрья, съ Косткою и съ полковники и съ мурзою былъ бой. И милостію Божіею и Пречистые Богородицы помощію, и твоимъ, великаго государя, счастіемъ, товарыщъ мой, князь Юрья, Костку Выговскаго и мурзу и Черкасъ и Татаръ побилъ, а полковниковъ Ивана Сербина и Овруцкаго, Василья Выговскаго, да сотниковъ розныхъ полковъ, 5 человѣкъ, и Черкасъ многихъ людей да Татаръ 50 человѣкъ, взяли живыхъ. А Костка и Мансырь мурза ушли не съ большими людьми. А твоихъ, великаго государя, ратныхъ людей на томъ бою убито: рейтаръ два человѣка, а третій взятъ въ полонъ да ранено 17 человѣкъ. А какъ, государь, пошолъ товарыщъ мой, князь Юрья, съ бою изъ Василькова, и полковники Иванъ Сербинъ и Овруцкой, Василей Выговскій, сказали, что идетъ за ними и Данилка Выговской со всѣми людьми. И товарищъ мой, князь Юрья, велѣлъ Татаръ и Черкасъ посѣчь многихъ, а

велѣлъ отобрать лутчихъ людей полковниковъ да сотниковъ да Татаръ 10 человѣкъ».

Захваченный въ плѣнъ полковникъ Иванъ Сербинъ показывалъ, что въ бою подъ Мотовиловкою убито казаковъ больше тысячи человѣкъ и что Данила Выговскій увѣрялъ въ своемъ таборѣ, что къ нему, по гетманскому приказу, идутъ на помощь еще три полка: Корсунскій, Переяславскій и Черкасскій. Но полковъ тѣхъ такъ и не дождались, и онъ, Сербинъ, думаетъ, что о приходѣ ихъ Данила «говорилъ для казаковъ, что-бъ изъ полковъ казаки не бѣгали; а казаки-де изъ полковъ бѣгутъ врознь, съ государевыми людьми битца не хотятъ».

Плѣнные Татары не могли объяснить, какъ велика была ихъ потеря въ Мотовиловскомъ бою, но они видѣли очень много Татарскихъ лошадей у государевыхъ ратныхъ людей. Изъ распросныхъ рѣчей плѣнниковъ видно, что пораженія, наносимыя Московскими воеводами, отнимали охоту биться и у Татаръ. Они нѣсколько разъ отбѣгали въ степь, съ цѣлію совсѣмъ уйти въ Крымъ; но Данила Выговскій всякій разъ возвращалъ ихъ назадъ, заманивая посулами, отдать въ ихъ ру-

ки всѣхъ царскихъ воеводъ и ратныхъ людей, какъ только возьметъ Кіевъ.

Самъ гетманъ Выговскій чувствовалъ, что все больше и больше теряетъ подъ собою почву. Однажды, призвавъ къ себѣ полковника Ивана Сербина, онъ втайнѣ говорилъ ему: «будетъ-де государевы люди учнутъ на него, гетмана, наступать, и будетъ ему утѣсненіе, и онъ-де, гетманъ, придетъ къ нему, Ивану, въ городъ Браславль, и для того-де велѣлъ ему, Ивану, про себя дворъ строить, и запасы и конскіе кормы готовить; а будетъ-де и въ Браславлѣ ему, гетману, будетъ утѣсненіе, и онъ-де говорилъ, что побѣжитъ въ Крымъ или въ Волохи»[122].

Бездушный честолюбецъ, обезпечивая лично себя отъ возможныхъ случайностей, не щадилъ несчастной страны, безжалостно выпуская изъ нея кровь, ради своихъ корыстныхъ расчетовъ. Малороссіяне, сбитые съ колеи мирной жизни, не знали куда дѣваться, чего держаться. Они сторонились отъ Выговскихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ боялись открыто приставать и къ царскому войску, видя его

---

[122] Московскій архивъ министерства юстиціи: Малороссійскаго приказа столбецъ 5850.

крайнюю малочисленность. Смѣловскій хорунжій Прокофій Ѳедоровъ, пріѣзжавшій, 12 сентября, въ Путивль, съ листомъ отъ гетмана Выговскаго, на вопросъ Путивльца Яцына, для чего Черкасы зачали войну, со слезами отвѣчалъ, что «они-де, Черкасы и вся чернь, на чомъ великому государю крестъ цѣловали, и нынѣ на томъ стоятъ; а война-де всчинается не отъ нихъ, отъ ихъ старшинъ, потому что великаго государя ратныхъ людей нигдѣ нѣтъ, и имъ, Черкасомъ, надѣяться не на кого; а какъ-де будутъ великаго государя ратные люди, и они-де подъ великаго государя державою и нынѣ всѣ быть готовы»[123]. Малочисленность царскаго войска, видимо, ободряла гетмана Выговскаго, и онъ старался поддерживать увѣренность, что изъ Москвы такъ и не пришлютъ никакой подмоги. «А Иванъ Выговскій,—доносилъ царю Василій Борисовичь Шереметевъ,—пишетъ во всѣ города и обнадеживаетъ, что будто твои, великаго государя, ратные люди къ намъ, холопемъ твоимъ, въ помочь не будутъ; а чернь вся и Черкасы многіе твоихъ, великаго государя, ратныхъ

---

[123] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. IV. Спб. 1863. стр. 169. столб. 2.

людей ожидаютъ и говорятъ, что какъ будутъ твои ратные люди, и они хотятъ пристать; а къ намъ, холопемъ твоимъ, для того не приставаютъ, что у насъ твои люди немногіе и они приставать боятца того, что-бъ гетманъ не выдалъ ихъ Татаромъ».

Не будучи въ силахъ одолѣть царское войско въ открытомъ бою, Выговскіе прибѣгали и къ другимъ способамъ, что-бы избавиться отъ Шереметева. 17 октября, старикъ Евстафій, отецъ гетмана, послалъ въ Москву, къ бывшему Кіевскому воеводѣ Андрею Васильевичу Бутурлину, письмо, съ прямымъ расчетомъ на то, что оно дойдетъ и до государева дворца. Смыслъ письма тотъ, что покамѣстъ на воеводствѣ въ Кіевѣ пребывалъ Бутурлинъ, въ Малороссіи все было благополучно. А «нынѣ-де, при бытіи его милости пана Шереметева, много крови розлилось; церкви Божіи и монастыри, которыя царица, ея милость, казною своею обдаря, устроила, выжжены и ни во что обращены; а выгнанные иноки скитаются по городамъ и пустынямъ». Евстафій клялся, что не отъ нихъ началась та война и разореніе, а отъ его милости пана Шереметева и князя Ромоданов-

скаго. «Мы-де того до смерти жалѣти будемъ, что твоя милость (то есть Бутурлинъ) отъ насъ отъѣхалъ. А естли-бъ твоя милость съ нами былъ на томъ воеводствѣ, все-бъ было добро»[124]. Выговскіе пробовали также обвести и самого Шереметева хитростями. Такъ, вскорѣ послѣ Мотовиловскаго боя, Иванъ и Данила Выговскіе прислали къ Печерскому архимандриту, Иннокентію Гизелю, листы, въ которыхъ просили его увѣрить Василья Борисовича Шереметева, что «они рады згодѣ», то есть мирному соглашенію, лишь бы онъ не посылалъ на нихъ ратныхъ людей; сами-же они вовсе не хотятъ-де приходить на него. Но обманныя сѣтованія и увѣренія не достигали своей цѣли. По поводу листовъ Выговскихъ, Шереметевъ доносилъ государю: «Къ архимариту пишутъ о згодѣ, а Данилка Выговскій нынѣ стоитъ отъ Кіева въ 25 верстахъ со всѣми полками въ сборѣ; а Иванъ Выговскій писалъ къ архимариту съ грозами, что Кіевъ сталъ межъ многихъ земель и государствъ».

Василья Борисовича Шереметева, въ его

---

[124] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. IV. Спб. 1863. № 93.

людей ожидаютъ и говорятъ, что какъ будутъ твои ратные люди, и они хотятъ пристать; а къ намъ, холопемъ твоимъ, для того не приставаютъ, что у насъ твои люди немногіе и они приставать боятца того, что-бъ гетманъ не выдалъ ихъ Татаромъ».

Не будучи въ силахъ одолѣть царское войско въ открытомъ бою, Выговскіе прибѣгали и къ другимъ способамъ, что-бы избавиться отъ Шереметева. 17 октября, старикъ Евстафій, отецъ гетмана, послалъ въ Москву, къ бывшему Кіевскому воеводѣ Андрею Васильевичу Бутурлину, письмо, съ прямымъ расчетомъ на то, что оно дойдетъ и до государева дворца. Смыслъ письма тотъ, что покамѣстъ на воеводствѣ въ Кіевѣ пребывалъ Бутурлинъ, въ Малороссіи все было благополучно. А «нынѣ-де, при бытіи его милости пана Шереметева, много крови розлилось; церкви Божіи и монастыри, которыя царица, ея милость, казною своею обдаря, устроила, выжжены и ни во что обращены; а выгнанные иноки скитаются по городамъ и пустынямъ». Евстафій клялся, что не отъ нихъ началась та война и разореніе, а отъ его милости пана Шереметева и князя Ромодановг-

скаго. «Мы-де того до смерти жалѣти будемъ, что твоя милость (то есть Бутурлинъ) отъ насъ отъѣхалъ. А естли-бъ твоя милость съ нами былъ на томъ воеводствѣ, все-бъ было добро»[124]. Выговскіе пробовали также обвести и самого Шереметева хитростями. Такъ, вскорѣ послѣ Мотовиловскаго боя, Иванъ и Данила Выговскіе прислали къ Печерскому архимандриту, Иннокентію Гизелю, листы, въ которыхъ просили его увѣрить Василья Борисовича Шереметева, что «они рады згодѣ», то есть мирному соглашенію, лишь бы онъ не посылалъ на нихъ ратныхъ людей; сами-же они вовсе не хотятъ-де приходить на него. Но обманныя сѣтованія и увѣренія не достигали своей цѣли. По поводу листовъ Выговскихъ, Шереметевъ доносилъ государю: «Къ архимариту пишутъ о згодѣ, а Данилка Выговскій нынѣ стоитъ отъ Кіева въ 25 верстахъ со всѣми полками въ сборѣ; а Иванъ Выговскій писалъ къ архимариту съ грозами, что Кіевъ сталъ межъ многихъ земель и государствъ».

Василья Борисовича Шереметева, въ его

---

[124] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. IV. Спб. 1863. № 93.

трудномъ положеніи въ странѣ, взбаламученной смутою, выручало умѣніе окружать себя людьми преданными. Въ числѣ ихъ первое мѣсто занималъ извѣстный ученостію и благотворительностію Кіево-Печерскій архимандритъ, Иннокентій Гизель, который, по словамъ Шереметева, «великому государю служилъ вѣрно, и гетману и полковникомъ говорилъ, не боясь отъ нихъ ничего». Гизель пользовался большимъ вліяніемъ въ Малороссіи, и по своимъ высокимъ нравственнымъ качествамъ, и какъ архимандритъ Кіево-Печерской лавры — ставропигіи Константинопольскаго патріарха, независимой отъ Кіевскаго митрополита. Самостоятельно располагая громадными средствами лавры, онъ иногда выручалъ Шереметева выдачею взаймы денегъ, на содержаніе государевыхъ ратныхъ людей.

Далѣе слѣдуетъ наказной полковникъ Василій Дворецкій. Онъ, при первыхъ же слухахъ объ измѣнѣ гетмана Выговскаго, «покиня свою жену и дѣти и животы, пріѣхалъ въ Кіевъ, къ Шереметеву, служить съ нимъ вмѣстѣ великому государю, и въ войско Запорожское, къ полковникомъ и ко всей черни,

писалъ безпрестанно, что-бъ памятовали государскую милость и души свои, отъ гетмана отстали и ни въ чемъ гетмана не слушали». Затѣмъ, Шереметевъ указывалъ еще на шесть лицъ, съ которыми находился въ постоянныхъ дѣловыхъ сношеніяхъ. Вотъ ихъ имена: сотникъ Семенъ Третьяченко, атаманъ Иванъ Епикъ и казаки—Грицко Алференко, Иванъ Березицкой, Михайло Викидкинской и Семенъ Лугниченко.

Но наиболѣе дѣятельною преданностію Московскому правительству отличался, въ то время, извѣстный Нѣжинскій протопопъ Максимъ Филимоновичь. Онъ помогъ Василью Борисовичу Шереметеву въ самомъ трудномъ дѣлѣ, устроивъ ему постоянныя сношенія съ ближайшими воеводами и съ Москвою. Такъ какъ нерѣдко, за прекращеніемъ проѣзда Черкасскими городами, было весьма опасно посылать съ отписками нарочныхъ гонцовъ, то протопопъ Максимъ учредилъ особую тайную почту, черезъ своего племянника, Мартина Прокофьева, который обыкновенно ѣздилъ въ Кіевъ, какъ-бы для своихъ дѣлъ, и полученные отъ Шереметева листы и отписки, отвозилъ въ Путивль, къ воеводѣ князю

Григорью Даниловичу Долгорукову. Послѣдній, прочитавъ ихъ, отсылалъ далѣе, въ Москву; а въ Бѣлгородъ, князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому, сообщалъ списки. Такимъ же путемъ доставлялись и въ Кіевъ всѣ отписки на имя Шереметева. Благодаря этой тайной почтѣ, а также усердію вышеназванныхъ лицъ, которыя, ревнуя о благѣ родины, «объ вѣстяхъ по-часту писали въ Кіевъ и вѣдать давали», Шереметевъ имѣлъ самыя точныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ краѣ и о всѣхъ замыслахъ Выговскихъ.

Шереметевъ хорошо зналъ, что бой при Мотовиловкѣ отнюдь не вразумилъ Выговскихъ и что они были очень далеки отъ мысли о какой либо «згодѣ». Напротивъ того, новое пораженіе только ускорило подписаніе Гадячскихъ статей и понудило гетмана послать къ брату, въ прибавку, еще два полка: Переяславскій (6000 человѣкъ) и Корсунскій. А Данила Выговскій раскинулъ свой таборъ между Васильковымъ и Мотовиловкою, и, по извѣстіямъ, полученнымъ съ мѣста, снова принялся «собирать изъ мѣстечекъ и изъ деревень мужиковъ по-неволѣ, а собрався, по-

ложилъ итти подъ Кіевъ и промышлять надъ нимъ всякими мѣрами».

И дѣйствительно, 26 октября, Данила Выговскій, «собрався со многими Черкасскими полками и съ Татары, опять пришелъ подъ Кіевъ, и въ тотъ же день имѣлъ бой съ Шереметевымъ за Золотыми воротами. Къ вечеру Выговскій принужденъ былъ отступить. Въ донесеніи Шереметева сказано, что Выговскій, «съ бою отшедъ, сталъ, окопався, подъ Печерскимъ монастыремъ, далѣ прежняго своего обозу, гдѣ напередъ сего обозъ его сбитъ».

На другой день, Данила Выговскій, выбрався изъ окопа, пошелъ было со всѣми полками, конными и пѣшими, и съ Татарами къ Старому городу на приступъ, но товарищи Шереметева, князь Борятинскій и Чаадаевъ, не допустя ратниковъ Выговскаго до города, завязали съ ними жаркій бой. «И милостію Божіею и Пречистые Богородицы помощію, и великаго государя счастіемъ, у Данилка многихъ людей побили и языки поймали и въ обозъ вогнали; а Татаровя съ бою разбѣжались по лѣсомъ, за рѣку Лыбедь»[125].

[125] Донесеніе Василья Борисовича Шереметева (Московскій архивъ министерства юстиціи: Малороссійскаго приказа столбецъ 5850).

Гетманъ Выговскій говорилъ, что «братъ его Данилка учинилъ глупо, что не умѣлъ себя у войска своего остеречь», и рѣшилъ самъ итти на Шереметева. Ѣдучи на рать, Выговскій легкомысленно похвалялся, «боярина Шереметева со всѣми людьми выпхнуть порохомъ» изъ Кіева.

ГЛАВА X.

29 октября, гетманъ Иванъ Выговскій пришелъ подъ Кіевъ «со многими полками и съ Татары», и сталъ въ обозѣ съ братомъ своимъ Даниломъ. «Хотя-де—говорилъ гетманъ —у меня всѣхъ людей побьютъ, а не взявъ Кіева, прочь не отступлю»[126].

По показанію языковъ, съ Выговскими было войска съ 50 тысячъ человѣкъ, да шесть тысячъ Татаръ[127]. Въ распоряженіи-же Василья Борисовича Шереметева состояло приблизительно 7500 человѣкъ, которые были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: Къ то-

---

[126] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. IV Спб. 1863. стр. 193. столб. 2.

[127] Бантышъ-Каменскій говоритъ, что «изъ донесенія Василья Борисовича Шереметеза къ государю видно, что съ Выговскими было подъ Кіевомъ 40 тысячъ казаковъ и 60 тысячъ Татаръ». (Исторія Малой Россіи. ч. 1. М. 1822. стр. 65). Цыфры эти не встрѣчаются въ извѣстныхъ намъ отпискахъ Василья Борисовича.

варищамъ своимъ, Князю Борятинскому и Чаадаеву, долженствовавшими вступить съ Выговскими въ открытый бой, Шереметевъ назначилъ 3500 человѣкъ, въ томъ числѣ—1000 рейтаръ, сотню дворянъ и дѣтей боярскихъ Стародубцевъ и Рославцевъ съ сотеннымъ головою жильцомъ Иваномъ Нармацкимъ, сотню людей боярскихъ съ сотеннымъ головою стряпчимъ Аѳанасьемъ Лавровымъ, выборную конную сотню солдатъ полка Николая Фанъ-Стадена съ сотеннымъ головою Ѳедоромъ Гриневымъ, того же полка 700 пѣшихъ солдатъ, 300 человѣкъ Трубчевскихъ солдатъ, 400 Комарницкихъ драгунъ, 400 драгунъ полка Рафаила Корсака, 200 Московскихъ стрѣльцовъ приказа Зубова и 200 Кіевскихъ стрѣльцовъ приказа Грекова. Лично у Шереметева, въ Верхнемъ городѣ, осталось приблизительно 4000 ратныхъ людей. Въ острогѣ разставлено было по три человѣка на сажени, а на земляныхъ валахъ, старомъ и новомъ—по три человѣка на двухъ саженяхъ; «иные стояли по воротамъ». Протяженіе крѣпостной линіи Верхняго города точно опредѣлено въ отпискѣ Василья Борисовича Шереметева: «А острогу, и отъ острогу по новому и по старому

валу, да новаго жъ валу, и отъ новаго валу до острогу другія стороны, 2199 сажень». Собственно въ острогѣ находились: голова стрѣлецкій Иванъ Зубовъ съ 220 стрѣльцами своего приказа да 1000 человѣкъ солдатъ полка Фанъ-Стадена; на новомъ земляномъ валу— Аверкій Болтинъ съ 500 Трубчевскими солдатами; «по старому земляному валу, отъ колодезя Хрещатика, и отъ новаго валу до Золотыхъ воротъ были: голова стрѣлецкій Дѣй Грековъ съ своимъ приказомъ (приблизительно 150 человѣкъ) да Комарницкихъ драгуновъ полковникъ Вилимъ Эглинъ да подполковникъ Христофоръ Графъ съ начальными людьми и съ драгуны (приблизительно 760 человѣкъ). А отъ Золотыхъ воротъ, по старому и по новому валу, былъ полковникъ Рафаилъ Корсакъ съ начальными людьми и съ драгуны (приблизительно 960 человѣкъ). У новаго валу, отъ Щековицы, велѣно быть Григорью Сафонову». Затѣмъ, остается еще нарядъ. Имъ «вѣдалъ и всякія государевы дѣла дѣлалъ, къ приходу гетмана Ивана и Данилы Выговскихъ», Московскій дворянинъ Иванъ Ивановичъ Арцыбашевъ, а его помощниками были дворяне: Захарій Семеновичъ

Бартеневъ, Савва Аѳанасьевичь Жемайловъ, Матвѣй Ивановичь Рябининъ и Григорій Ѳедоровичь Толбузинъ. Сколько именно было у нихъ ратныхъ людей, неизвѣстно[128].

Къ приходу Выговскихъ всѣ приготовленія къ осадному сидѣнію были совсѣмъ окончены. Шереметевъ доносилъ государю: «А по новому валу и по старому сдѣланы у насъ крѣпости, рвы покопаны, и обламы[129] поставлены, и катки[130] положены, и для воды сдѣланы городки земляные, и пушки поставлены, и за тѣми крѣпостьми воды у насъ не отнять»[131].

Гетманъ Выговскій, черезъ мѣру полагавшійся на численное превосходство своихъ силъ, шелъ въ Кіевъ съ полною увѣренностію, что заставитъ Шереметева уйти въ Москву. Предъ отъѣздомъ изъ Чигирина онъ отпустилъ царскаго посланца, подъячаго Портомоина, и при прощаніи «молылъ, смѣючись, что подъ Кіевъ пойдетъ на разговоръ»[132].

---

[128] Московскій архивъ министерства юстиціи: Малороссійскаго приказа столбецъ 5850.

[129] Слово обламъ постоянно имѣло одинаковое значеніе съ брустверомъ.

[130] О каткахъ см. выше, примѣчаніе 49.

[131] Московскій архивъ министерства юстиціи: Малороссійскаго приказа столбецъ 5850.

[132] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи Т. IV. Спб. 1863. №. 95. стр. 193. столб. 1.

30 октября, то есть на другой день послѣ прибытія гетмана Ивана Выговскаго въ обозъ своего брата, Данилы, «изъ обозу того пріѣзжали подъ Кіевъ многіе Черкасы съ грозами, а говорили, что гетманъ пришелъ съ большимъ войскомъ и просили боя». Бой былъ данъ, но далеко не къ славѣ Выговскихъ. «И я—доносилъ Василій Борисовичь Шереметевъ государю—посылалъ товарыщей своихъ съ ратными людьми за Печерскіе ворота. И у товарыщей моихъ съ гетманомъ бой былъ, и милостію Божіею, и твоимъ, великаго государя, счастіемъ, у гетмана многихъ людей побили, и языковъ поимали, и двои шанцы взяли, и въ обозѣ твои, великаго государя, ратные люди были да взяли четыре знамяни; а бой былъ великой у обозу гетмана Ивана Выговскаго, съ утра весь день до ночи, и изъ обозу изъ пушекъ и изъ пищалей стрѣльба была безпрестанная по твоимъ, великаго государя, ратнымъ людямъ».

Пораженіе, нанесенное царскими ратными людьми было столь существенно, что гетманъ Выговскій уже не отважился возобновлять боя, и на другой-же день послалъ къ Василью Борисовичу Шереметеву, съ предложеніемъ

съѣхаться для переговоровъ о государевыхъ и войсковыхъ дѣлахъ. «А послѣ бою,—читаемъ въ томъ-же донесеніи Шереметева, — на завтрее (31 октября), гетманъ Иванъ Выговскій присылалъ къ намъ Переяславскаго полковника Тимоѳея Цецюру да есаула войсковаго Ивана Скоробогатку, а говорили они, что-бы намъ съ гетманомъ съѣхаться; а гетманъ-де хочетъ тебѣ, великому государю, бити челомъ, а съ нами говорити о дѣлѣ. И мы, хотя отъ гетмана вѣдать, о чемъ тебѣ, великому государю, хочетъ бити челомъ, а съ нами говорити, съѣзжались за городомъ. И гетманъ Иванъ Выговскій, съѣхався съ нами, билъ челомъ тебѣ, великому государю, и милости у тебя просилъ, чтобъ ты пожаловалъ и милость положилъ, велѣлъ ему, гетману, и полковникамъ и всему войску Запорожскому, вину ихъ отдать и кровь и войну унять. И мы гетману неправды ево всѣ выговаривали. И гетманъ намъ говорилъ со слезами, что онъ съ войскомъ сбирался и Татаръ къ себѣ призвалъ и съ твоими, великаго государя, ратными людьми бился, и то-де учинилось отъ ссоры и отъ письма измѣнниковъ съ обѣ стороны. А кто измѣнники и кто писалъ, отъ чего учинилась

ссора, и про то-де онъ объявитъ тебѣ, великому государю, въ тѣ поры, какъ будетъ твоя милость къ нему, гетману, и ко всему войску Запорожскому. А измѣнники-де, кто на ссору приводили, у него сысканы. А мы говорили гетману, что-бъ онъ отъ Кіева отступилъ и войско свое распустилъ и Татаръ отъ себя отпустилъ; а тебѣ-бъ, великому государю, онъ, гетманъ, съ полковники и со всѣмъ войскомъ присягалъ на томъ, что подъ Кіевъ и подъ иные великаго государя городы войною не приходить, и съ государевыми ратными людьми не биться, и быть подъ твоимъ, великаго государя, повелѣніемъ и подъ твоею государскою высокою рукою въ вѣчномъ подданствѣ, по-прежнему. И гетманъ Иванъ Выговскій говорилъ намъ, что тебѣ, великому государю, присягать онъ будетъ въ тѣ поры, какъ будетъ твоя милость къ нимъ въ винѣ ихъ; а полковникамъ-де присягать велитъ онъ нынѣ, что ему, гетману, и полковникамъ и всему войску Запорожскому, подъ Кіевъ и подъ иные твои, великаго государя, городы не приходить, и съ государевыми ратными людьми не биться, и быть въ подданствѣ, по-прежнему. А послѣ съѣзду, того-жъ дни, гетманъ Иванъ Выгов-

скій отъ Кіева отшелъ и войско распустилъ и Татаръ многихъ людей отпустилъ, а оставилъ у себя Татаръ немногихъ людей»[133].

О послѣднихъ событіяхъ въ Кіевѣ долго не знали даже и въ Путивлѣ. Тамошній воевода, князь Григорій Даниловичь Долгоруковъ, слышалъ только, что Запорожскій гетманъ «большимъ собраньемъ» пошелъ подъ Кіевъ войною. Князь Долгоруковъ, встревоженный этимъ извѣстіемъ, «призывалъ къ себѣ тайно Путивльцевъ служилыхъ и посадскихъ, старыхъ и знающихъ людей, по одному человѣку, которые въ Кіевѣ бывали многижды, и говорилъ имъ, чтобъ они великому государю послужили, въ Кіевъ изъ Путивля прошли обходными дорогами, которыми мощно городы и знатные мѣста, села и деревни обойти». Князь Долгоруковъ обнадеживалъ многимъ государевымъ жалованьемъ того, который возьмется доставить письмо Василью Борисовичу Шереметеву. Но Путивльцы отказывались на-отрѣзъ, говоря, что «въ Кіевъ никоторыми мѣрами отнюдь пройти немощно». Съ трудомъ нашелся, наконецъ, какой-то

[133] Московскій архивъ министерства юстиціи: Малороссійскаго приказа столбецъ 5850.

крестьянинъ, родомъ Черкашенинъ, который, за 50 рублей, согласился итти въ Кіевъ. Смѣльчака привели къ присяги, и въ рубахѣ его, за подоплеку[134], пришили слѣдующую записку князя Долгорукова къ Василью Борисовичу Шереметеву: «Радѣнье твое свѣту нашему[135] вѣдомо, и посыльщики твои у него были и назадъ пріѣхали; а что у тебя нынѣ дѣлаетца, отпиши, а мы то извѣстимъ[136]; вѣдомость отъ тебя гораздо надобно». Посланецъ такъ и не возвращался. Выручила тайная почта Нѣжинскаго протопопа. 17 ноября, въ Путивль прибылъ извѣстный уже читателю Мартинъ Прокофьевъ и вручилъ князю Долгорукову письмо своего дяди, въ которомъ читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: «Извѣстно творю твоему благородію, что я посылалъ племянника своего, Мартина, въ Кіевъ, къ Василью Борисовичу Шереметеву, съ вѣстьми и укрѣпляючи, и онъ былъ въ Кіевѣ какъ приходили гетманъ Иванъ Выговскій съ братомъ своимъ, Даниломъ, на Василья Борисовича и на ратные люди его царского величества; и

[134] Подоплéка, подоплечье = холщевая подкладка у крестьянскихъ рубахъ, подшиваемая спереди и сзади отъ ворота до пояса.

[135] То есть государю.

[136] Въ Москву.

милостію Божіею, со встидомъ отойти понуждены отъ Кіева, о чемъ совершенно съ листа Василья Борисовича до меня изъ Кіева, черезъ того-жъ племянника моего писаннаго, извѣстнѣе обьявитца, которой листъ Василья Борисовича изволь, твое благородіе, прочитавъ, вскорѣ съ тѣмъ-же моимъ племянникомъ къ его царскому величеству послать[137]; а списокъ къ окольничему ко князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому съ моимъ листомъ изволь послати, что-бъ онъ утвердился и вѣдалъ, что̀ чинити до его царского величества указу». Далѣе, протопопъ Максимъ Филимоновичь пишетъ о насиліяхъ гетмана Выговскаго надъ несчастнымъ Малороссійскимъ народомъ: «Ничимъ инымъ, только смертію или мечемъ, людей посполитыхъ и чернь воевати съ его царского величества ратными людьми понуждаютъ. И Василья Никифоровича Золоторенка насиліемъ въ войско погнали, страшатчи ево смертною казнію; а онъ, плачючи, шолъ на ту войну. Такожъ и мѣщане наши, большіе и меньшіе, плачютъ всѣ о томъ, что они измѣняютъ, только бьютъ,

[137] Къ сожалѣнію, этого листа Василья Борисовича Шереметева не сохранилось.

понуждають, стращають различными обычаи, на супротивленіе его царскому величеству пригоняютъ. Вельми-бъ добро, естьлибы отъ Сѣвска еще рать его царского величества къ намъ сѣверомъ шла, хотя-бъ немного, или отъ Брянска на Стародубъ и сюдѣ на Глуховъ, на Батуринъ, къ Нѣжину; удобнобы то все успокоити»[138].

Протопопъ Максимъ предупреждалъ въ письмѣ, что-бы не вѣрили Выговскому, что онъ «уже не будетъ прямой слуга его царскому величеству». Было очевидно, что гетманъ Выговскій, подступая къ Кіеву, расчитывалъ, быстро покончивъ съ Шереметевымъ, итти на встрѣчу князя Григорья Григорьевича Ромодановскаго, уже вступившаго, въ то время, съ Бѣлгородскимъ полкомъ, въ предѣлы Малороссіи. Князь-же Ромодановскій, узнавъ объ осадѣ Кіева, поспѣшилъ къ мѣстечку Варвѣ, и заперъ сидѣвшаго тамъ съ тремя полками, Нѣжинскимъ, Прилуцкимъ и Черниговскимъ, Нѣжинскаго полковника Григорья Гуляницкаго. Этотъ неожиданный шагъ князя Ромодановскаго и, въ равной мѣрѣ, не-

[138] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. IV. Спб. 1863. № 101 и 102.

ожиданное Кіевское пораженіе, поставили гетмана Выговскаго въ безвыходное положеніе, принудившее его вступить въ мирные переговоры съ Васильемъ Борисовичемъ Шереметевымъ. А для того, что-бы продлить время и удержать царскихъ воеводъ отъ рѣшительныхъ дѣйствій, по крайней-мѣрѣ, до прибытія изъ Польши обѣщанной помощи, Выговскій объявилъ, что посылаетъ къ царю съ повинною отъ себя лично, отъ полковниковъ и всего войска Запорожскаго, Бѣлоцерковскаго полковника Ивана Кравченка.

Отступивъ отъ Кіева, гетманъ Выговскій расположился таборомъ подъ городомъ Ржищевымъ, верстахъ въ 40 отъ Кіева, въ-низъ по Днѣпру. 9 ноября, онъ прислалъ въ Кіевъ, для присяги, полковниковъ и прочихъ чиновъ, которые сказали, что и самъ гетманъ хотѣлъ пріѣхать съ ними да заболѣлъ: «лежитъ добрѣ болѣнъ». Василій Борисовичь, «не вѣря полковникамъ, для подлиннаго вѣдома, посылалъ архимарита Иннокентія Гизеля да маіора Григорья Булгакова, гетмана смотрѣть, что онъ болѣнъ-ли, и говорить ему велѣлъ о томъ, что-бъ онъ въ Кіевъ пріѣхалъ». Иннокентій Гизель и Булгаковъ доложили

Шереметеву, что «гетманъ дѣйствительно лежитъ болѣнъ, а говорилъ-де имъ, что онъ хотѣлъ въ Кіевъ ѣхать да за болѣзнію ѣхать нельзя, и о томъ-де гетманъ плакалъ при нихъ».

Прибывшіе въ Кіевъ обозный, атаманъ, есаулъ и сотники приведены были въ церковь Софіи Премудрости Божіей и тутъ, въ присутствіи архимандрита Иннокентія Гизеля и Василья Борисовича Шереметева съ товарищи, присягнули за гетмана и за все войско Запорожское на томъ, что «гетману и всему войску Запорожскому на великаго государя города войною не приходить и съ великаго государя ратными людьми не биться, а быть подъ великаго государя повелѣніемъ и подъ великаго государя высокою рукою въ вѣчномъ подданствѣ, по-прежнему»[139].

Вслѣдъ за присягою, посланцы Выговскаго, Бѣлоцерковскій полковникъ Иванъ Кравченко, съ двумя сотниками, Дмитріемъ Никифоровымъ и Григорьемъ Семеновымъ, уѣхали въ Москву. При нихъ отправленъ

[139] Московскій архивъ министерства юстиціи: Малороссійскаго приказа столбецъ 5850.

былъ, въ качествѣ пристава, драгунскаго строя маіоръ Григорій Васильевичь Булгаковъ. Съ этою вѣрною оказіею посланы были къ царю также сеунщики, съ сеунчами о послѣднемъ пораженіи Выговскаго: отъ Василья Борисовича Шереметева — стряпчій Иванъ Никифоровичь Свіязевъ, отъ князя Юрья Никитича Борятинскаго — дворянинъ Михаилъ Ивановичь Свищовъ, а отъ Ивана Ивановича Чаадаева — жилецъ Иванъ Никифоровичь Дурасовъ. Шереметевъ остерегся, однако, послать съ сеунщиками воинскіе трофеи, добытые въ бояхъ съ Выговскими, объяснивъ въ отпискѣ государю: «А съ бунчюкомъ и съ языки и съ знамены пришлемъ къ тебѣ, великому государю, какъ дороги очистятся».

По отъѣздѣ въ Москву гетманскихъ посланцевъ, Василій Борисовичь послалъ къ князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому, для свѣдѣнія, отписку съ извѣстіемъ о съѣздѣ съ гетманомъ Выговскимъ, о присягѣ полковниковъ и объ отправкѣ къ царю повинной отъ всего войска Запорожскаго. Отписка эта пришла на мѣсто уже въ то время, когда находившіеся подъ Варвою вѣрные Москвѣ казаки, а ихъ было при князѣ Ромо-

дановскомъ съ 30 тысячъ человѣкъ[140], выбрали себѣ на время въ гетманы, «что-бъ дѣла войсковыя на гуляли», генеральнаго судью Ивана Безпалаго[141]. Такимъ образомъ, къ умноженію смуты, въ Украйнѣ образовалось два управленія, два гетманства. Выговскій, съ своей стороны, также поспѣшилъ отправить къ князю Ромодановскому своего наказнаго гетмана, Ивана Скоробогатка, и Переяславскаго полковника Тимоѳея Цецюру, поручивъ имъ говорить князю, «что-бъ изъ Варвы изъ осады полковника Гуляницкаго и казаковъ, которые въ осадѣ, выпустилъ, потому что къ великому государю онъ, гетманъ, и все войско послали съ повинною, и, договоръ учиня, крестъ цѣловали за себя и за Гуляницкаго и за все войско, которое въ Варвѣ въ осадѣ, что имъ быть, по-прежнему, подъ царскаго величества высокою рукою въ подданствѣ и на великаго государя ратныхъ людей войною не приходить»[142].

Князь Ромодановскій, повѣривъ крестно-

---

[140] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 260. столб. 2.

[141] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. XI. Спб. 1861. стр. 43.

[142] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 275. столб. 1.

му цѣлованію, выпустилъ изъ осады Гуляницкаго и всѣхъ бывшихъ съ нимъ казаковъ, а самъ отошелъ къ городу Лохвицѣ; но, на пути, на него напали съ тылу только что освобожденные имъ казаки въ союзѣ съ Татарами. Съ большимъ трудомъ отбился князь Ромодановскій отъ клятвопреступниковъ и расположился, на зимовку, лагеремъ подъ городомъ Лохвицею. Вновь избранный временный гетманъ Безпалый сталъ съ своимъ войскомъ неподалеку, въ Ромнѣ. По выраженію Украинскаго писателя, онъ «придержался боку Ромодановского и иныхъ князей Россійскихъ, якъ вовкъ кожуха, боячися на сторону нимало отдалитись, даби не попалъ въ руки Выговского»[143].

Подъ предлогомъ наказанія своевольниковъ и самаго главнаго изъ нихъ, Ивана Безпалаго, Гуляницкій, по приказанію Выговскаго, производилъ чуть-ли не ежедневныя нападенія на Лохвицкій лагерь, и жестоко опустошалъ окрестности Лохвицы и Ромны; а когда Князь Ромодановскій, напоминая Выговскому о присягѣ и повинной царю, про-

---

[143] Величко. Лѣтопись событій въ юго-западной Россіи въ XVII вѣкѣ. Кіевъ. 1848. Т. I. стр. 341.

силъ его распустить войско и не приходить на царскіе города, тотъ дерзко отвѣчалъ: «На царскіе городы приходить я не мыслю, а только своевольниковъ своихъ ускромляю и ускромлять буду, равно какъ и союзниковъ ихъ»[144].

Также вѣроломно поступили Черкасы и съ княземъ Өедоромъ Өедоровичемъ Куракинымъ, стоявшимъ съ полкомъ въ городѣ Сѣвскѣ. Глуховской сотникъ прислалъ къ нему своего брата Сеньку Черново и Заруцкаго, съ челобитьемъ великому государю отъ всего города Глухова, что-бы «великій государь надъ ними умилосердился, для единые православные христіянскія вѣры, войною на нихъ приходить не велѣлъ; а они-де хотятъ быть, попрежнему, царского величества подъ высокою рукою, и присягу учинили за всѣхъ». Князь Куракинъ, повѣривъ присягѣ Глуховцевъ, послалъ городъ принять и къ вѣрѣ привести полковника и голову Московскихъ стрѣльцовъ Авраама Лопухина съ маіоромъ Аникіемъ Золотиловымъ, а съ ними двухъ сотниковъ, пятидесятниковъ, десятниковъ и рядовыхъ стрѣльцовъ, всего 50 человѣкъ, от-

[144] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. XI. Спб. 1861. стр. 43.

борныхъ, лучшихъ людей. Но Глуховцы, забывъ страхъ Божій и свою присягу, заперли посланцевъ царскаго воеводы въ городѣ. Лопухина и Золотилова, ограбивъ, отправили къ гетману, въ Ржищевъ; а остальныхъ, послѣ страшныхъ истязаній, вывели было на площадь для смертной казни. Дѣло не дошло до этой крайности, благодаря лишь увѣщанію Глуховского протопопа и просьбамъ его жены и дѣтей[145].

Самому Василью Борисовичу Шереметеву пришлось весьма скоро узнать настоящую цѣну, и слезамъ гетмана Выговскаго, и его повинной государю.

---

[145] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VII. стр. 264. столб. 1.

ГЛАВА XI.

По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Василью Борисовичу Шереметеву «людьми, которые великому государю вѣрно служили и про всякія вѣсти сказывали неложно», гетманъ Иванъ Выговскій, вслѣдъ за отъѣздомъ полковника Кравченка въ Москву, послалъ своего писаря, Ивана Грушу, къ хану Крымскому, что-бы онъ «со всею ордою былъ къ нему зимовать». Въ уплату за эту зимовку, хану отдавалась вся Украйна «на прокормъ». Бывшему Кіевскому полковнику Антону Ждановичу, Выговскій тогда-же приказалъ ѣхать, сперва къ Польскому королю, «помочи-же просить и о соединеньи говорить», а потомъ — къ Турецкому султану, которому велѣлъ говорить, что онъ «хочетъ быть у него въ подданствѣ и проситъ людей на помочь».

Что же касается до Шереметева, то Выговскій, не имѣя возможности «выпхнуть его изъ Кіева порохомъ», рѣшилъ донять его голодомъ. «Какъ съѣзжался съ нами гетманъ Иванъ Выговскій — доносилъ Василій Борисовичь Шереметевъ царю Алексѣю Михайловичу—и тебѣ, великому государю, билъ челомъ и милости просилъ о винѣ своей, и въ тѣ поры съ нами договорился, что ему во всѣ городы и въ уѣзды писать, что-бъ въ Кіевъ всякіе запасы твоимъ, великаго государя, ратнымъ людемъ на продажу возили. И изъ городовъ и изъ уѣздовъ запасы на продажу почели было въ Кіевъ возить. А нынѣ запасовъ въ Кіевъ на продажу не возятъ, а сказываютъ, что возить запасовъ не велитъ имъ гетманъ Иванъ Выговскій. А твои, великаго государя, ратные люди беззапасны, и мы почели давать ратнымъ людемъ твои, великаго государя, запасы декабря съ 1 числа. А которымъ ратнымъ людемъ давано твое, великаго государя, жалованье мѣдные деньги, и Черкасы за всякіе запасы мѣдныхъ денегъ не имали и ратные люди нынѣ живутъ съ великою нужею. Да и лошади у ратныхъ людей у многихъ померли съ голоду. Въ ближнихъ мѣ-

стехъ отъ Кіева конскихъ кормовъ нѣтъ; а въ дальніе мѣста по конскіе кормы ѣздить отъ Татаръ страшно, что-бъ твоихъ, великого государя, ратныхъ людей не побивали и въ полонъ не имали. А которые люди Черкаскихъ городовъ, памятуя свои души и твою, великого государя, милость, служатъ тебѣ вѣрно, и они намъ говорятъ, что-бъ намъ жить въ Кіевѣ съ великимъ береженіемъ, а гетману не вѣрить, и что-бъ ты, великій государь, изволилъ послать своихъ ратныхъ людей и во всемъ свою государскую волю надъ гетманомъ исполнилъ нынѣ зимою. А будетъ ты, великій государь, нынѣшнею зимою своего государскаго повелѣнія исполнить не изволишь, и къ веснѣ чаютъ гетману помочи ото многихъ государствъ. А что-де гетманъ послалъ къ тебѣ, великому государю, бити челомъ о винѣ своей полковника Бѣлоцерковскаго Ивана Кравченка, и онъ-де, гетманъ, послалъ для того, боясь, что твои, великого государя, ратные люди пришли въ Сѣвескъ, что-бъ на него нынѣ зимою не наступили; а голые люди Черкасы зимою служить не похотѣли да и полки Заднѣпрскіе, по нашу сторону, роспущены. И будетъ гетманъ своруетъ и впредь станетъ зби-

раться или къ нему иныхъ государствъ люди на помочь придутъ, и намъ надъ гетманомъ промышлять не съ кѣмъ; у многихъ твоихъ, великого государя, ратныхъ людей лошади померли да и безъ прибавочныхъ ратныхъ людей въ Кіевѣ впредь быть не мочно для того, либо иныхъ государствъ люди у гетмана въ помочь будутъ да и для того твоимъ, великого государя, прибавочнымъ людемъ въ Кіевѣ быть надобно, что многіе Черкасы говорятъ, какъ будутъ твои, великого государя, ратные люди большіе, и они-бъ къ твоимъ ратнымъ людемъ приставали и надежны будутъ, а нынѣ приставать къ намъ не смѣютъ, боясь Татаръ, что у насъ, холопей твоихъ, люди небольшіе. А въ Черкаскихъ городехъ Татаровя тѣ-жъ, которые съ нами бились; а послѣ боевъ нашихъ, послалъ ихъ гетманъ за Днѣпръ, и нынѣ Татаровя, сказываютъ, за Днѣпромъ, а иныхъ Татаръ гетманъ Иванъ Выговской оставилъ въ Оржищевѣ у себя. А всѣхъ Татаръ, сказываютъ, нынѣ у гетмана и за Днѣпромъ съ шесть тысячъ. А къ тебѣ, великому государю, посылать намъ нарочно гонцовъ нельзя: въ Черкаскихъ городѣхъ не пропущаютъ. Да и гетманъ къ намъ приказывалъ о томъ, что-бъ

безъ ево проѣзжихъ (грамотъ) намъ къ тебѣ, великому государю, гонцовъ и ни съ какимъ дѣломъ не посылать; а только, государь, намъ для проѣзжихъ къ гетману посылать, и онъ будетъ вѣдать про то, о чемъ мы къ тебѣ, великому государю, будемъ писать и гонцовъ посылать»[146].

Отписка Шереметева еще не дошла до Москвы, какъ во Ржищевъ прибылъ, наконецъ, давно ожидаемый вспомогательный Польскій отрядъ въ 45 ротъ, всего 3800 человѣкъ Поляковъ, Волоховъ и Сербовъ, подъ начальствомъ обознаго короннаго Андрея Потоцкаго, племянника великаго короннаго гетмана Станислава Потоцкаго. Это было за недѣлю до Рождества Христова. Въ отрядѣ находились слѣдующіе полковники: каштелянничь Краковскій Якубъ Потоцкій, Михаилъ Шенберкъ, староста Житомірскій Тишкевичь, Ружчичь, Дружкевичь, коронный стражникъ Станиславъ Яблоновскій и Лончинскій. Гетманъ Выговскій тотчасъ-же распорядился размѣстить прибывшій иноземный отрядъ въ лѣвобережной Украйнѣ, предоставивъ

---

[146] Московскій архивъ министерства юстиціи: Малороссійскаго приказа столбецъ 5850.

«имать стацѣю», то есть продовольствіе, съ мѣстныхъ жителей. Староста Житомірскій Тишкевичь и полковникъ Дружкевичь, съ тысячью человѣкъ Поляковъ, поставлены были въ городѣ Бориспол҃ѣ, Переяславскаго полка, верстахъ въ 20 отъ Кіева. Обозный коронный Андрей Потоцкій и полковники Лончинскій да Яблоновскій стали въ другомъ городѣ Переяславскаго полка, Барышовкѣ, верстахъ въ 30 отъ Кіева; съ ними было около полуторы тысячи людей. Каштеляничь Краковскій Якубъ Потоцкій и полковникъ Шенберкъ, съ тысячью ратниковъ, стали въ мѣстечкѣ Гоголевѣ, Кіевскаго полка, верстахъ въ 25 отъ Кіева. Неподалеку расположился и полковникъ Ружчичь съ 300 Волоховъ.

Съ прибытіемъ Польской помощи, гетманъ Выговскій не преминулъ снова попытаться завладѣть Кіевомъ. Въ самый день Крещенія 1659 года, подъ Кіевъ пришли полковники Якубъ Потоцкій и Шенберкъ, а «съ ними Поляки, Волохи и Сербы многіе люди». Василій Борисовичь Шереметевъ выслалъ противъ непріятеля своихъ товарищей, князя Юрья Никитича Борятинскаго и Ивана Ива-

новича Чаадаева. «И милостію Божіею,—читаемъ въ донесеніи Шереметева, — князь Юрья и Иванъ Якуба Потоцкаго и Поляковъ и Волоховъ и Сербовъ побили, рубили ихъ 15 верстъ отъ Кіева до Броварокъ и за Бровары. А полковника Шенберка да съ нимъ Поляковъ, Волоховъ и Сербовъ взяли живыхъ 40 человѣкъ да и бунчюкъ и знамена и литавры поимали. А великого государя ратныхъ людей на томъ бою раненъ жилецъ Прокофій Сатинъ да розныхъ чиновъ рейтаръ и боярскихъ людей 9 человѣкъ; а убитыхъ и взятыхъ великого государя ратныхъ людей никого нѣтъ. А съ сеунчемъ и съ языки и съ бунчюкомъ и съ знамены и съ литавры послать нынѣ нельзя: Черкаскими городами проѣзду нѣтъ»[147].

Полковникъ Шенберкъ и всѣ прочіе плѣнные, въ распросѣ, одинаково показали, что гетманъ Выговскій и король «договоръ положили на томъ, какъ отъ великого государя ратныхъ людей Черкаскіе городы очистятъ, и въ тѣ поры Черкасъ всѣхъ побивать и до

---

[147] Московскій архивъ министерства юстиціи: Малороссійскаго приказа столбецъ 5850.

конца искоренить, а жонъ ихъ и дѣтей отдавать Татарамъ»[148].

Кромѣ того, у Шенберка было отобрано письмо къ нему начальника Польскаго вспомогательнаго отряда, Андрея Потоцкаго, въ которомъ тотъ прямо писалъ, что «Черкасомъ ни въ чемъ не вѣритъ и имъ, Полякомъ, вѣрить Черкасомъ не велитъ-же, и велитъ быть всѣмъ Полякомъ отъ Черкасъ опасными»[149].

Василій Борисовичь Шереметевъ не замедлилъ разослать въ Черкасскіе города, черезъ вѣрныхъ людей, воззваніе слѣдующаго содержанія:

«Великого государя нашего, его царского величества, войска Запорожскаго сотникомъ и атаманомъ и казакомъ и всей черни отъ Господа Бога доброго здоровья желаемъ. Великого государя нашего, его царского величества, и всему войску Запорожскому недругъ,

---

[148] Соловьевъ замѣчаетъ, что вопросъ объ истребленіи казаковъ занималъ Польское правительство еще во времена короля Стефана. Вопросъ этотъ поставленъ былъ Поляками и въ условіяхъ избранія королевича Владислава на Московскій престолъ. Въ 1618 году появилось даже сочиненіе (Палчовскаго) подъ такимъ заглавіемъ: «O kozakach, iesli ich zniesć czy nie»? (Библіографическія записки. 1858. Т. I. стр. 278).

[149] Московскій архивъ министерства юстиціи: Малороссійскаго приказа столбецъ 5850.

король Польскій и Поляки непріятели, недавно то было, что они съ Татары Черкаскіе городы воевали, и васъ побивали, и женъ и дѣтей вашихъ въ полонъ имали. А нынѣ гетманъ Выговскій, забывъ страхъ Божій и присягу свою великому государю нашему, его царскому величеству, и безъ рады вашей, призвалъ къ себѣ въ Малую Росію враговъ Божіихъ и христіянскихъ непріятелей, которые гонители на истинную благочестивую христіянскую вѣру, Поляковъ, и велѣлъ имъ быть въ Черкаскихъ городѣхъ и стацею велѣлъ имъ имать съ мѣщанъ и съ мужиковъ. А намъ то вѣдомо есть, что Поляки не токмо съ мѣщанъ и съ крестьянъ стацею емлютъ, они и у васъ, казаковъ, все берутъ и всякое разоренья и насильства вамъ чинятъ, и утѣсненія вамъ дѣлаютъ большое. Да намъ-же подлинно про то вѣдомо есть, что Поляки-же хотятъ васъ побивать, и домы ваши разорять, и имать васъ въ неволю на горькое и нестерпимое мученіе; а побивъ васъ, и домы ваши разорятъ, хотятъ быть въ Черкаскихъ городѣхъ и маятностьми владѣть, по-прежнему. И мы, слыша то объ васъ, единокупелна своей братьи, тужимъ и васъ жалѣемъ. И вамъ-бы,

сотникомъ и атаманомъ и казакомъ и всей черни, помыслить, что-бъ вамъ не дать себя Полякомъ побить и домовъ своихъ разорить, чтобъ тому враги Божіи не радовались и вѣры христіянской искоренители не были. А что на то ваша мысль будетъ, и вамъ-бы къ намъ о томъ отписать; а мы за васъ стоять и помогать будемъ на Поляковъ заодно съ вами. А вы, сотники и атаманы и вся чернь во всѣхъ Черкаскихъ городѣхъ, великому государю нашему, его царскому величеству, присягали на томъ, что вамъ съ королемъ Польскимъ и съ Поляки не ссылатися, и къ себѣ ихъ не призывати, и съ ними совѣту и любви не держати. И вамъ бы, памятуя свои присяги, къ Полякомъ не приставать, и въ Черкаскихъ городѣхъ жить имъ не дать, и учинить вамъ надъ Поляки то-жъ, какъ и напередъ сего вы Полякомъ учинили, сослався съ нами; а мы, по вашей ссылкѣ, помогать вамъ и за васъ стоять готовы»[150].

Воззванія Шереметева не оставались втуне. Въ массѣ народной къ нимъ относились

---

[150] Воззваніе это написано въ Кіевѣ 8 января 1659 года, а не 2 января, какъ напечатано въ Актахъ, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 272.

сочувственно. Самъ Выговскій писалъ Польскому королю: «Хитрыя увѣщанія этихъ вѣроломныхъ и частая разсылка возмутительныхъ грамотъ производятъ то, что часть простого народа склоняется на ихъ сторону, а другая часть и теперь остается при нихъ»[151].

При всемъ томъ, Малороссіяне не смѣли открыто приставать къ Шереметеву, видя малочисленность бывшихъ при немъ ратныхъ людей, испытывавшихъ всѣ бѣдствія осаднаго положенія. Хлѣбные запасы царскаго войска совсѣмъ истощились, а подвоза ни откуда не было. Выговскій не отваживался, однако, на новую попытку завладѣть Кіевомъ. Ему нужно было сперва обезпечить себя со стороны князя Ромодановскаго и, главнымъ образомъ, удержать отрядъ наказного атамана Силки, посланный Запорожцами на помощь Лохвицкому войску. Что-бы не допустить соединенія Силки съ княземъ Ромодановскимъ, Выговскій рѣшился самъ итти къ Лохвицѣ, взявъ съ собою Поляковъ, Волоховъ и Сербовъ, находившихся въ Борисполѣ и Гоголевѣ. Оставленному-же на мѣстѣ полковнику

[151] Памятники, изданные временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Т. III. Кіевъ. 1852. стр. 307.

Ружчичу приказалъ чинить Шереметеву тѣсноту, а «какъ учнетъ бояринъ посылать государевыхъ ратныхъ людей за Днѣпръ, для конскихъ кормовъ, и имъ-бы кормовъ имать не дать, и побивать, и въ полонъ имать».

Вскорѣ послѣ ухода Выговскаго, Василій Борисовичь Шереметевъ, «по великой нужѣ, что у государевыхъ ратныхъ людей конскихъ кормовъ не было», послалъ за Днѣпръ кормовщиковъ; но полковникъ Ружчичь и Бориспольскій сотникъ Сулеменокъ налетѣли на нихъ, и «у сѣна взяли рейтаръ девять человѣкъ да людей боярскихъ девять-же человѣкъ». Тогда Шереметевъ послалъ подъ Борисполь товарищей своихъ, князя Борятинскаго и Чаадаева, съ отрядомъ въ 2000 человѣкъ. По донесенію Шереметева, «Поляки и Черкасы бою на полѣ не дали, заперлися въ городѣ многіе люди и изъ города бились». Государевы ратные люди выжгли посады и, захвативъ нѣсколько языковъ, возвратились въ Кіевъ[152].

Между тѣмъ, Выговскій, 10 января, пришелъ въ городъ Переяславль, гдѣ стоялъ съ войскомъ его ревностный пособникъ, извѣст-

[152] Московскій архивъ министерства юстиціи: Малороссійскаго приказа столбецъ 5850.

ный Юрій Немиричь. По разсказу находившагося въ то время въ Переяславлѣ маіора Григорья Васильевича Булгакова, въѣздъ Выговскаго былъ весьма торжественъ: его встрѣтилъ Немиричь со всѣми конными и пѣшими сотнями, а въ городѣ стрѣляли изъ пушекъ.

Булгаковъ, тотъ самый, что́ ѣздилъ въ Москву, въ качествѣ пристава при посланцѣ Выговскаго, полковникѣ Иванѣ Кравченкѣ, дожидался гетмана въ Переяславлѣ для врученія ему только что привезенной имъ царской грамоты, служащей какъ-бы отвѣтомъ на посольство Кравченки.

Лишь 13 января Булгакову дано было знать, что въ тотъ день у гетмана будетъ коронный обозный Андрей Потоцкій и что-бы онъ, Булгаковъ, ѣхалъ къ гетману и представилъ царскую грамоту, при Потоцкомъ. Булгаковъ отвѣтилъ, что ему непригоже быть у гетмана при Потоцкомъ, такъ какъ при врученіи грамотъ великаго государя, послы и посланцы иныхъ земель присутствовать не могутъ.

Въ тотъ-же часъ отъ Выговскаго пришли сказать, что Потоцкаго не будетъ, а будутъ лишь судьи и полковники.

На гетманскомъ дворѣ, въ сѣняхъ и по крыльцу, были разставлены «Нѣмцы съ мушкеты». При входѣ Булгакова въ свѣтлицу, гетманъ Выговскій всталъ, а тотъ, изговоря рѣчь по наказу, подалъ царскую грамоту. Выговскій, принявъ грамоту стоя, спросилъ про многолѣтнее здоровіе царскаго величества. Затѣмъ, началось чтеніе вслухъ царской грамоты о томъ, что великій государь, для успокоенія междоусобія, кроворазлитія и всякихъ ссоръ между православными христіанами, повелѣваетъ быть радѣ въ Переяславлѣ, въ присутствіи отправляемаго съ войскомъ въ Малороссію боярина князя Алексѣя Никитича Трубецкаго, боярина Василья Борисовича Шереметева, окольничаго князя Григорья Григорьевича Ромодановскаго и дьяковъ: Ларіона Лопухина да Ѳедора Грибоѣдова. Далѣе, въ грамотѣ указывалось, что-бы виновники смуты были подвергнуты карѣ, ставились на видъ вѣроломныя дѣйствія противъ князя Ромодановскаго и другія неправды, которыя починились вслѣдъ за отправленіемъ Кравченки въ Москву.

Гетманъ, и безъ того недовольный тѣмъ, что Булгаковъ вернулся назадъ безъ его по-

сланцевъ, по выслушаніи грамоты, раздражился еще болѣе и обратился къ Булгакову приблизительно съ такою рѣчью: Мнѣ трудно съѣзжаться съ боярами въ городахъ, ибо знаю каковъ у нихъ вымыслъ: поймать меня, и голову отсѣчь или языкъ вырѣзать. Лучше быть въ подданствѣ или въ полону у Турка, нежели у Москалей. Съѣдусь съ боярами на Цыбульникѣ или на Солоницѣ. Да коли съѣзжаться о добромъ дѣлѣ, за что на Москвѣ бранили моихъ посланниковъ и хотѣли разстрѣлять? Посланники чѣмъ виноваты? Вѣдь я и надъ вами тоже учиню, велю разстрѣлять. Въ царской грамотѣ написано: кто причину далъ, и тѣхъ карать. Это и безъ рады можно знать. Причину далъ бояринъ Василій Борисовичь Шереметевъ да князь Григорій Григорьевичь Ромодановскій. Почто было Василью Борисовичу съ ратными людьми въ Кіевѣ быть? И для чего князь Григорій Григорьевичь на рубежъ изъ Черкасскихъ городовъ не выступитъ? Вся ссора изъ-за того, что бояринъ Василій Борисовичь Шереметевъ изъ Кіева съ ратными людьми вонъ нейдетъ. Меня называютъ клятвопреступникомъ. Я никакого клятвопреступства не учинилъ. Я

присягалъ на томъ, что-бы быть у царскаго величества въ подданствѣ, а не на томъ, что Московскимъ воеводамъ быть въ городахъ и что-бы Москалямъ пановать. Николи того не будетъ! Нынѣ иду я на войну не противъ ратныхъ людей царскаго величества, а противъ своевольниковъ; кто за нихъ учнетъ стоять, съ тѣми буду биться и стяну многія войска. Я служилъ великому государю вѣрно, какъ былъ и въ писаряхъ; я же уговорилъ гетмана Хмельницкаго и всю Малую Россію подъ высокую руку царскаго величества подвелъ. А теперь меня называютъ измѣнникомъ и клятвопреступникомъ, даютъ своевольникамъ печатныя и письменныя грамоты, и велятъ бунты вчинать! Посмотрите, какіе бунтовные листы разсылаетъ изъ Кіева во всѣ полки бояринъ Василій Борисовичь Шереметевъ!

По приказанію Выговскаго, принесено было вышеписанное воззваніе Шереметева и прочитано вслухъ.

Булгаковъ съ достоинствомъ отвѣчалъ на всѣ пункты запальчивой рѣчи Выговскаго. На предположеніе гетмана, что раду устраиваютъ чтобы изловить его, Булгаковъ замѣтилъ: «То дѣло не схоже, николи того не бу-

детъ; забывъ страхъ Божій, нѣкто ссорникъ и нежелатель межъ православными христіаны покою, вноситъ гетману и всему войску такія непристойныя слова. Великій государь, его царское величество, государь милосердый христіянскій, желаетъ межъ вами, единовѣрными, покою и тишины, а не кровопролитія и напраснаго междоусобія. Той радѣ указалъ великій государь быти въ Переяславлѣ по вашему-же челобитью». На угрозу разстрѣлять, Булгаковъ сказалъ: «Нигдѣ того не ведется, что пословъ или посланниковъ разстрѣливать; а хотя гетманъ и велитъ мучить и разстрѣливать, по вѣрѣ ссорнику, и то ему будетъ не въ похвальбу, и во всѣхъ окрестныхъ государствахъ то будетъ въ подивленье».

А на выходку противъ Шереметева отвѣтилъ такъ: «Бояринъ Василій Борисовичь Шереметевъ въ Кіевъ пришолъ по указу великаго государя и по челобитью посланцевъ вашихъ. А нынѣ то уже учинилось за досаду! И вамъ было о томъ къ великому государю писать, а войною было на него, безъ указу великаго государя, не ходить».

Булгакова заключили подъ стражу, а 16

января, когда Выговскій выступилъ изъ Переяславля подъ Лохвицу, его повезли за гетманомъ на подводѣ, и отпустили въ Москву лишь 20 января, изъ попутнаго стана въ селѣ Бѣлоусовкѣ.

По словамъ Булгакова, въ то время, при гетманѣ Выговскомъ было «войска Лятцкаго и Нѣмецкаго съ 3000 или мало больше, а начальные люди у Ляховъ Потоцкіе; да съ гетманомъ-же пошло подъ Лохвицу тридцать пушекъ»[153].

Уходя изъ Переяславля, гетманъ Иванъ Выговскій сдѣлалъ распоряженіе, что-бы братъ его Данила стоялъ въ Бѣлой Церкви и собиралъ войска для новаго приступа къ Кіеву; Уманскому полковнику Михайлѣ Ханенкѣ велѣно было стоять въ Трипольѣ; Паволоцкому полковнику Ивану Богуну—въ мѣстечкѣ Макаровѣ; Корсунцу съ пѣхотою — въ Мотовиловкѣ; а Кіевскій полковникъ Яненокъ стоялъ въ Острѣ. Лишь Бѣлая Церковь находилась въ 60 верстахъ отъ Кіева; прочіе же города и мѣстечки, въ которыхъ расположились поименованные полковники съ полками,

---

[153] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. № 90. стр. 269—273.

отстояли отъ Кіева въ 20, 25 и 30 верстахъ. По показанію языковъ, у Данилы Выговскаго и у полковниковъ было всего войска 30.000 человѣкъ да у Ружчича—семь сотень Поляковъ.

Не взирая, однако, на огромное превосходство боевыхъ силъ, окружавшихъ Кіевъ, Василій Борисовичь Шереметевъ не переставалъ высылать ратныхъ людей для добычи кормовъ, при чемъ нерѣдко завязывался жаркій бой съ непріятелемъ, обыкновенно кончавшійся пораженіемъ послѣдняго. Такъ, 18 марта 1659 года, посланы были для конскихъ кормовъ подъ мѣстечко Гоголевъ рейтарскій полковникъ Скорняковъ-Писаревъ съ рейтарами и головы съ сотнями. Противъ нихъ выступили изъ Борисполя и Гоголева «Поляки и Черкасы многіе люди», а Переяславскій полковникъ Тимоѳей Цецюра явился со всѣмъ своимъ полкомъ. «И у государевыхъ ратныхъ людей—доносилъ Шереметевъ царю—былъ бой, и милостію Божіею и твоимъ, великого государя счастіемъ, Поляковъ и Черкасъ побили, а на бою взяли писаря Ружчичева да Черкасъ, Поляковъ, Сербовъ и Волоховъ 25 человѣкъ; а твоихъ, великаго государя, ратныхъ людей на томъ бою побитыхъ и въ по-

лонъ взятыхъ никого нѣтъ». Непостоянство Черкасъ уже начинало выводить изъ терпѣнія Шереметева. Въ концѣ его отписки читаемъ слѣдующее: «А что писали мы къ тебѣ, великому государю, напередъ сего, что мы Черкасомъ говорили, чтобъ они отъ гетмана Ивана Выговскаго отстали, а были съ нами заодно на Поляковъ, и многіе Черкасы хотѣли быть съ нами и надъ Поляки промышлять заодно, и по ся мѣста къ намъ не приставаютъ и надъ Поляки не промышляютъ; а на многихъ боѣхъ Черкасы были вмѣстѣ съ Поляки и съ твоими, великаго государя, ратными людьми бились; и Черкасомъ, государь, вѣрить ни въ чемъ нельзя: что̀ ни говорятъ, во всемъ лгутъ».

По приказанію Шереметева, мѣстечко Гоголевъ было выжжено до основанія «для того, что-бы у гетмана Выговскаго въ полкѣхъ помѣшку учинить да и сборъ всякимъ людемъ былъ въ Гоголевѣ, и лазутчики приходили въ Кіевъ безпрестанно, и тѣснота государевымъ людемъ была большая»[154].

Послѣдствіемъ такихъ рѣшительныхъ мѣръ Шереметева было то, что Переяслав-

---

[154] Московскій архивъ министерства юстиціи: Малороссійскаго приказа столбецъ 5850.

скій полковникъ Тимоѳей Цецюра, со всѣмъ своимъ полкомъ, отступилъ въ Переяславль, при чемъ Черкасы его полка «всѣ разбѣжались по домамъ, опасаясь царскихъ воеводъ посылокъ». Тогда-же и гетманъ Выговскій, смущенный неудачами подъ Лохвицею и Зѣньковымъ, ускакалъ за Днѣпръ, въ Чигиринъ, собираться съ новыми силами; а въ лѣвобережной Украйнѣ оставилъ Прилуцкаго полковника Петра Дорошенко и Нѣжинскаго полковника Григорья Гуляницкаго. Первому приказано было стать въ городѣ Срибномъ, для наблюденія за Лохвицею и Ромнами, а Гуляницкому—въ городѣ Конотопѣ, «для воспященія силъ Россійскихъ, если би вновъ тягнули зъ Москви отъ Путивля къ Ромодановскому до Лохвици»[155].

Войско Россійское, подъ предводительствомъ ближняго боярина князя Алексѣя Никитича Трубецкаго, дѣйствительно, находилось уже въ Путивлѣ и готовилось къ вступленію въ Малороссію.

---

[155] Величко. Лѣтопись событій въ юго-западной Россіи въ XVII вѣкѣ. Кіевъ. 1848. Т. I. стр. 372.

ГЛАВА XII.

Князь Алексѣй Никитичь Трубецкой былъ отпущенъ изъ Москвы еще 13 января съ тѣмъ, что-бы, собрався въ Сѣвскѣ съ ратными людьми, шелъ въ Переяславль уговаривать Черкасъ добить челомъ великому государю, а государь-де пожалуетъ ихъ, по-прежнему. «И будетъ добьютъ челомъ и вины свои принесутъ, и ему, князю Трубецкому, Черкасъ ко кресту привесть и выбрать иного гетмана; а будетъ Черкасы въ винахъ своихъ государю не добьютъ челомъ и будутъ непослушны, и князю Трубецкому итти на нихъ войною»[156]. Но, очевидно, въ Москвѣ не желали, что-бы дѣло дошло до войны. Къ князю Трубецкому, въ Сѣвскъ, посланъ былъ тайный наказъ,

---

[156] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 165.

общій смыслъ котораго былъ тотъ, что-бы съ Выговскимъ устроена была мировая и что-бы, въ случаѣ надобности, ему сдѣланы были широкія уступки, только-бы отсталъ отъ Польскаго короля и отпустилъ Татаръ. Князь Трубецкой уполномоченъ былъ объявить Выговскому, что «всѣ его досадительства великому государю и крестному цѣлованію преступленія не будутъ помяновенны». Если будетъ просить Кіевскаго воеводства, — дать. Станетъ просить на гетманскую булаву города въ прибавку,—учинить по его прошенію. «А буде учнетъ говорить, что-бъ въ Кіевѣ и иныхъ городѣхъ государевымъ-бы воеводамъ и ратнымъ людемъ не быть, и что-бъ боярина Василья Борисовича Шереметева нынѣ изъ Кіева и ратныхъ людей вывесть, потому что уже онъ гетманъ и воевода Кіевской и другому воеводѣ въ Кіевѣ быть не для чего,— и боярина вывесть»[157].

Сперва въ товарищи къ князю Трубецкому, для веденія переговоровъ съ Выговскимъ, назначены были бояринъ Василій Борисовичь Шереметевъ и окольничій Григорій Григорье-

---

[157] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. IV. Спб. 1863. № 107.

вичь Ромодановскій; по отъѣздѣ-же изъ Москвы, князь Трубецкой получилъ царскую грамоту, въ которой указано быть съ нимъ въ товарищахъ предмѣстнику Шереметева по Кіевскому воеводству, окольничему Андрею Васильевичу Бутурлину, съ дьяками[158]. И это было сдѣлано какъ будто-бы также въ угоду Выговскимъ, такъ жалѣвшимъ объ отъѣздѣ Бутурлина изъ Кіева. Если-бы, — говорили они,—Бутурлинъ оставленъ былъ на воеводствѣ въ Кіевѣ, «все-бъ было добро»[159].

Но вслѣдъ за наказомъ, именно 18 февраля, князь Трубецкой получилъ изъ Посольскаго приказа царскій указъ о томъ, что-бы онъ чинилъ всяческое вспоможеніе гетману Ивану Безпалому въ его борьбѣ съ Выговскимъ, ратными людьми, пушками, зеліемъ и свинцомъ.

Князь Трубецкой примѣривался къ этимъ разнорѣчивымъ распоряженіемъ. Отсюда его нерѣшительность и медлительность, доселѣ кажущіяся непонятными. Въ Путивль князь Трубецкой пришелъ лишь 10 марта. Относи-

---

[158] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. IV. Спб. 1863. № 115. стр. 225.

[159] Смотри выше, стр. 127.

тельно численности бывшаго при немъ войска, онъ самъ писалъ Безпалому, что, по указу государя, велѣно съ нимъ быть «многимъ ратнымъ людемъ, коннымъ и пѣшимъ»[160]; а Василью Борисовичу Шереметеву—что пришелъ въ Путивль, «со многими ратьми»[161]. Кромѣ того, къ князю Трубецкому назначены были въ сходъ: гетманъ Иванъ Безпалый, князь Григорій Григорьевичь Ромодановскій со всѣми Бѣлогородскими полками, князь Семенъ Романовичь Пожарскій и другіе воеводы, находившіеся въ Лохвицѣ и Ромнахъ. Считали, что всего войска у князя Трубецкого было свыше ста тысячъ[162].

Имѣя въ рукахъ столь значительное войско, князь Трубецкой съ перваго-же раза поставилъ себя какъ-бы въ зависимость отъ Выговскаго, отъ его рѣшенія насчетъ мировой. Тотъ, разумѣется, тянулъ дѣло, отмалчивался или давалъ неопредѣленные отвѣты. Царскому посланцу, подъячему Григорью Старкову, Выговскій сказалъ, что готовъ съѣ-

---

[160] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. IV. Спб. 1863. стр. 221. столб. 1.

[161] Московскій архивъ министерства юстиціи: Малороссійскаго приказа столбецъ 5850.

[162] Лѣтопись самовидца. Кіевъ. 1878. стр. 56.

хаться для переговоровъ съ княземъ Трубецкимъ подъ Ромнами, а въ письмѣ къ самому князю Трубецкому не обмолвился ни однимъ словомъ о предполагавшемся свиданіи. Князь Трубецкой, отпуская Старкова обратно въ Москву, въ отпискѣ царю, отъ 24 марта, уже прямо называлъ гетмана Выговскаго «измѣнникомъ Ивашкой»[163], и два дня спустя, рѣшился, наконецъ, итти съ войскомъ въ Малороссію, на мѣстечко Константиновъ.

Выступая въ походъ, князь Трубецкой учинилъ государевымъ ратнымъ людямъ «заказъ крѣпкой, подъ смертною казнью, что-бъ однолично никто въ государевыхъ Черкаскихъ городѣхъ и въ селехъ и въ деревняхъ людей не побивали, и въ полонъ не имали, и въ домы свои не розсылали, и селъ и деревень не жгли, и никакова разоренья и насильства никому не дѣлали»[164].

Василій Борисовичь Шереметевъ, извѣщенный о прибытіи князя Трубецкого въ Путивль, поспѣшилъ сообщить ему, что, по достовѣрнымъ вѣстямъ, «къ гетману Ивану

---

[163] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. IV. Спб. 1863. стр. 226. столб. 1.

[164] Тамъ-же, стр. 227. столб. 2.

Выговскому будутъ на помочь, вскорѣ послѣ Свѣтлаго Воскресенія, бывшій воевода Волохскій Степанъ съ Турскими людьми да новый Венгерскій король, а сходиться-де имъ подъ Каменцомъ-Подольскимъ; а собрався, хотятъ приходить подъ Кіевъ, покамѣстъ воды большія будутъ, что-бъ надъ Кіевомъ учинить промыслъ до приходу въ Кіевъ великого государя ратныхъ прибылыхъ людей»[165].

Но князь Трубецкой, вмѣсто того чтобы итти по этимъ вѣстямъ прямо въ Кіевъ на выручку Шереметева, пробылъ безъ малаго двѣ недѣли въ Константиновѣ, а 10-го апрѣля пошелъ черезъ Смѣлое къ Конотопу, гдѣ, вмѣстѣ съ княземъ Григорьемъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ и прочими сходными воеводами, простоялъ болѣе двухъ мѣсяцевъ, безуспѣшно осаждая Гуляницкаго.

Между тѣмъ, Василій Борисовичь Шереметевъ, не получая никакихъ извѣстій и отвѣтовъ на отписки ни отъ князя Трубецкаго, ни отъ князя Ромодановскаго, поручилъ сво-

---

[165] Московскій архивъ министерства юстиціи: Малороссійскаго приказа столбецъ 5850.

ему довѣренному лицу, наказному полковнику Василью Дворецкому, написать отъ себя къ воеводамъ подъ Конотопъ и опять просить ихъ поспѣшить къ Кіеву.

Въ листѣ Дворецкаго, отъ 7 мая, читаемъ слѣдующее: «Божіею милостію, великого государя ближнему боярину князю Алексѣю Никитичу Трубецкому, также и князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому, и прочимъ княземъ и бояромъ и воеводомъ, моимъ милостивымъ панамъ, низко челомъ бью. Удивитися тому не можетъ господинъ Василій Борисовичь, воевода Кіевскій, что ваша милость съ ратью великого государя недалече здѣсь стоя, къ намъ, къ Кіеву или къ Днѣпру, не приближаетесь. Но нынѣ, взявъ вѣдомость подлинную, что уже ваша милость того измѣнника Гуляницкаго въ Конотопѣ осадили, возрадовались есмя и просимъ васъ приближайтеся къ намъ, къ Днѣпру, что-бъ тому магметову сыну, измѣннику Выговскому, не дали переѣзжать и съ Татары черезъ Днѣпръ, понеже, конча, ожидаетъ хана Крымского и Турского чезаря посла, но еще нынѣ (не) собрался съ силою. Ускорите, Бога ради, вы съ той стороны Днѣпра, а мы изъ сей стороны

будемъ находити; а надѣемся на Бога, что онъ (Выговскій) погибнетъ, понеже онъ, безбожный, умыслилъ православную вѣру погубить, а съ погаными побратался, иновѣрному Польскому королю также поддался, и нынѣ на сеймъ всю старшину послалъ; а помочи имъ отъ Ляховъ такожъ мало и не слышимъ о новомъ Ляцкомъ войску, что-бъ на помочь шло. Въ третью и въ десятую просимъ вашихъ милостей, приближайтеся къ Днѣпру, не мѣшкая, со всѣмъ войскомъ, часть оставивъ подъ Конотопомъ, и поспѣшайте къ Кіеву или къ Переяславлю, что-бъ есте Нѣжинъ взяли или прошли; тогда и мы васъ встрѣтимъ, и никто не задержитъ васъ, понеже всѣ устрашились и утекаютъ. Хотя ратныхъ людей съ десять тысячъ (пошлите), у насъ всѣ суды, паромы и перевозы готовы многіе».

Къ листу приписка:

«А что господинъ воевода (Шереметевъ) нынѣ не писалъ самъ грамоты, для того, что не одинова къ его царскому величеству писалъ, а вѣдома никакова нѣтъ; только единъ человѣкъ возвратился и то безъ грамоты царского величества, и уже мнѣ велѣлъ написати. Ежели Богъ дастъ, пройдетъ черезъ то-

го человѣка, о которомъ ваша милость вѣдаете»[166].

Листъ Дворецкаго, вѣроятно писанный со словъ самого Шереметева, былъ доставленъ по назначенію 21 мая, тайною почтою, черезъ посредство Нѣжинскаго протопопа Максима Филимоновича, казакомъ Михайломъ Донцомъ. Протопопъ Максимъ и отъ себя настоятельно просилъ князя Трубецкаго, какъ можно скорѣе итти къ Кіеву, указывая, что болѣе благопріятнаго времени для уничтоженія Выговскаго уже не будетъ. «Нынѣ,—писалъ Максимъ,—всего тысячи съ четыре Ляховъ у Выговскаго соберется, и отъ Кіева ему опасно: Василій Борисовичь Шереметевъ за 12 миль имъ докучаетъ, и нынѣ, не въ давнѣ, отъ Кіева въ шести миляхъ, городъ Триполье, въ которомъ было нѣсколько тысячъ казаковъ, добылъ и сжегъ. А если-бъ

---

[166] Московскій архивъ министерства юстиціи: Малороссійскаго приказа столбецъ 5855. Вся вторая обширнѣйшая половина этого столбца, какъ и столбецъ 5843, состоятъ исключительно изъ бумагъ боярина Василья Борисовича Шереметева. Онѣ почти всѣ списаны извѣстнымъ знатокомъ Малороссійской исторіи, Геннадіемъ Θеодоровичемъ Карповымъ, которому приносимъ глубочайшую признательность за благосклонное сообщеніе портфеля съ этими драгоцѣнными выписками.

ему помочь была, то и въ Чигиринѣ не усидѣлись бы»[167].

Князь Трубецкой тотчасъ-же послалъ князя Ромодановскаго «съ войсками великими» подъ Нѣжинъ. Отразивъ вылазку Нѣжинцевъ, князь Ромодановскій подъ самымъ городомъ, въ полѣ, вступилъ въ «бой большой» съ непріятельскимъ войскомъ, состоявшимъ изъ Ляховъ, Сербовъ, Волоховъ, Черкасъ и двѣнадцати тысячъ Татаръ, предводимыхъ ханскимъ зятемъ Мансирь-мурзою. Татары отступили. «И орда — пишетъ Украинскій лѣтописецъ — оборонною рукою въ поле на Лосиновку вступала, за которыми князь ишолъ, але ничого не вскуравши[168], назадъ вернулся подъ Конотопъ»[169].

Вслѣдъ за тѣмъ (4 іюня), князь Трубецкой опять отправилъ къ Выговскому посланцевъ, съ предложеніемъ «прислать къ нему людей добрыхъ и знатныхъ, двухъ или трехъ человѣкъ, для разговору, что-бъ великого государя, его царского величества, межъ под-

---

[167] Портфель Г. Ѳ. Карпова (Выписки изъ дѣлъ Малороссійскаго приказа Московскаго архива министерства юстиціи, столбецъ 5855). тетрадь 3.

[168] То есть, ни въ чемъ не успѣвши.

[169] Лѣтопись самовидца. Кіевъ. 1878. стр. 57.

данными православными христіяны междоусобіе и кровопролитіе успокоить»[170].

Покамѣстъ ближній царскій бояринъ ждалъ отвѣта на свои мирныя предложенія, мятежный гетманъ успѣлъ окончательно собраться съ силами, и какъ только пришелъ къ нему Крымскій ханъ Мухаммедъ-Гирей съ тридцатью тысячами Крымскихъ, Бѣлогородскихъ, Нагайскихъ, Азовскихъ Татаръ и Темрюцкихъ Черкасъ[171], ринулся со всѣмъ своимъ разноплеменнымъ полчищемъ къ Конотопу. Кромѣ казаковъ и Татаръ, у Выговскаго было нѣсколько тысячъ наемниковъ — Нѣмцевъ, Сербовъ, Волоховъ, Мултянъ (Молдаванъ), но больше всего Поляковъ.

Не будемъ останавливаться на подробностяхъ всѣмъ извѣстной Конотопской битвы 28 іюня 1659 года, когда, по словамъ Украинскаго лѣтописца, «болей нѣжъ на двадцять тисячей албо на тридцять люду его царского величества полегло»[172]. Главнымъ мѣстомъ

---

[170] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. IV. Спб. 1863. Стр. 238. столб. 1.

[171] По сказкѣ плѣнныхъ Татаръ, съ ханомъ пришло «самое большое войско: какъ гдѣ на станѣхъ станутъ, и ихъ-де было и днемъ объѣхать немочно» (Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 298. столб. 2).

[172] Лѣтопись самовидца. Кіевъ. 1878. стр. 58.

этого страшнаго побоища, какъ полагаютъ, были окрестности хутора Сарановки, верстахъ въ 15-ти отъ Конотопа, по правую сторону почтовой дороги въ Полтавскую губернію[173].

Въ народной пѣснѣ до сихъ поръ жива память о Конотопской битвѣ и объ героѣ того злополучнаго дня, славномъ князѣ Семенѣ Романовичѣ Пожарскомъ, тѣло котораго, какъ гласитъ преданіе, по приказанію хана, было изрублено на мелкія части и разбросано «подалече чисту полю»[174].

Князь Трубецкой можетъ быть вспомнилъ тогда совѣтъ Василья Борисовича Шереметева оставить Конотопъ и всѣми силами дѣйствовать противъ Выговскаго, дабы не допустить его до соединенія съ Крымскими Татарами и прочими наемными войсками. Но кромѣ потери времени и нерѣшительности князя Трубецкого, одною изъ главныхъ причинъ Конотопскаго пораженія были пагубные споры о старшинствѣ и преимуществѣ рода,

---

[173] На это указываютъ могилки, разсѣянныя близъ урочища Городища; тутъ же часто были находимы обломки сабель, кольчугъ, ядра и прочее (А. Лазаревскій. Конотопская старина. См. Памятную книжку Черниговской губерніи. Черниговъ. 1862. Отд. III. стр. 328, примѣчаніе 21).

[174] Древнія Россійскія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ. Изд. 3. М. 1878. стр. 197—200.

возникшіе между главными воеводами царскаго войска, именно въ то самое время, когда такъ необходимо было согласіе и единство дѣйствій. На это прямо указывалъ впослѣдствіи царь Ѳедоръ Алексѣевичь, въ своей знаменитой рѣчи противъ мѣстничества[175].

Тотчасъ-же послѣ разгрома князя Пожарскаго, всѣмъ ратнымъ людямъ, остававшимся подъ самымъ Конотопомъ, велѣно было отступить изъ шанцовъ къ обозу. Въ теченіе двухъ дней (29 и 30 іюня) Выговскій осаждалъ обозъ князя Трубецкаго, «однакъ не возмоглъ ничого ему учинити, крѣпко и густо отъ обозу зъ арматъ отражаемій будучи»[176].

При всемъ томъ, положеніе царскаго войска было весьма опасно. «Великого государя ратнымъ людемъ — читаемъ въ статейномъ спискѣ князя Трубецкаго — отъ Крымского хана и отъ измѣнника отъ Ивашка Выговского учинилось утѣсненіе великое: и дороги всѣ заступили, и ратнымъ людемъ для конскихъ кормовъ никуды выѣхать и конскихъ стадъ выпустить было никоторыми дѣлы немочно».

---

[175] Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Ч. 4. М. 1828. стр. 400. столб. 1.

[176] Величко. Лѣтопись событій въ юго-западной Россіи въ XVII вѣкѣ. Кіевъ. 1848. Т. I. стр. 376.

Такъ что 2 іюля, князь Трубецкой, устроя обозъ, рѣшилъ отступить, вмѣстѣ съ гетманомъ Безпалымъ, къ рѣкѣ Сейму. Крымскій ханъ, съ Ордою, и Выговскій, со всѣмъ своимъ войскомъ, почти три дня преслѣдовали отступавшихъ, нападая на нихъ со всѣхъ сторонъ, «и изъ пушекъ по обозу стрѣляли безъ престани». Но князь Трубецкой, мужественно отражая приступы непріятеля, 4 іюля достигъ рѣки Сейма «со всѣмъ обозомъ вцѣлѣ», и расположился въ 10 верстахъ отъ Путивля, въ мѣстности, окруженной со всѣхъ сторонъ болотами и потому весьма удобной для защиты.

Это удачное отступленіе «оборонною рукою» спасло царское войско отъ окончательной погибели и подняло духъ, какъ въ ратныхъ людяхъ, такъ и въ мѣстныхъ жителяхъ, преданныхъ царскому величеству. Князь Трубецкой поспѣшилъ разослать въ окрестные города листы съ объявленіемъ, что царское войско «уступило къ рѣкѣ Семи (Сейму) на время, и тѣхъ бы городовъ всякіе жители ни въ какое розмышленіе не приходили и, по прежнему своему обѣщанію, великому государю служили вѣрно и въ правдѣ своей стояли крѣпко, безо всякого сумнительства; а измѣн-

ника Ивашка Выговского и его совѣтниковъ, такихъ-же измѣнниковъ, ни въ чемъ не слушали и ни на какіе прелести не прельщались»[177].

Выговскій, съ своей стороны, разослалъ «прелестные» листы, въ которыхъ писалъ: «Какъ мы всегда кровопролитія домового утоленія желали, такъ и нынѣ сами особою нашею съ собранными войсками и съ ханомъ, его милостью, Крымскимъ, разгромивъ непріятельскіе подъ Конотопомъ войска, что̀ пославъ трупомъ поля, съ срамомъ своимъ утекать могли, и надѣемся на Бога, что вкратцѣ тѣхъ докончаемъ»[178].

Но надежда эта не оправдалась. Князь Трубецкой, защищенный болотами, былъ неуязвимъ. Выговскій принужденъ былъ отступить. Онъ «побралъ обманомъ» города по рѣкѣ Сулѣ, какъ то: Ромны, Константиновъ, Глинскъ и Лохвицу, выжегъ до тла попутныя селенія и пошелъ подъ Гадячь, гдѣ заперся Миргородскій полковникъ Павелъ Апостолъ.

---

[177] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. IV. Спб. 1863. стр. 239.

[178] Тамъ-же. Т. VII. Спб. 1872. стр. 301. столб. 2.

После того, именно 10 іюля, и князь Трубецкой, вмѣстѣ съ гетманомъ Иваномъ Безпалымъ, пошелъ въ Путивль «для того, что въ тѣхъ мѣстехъ, гдѣ стоялъ за рѣкою Семью (Сеймомъ), болота обошли кругомъ и ратнымъ людемъ въ конскихъ кормѣхъ была нужа великая»[179].

---

[179] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. IV. Спб. 1863. стр. 240. столб. 1.

ГЛАВА XIII.

Царь Алексѣй Михайловичъ, получивъ извѣстіе о Конотопскомъ разгромѣ, вышелъ къ народу «въ смирномъ платьѣ»[180]. Ужасъ охватилъ Москву отъ одного слуха, пущеннаго самимъ-же Выговскимъ, что Крымскій ханъ со всею Ордою пойдетъ войною и до Москвы[181]. Какъ-бы въ подтвержденіе этого слуха, на дорогахъ умножились грабежи и разбои. Въ Коломенскомъ, Каширскомъ и въ другихъ уѣздахъ пойманы воровскіе люди, о которыхъ доносили въ Москву, что они устращиваютъ уѣздныхъ людей Крымскими воинскими людьми и «ясакомъ кличутъ Татарскимъ». Испуганные уѣздные люди сбѣга-

---

[180] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. XI. Спб. 1861. стр. 65.

[181] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 296. столб. 1.

лись изъ селъ и деревень «въ городы, въ осаду»[182].

Въ Москвѣ дѣятельно готовились къ осадному сидѣнію[183]. Говорили даже, что государь собирается уѣхать за Волгу, за Ярославль[184].

Но, къ счастію, вся эта тревога оказалась напрасною. Крымскому хану было вовсе не до похода въ Москву. Находясь съ Выговскимъ подъ Гадячемъ, онъ узналъ, что въ его отсутствіе изъ Крыма, Нагайскіе улусы подверглись опустошительному набѣгу Запорожцевъ, подъ предводительствомъ кошеваго атамана Ивана Сѣрка и Юрья Хмельницкаго. Послѣдній самъ извѣстилъ объ этомъ хана, написавъ ему: «Ты воюешь чюжую землю, а я повоевалъ Нагайскіе улусы». Крымскій ханъ «сердитовалъ гораздо» на Выговскаго и тотчасъ-же ушелъ со всею Ордою изъ-подъ Гадяча домой, въ Крымъ, сказавъ Выговскому на прощаніе такую рѣчь: «Ты меня призвалъ къ себѣ на помочь, а безъ меня Черкасы Нагайскіе улусы разоряютъ, и ты довелся

---

[182] Полное собраніе законовъ Россійской имперіи. Собраніе первое. Т. I. Спб. 1830. № 256.

[183] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 194.

[184] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. XI. Спб. 1861. стр. 65.

было самъ срубленъ быть, только я пришелъ къ тебѣ на помочь, за шертью, доброе дѣлать, а не худое»[185].

Съ удаленіемъ Крымскаго хана, Выговскій не могъ уже продолжать осады Гадяча и, ничего не сдѣлавъ осажденнымъ, «съ стыдомъ и не съ славою отъ Гадяча прочь отступилъ къ Днѣпру»[186].

Выговскій вернулся въ Чигиринъ «предъ запустами Спасовскими», и занялся планомъ осады Кіева, «хотячи зъ него вигнати войска его царского величества Россійскіе, зъ бояриномъ и намѣстникомъ Бѣлоозерскимъ и воеводою Васильемъ Борисовичемъ Шереметевымъ бывшіе»[187].

Но Василій Борисовичь, такъ крѣпко удерживавшій въ своихъ рукахъ Кіевъ, а вмѣстѣ съ нимъ и власть царскую въ странѣ, взволнованной крамольнымъ гетманомъ, не менѣе искусно велъ дѣло организаціи дѣятельнаго отпора Выговскому въ средѣ самихъ Малороссіянъ. Пристально слѣдя за общимъ

---

[185] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 298. столб. 2.

[186] Тамъ-же, стр. 304. столб. 2.

[187] Величко. Лѣтопись событій въ юго-западной Россіи въ XVII вѣкѣ. Кіевъ. 1848. ч. I. стр. 376.

ходомъ дѣлъ въ Малороссіи, и убѣдившись окончательно, что съ Выговскимъ уже не можетъ быть никакихъ сдѣлокъ, Шереметевъ, безъ сомнѣнія, былъ и удивленъ и огорченъ дѣйствіями князя Трубецкаго, слѣпо слѣдовавшаго тайному наказу и не терявшаго надежды сойтись съ Выговскимъ путемъ мирныхъ переговоровъ. Шереметевъ многократно просилъ маститаго вождя, нигдѣ не останавливаться и прямо итти къ Кіеву для совокупнаго дѣйствія, по общему разсмотрѣнію. Князь Трубецкой не послушалъ Шереметева и жестоко расплатился за это Конотопскимъ пораженіемъ. Однако, торжество Выговскаго было весьма непродолжительно и лишь ускорило его погибель. Во все время безплоднаго стоянія князя Трубецкаго подъ Конотопомъ, Шереметевъ не прерывалъ сношеній за Запорожьемъ, и для того что-бы поссорить Крымскаго хана съ Выговскимъ, направилъ кошеваго атамана Сѣрка на Нагайскіе улусы. Уже однимъ этимъ сила Выговскаго была подсѣчена въ самомъ корнѣ. Крымскій ханъ, не различая Запорожцевъ отъ прочихъ Черкасъ, вознегодовалъ на Выговскаго и ушелъ отъ него. Въ тоже время и въ самой Малороссіи,

Шереметевъ, пользуясь услугами личныхъ враговъ Выговскаго, а главнымъ образомъ, Нѣжинскаго протопопа Максима Филимоновича, успѣлъ согласить, вѣрнѣе, объединить всѣхъ несочувствовавшихъ Польскимъ стремленіямъ Выговскаго. При этомъ особенную ревность показывалъ Переяславскій полковникъ Тимоѳей Цецюра, самъ мечтавшій о гетманствѣ[188]. Быть можетъ, Шереметевъ даже поддерживалъ его въ этихъ мечтаніяхъ. Какъ бы то ни было, но Цецюра, вмѣстѣ съ пятью другими лѣвобережными полковниками, уже выражалъ готовность добить челомъ великому государю и, по настоянію Шереметева, ѣздилъ для переговоровъ въ Путивль, къ князю Трубецкому.

Такое же настроеніе было и на правой сторонѣ Днѣпра. Въ хроникѣ Украинской отмѣчено, что Выговскій, «пробрався (изъ-подъ Гадяча) на Заднѣпре, нечаянно всѣхъ сторонѣ царскаго величества пріязнихъ засталъ»[189]. А начальникъ Польскаго отряда въ Украйнѣ, обозный коронный Андрей Потоц-

[188] Лѣтопись самовидца. Кіевъ. 1878. стр. 59.

[189] Лѣтопись самовидца. Кіевъ. 1878. стр. 255 (Краткое описаніе Малороссіи).

кій, стоявшій около Бѣлой Церкви, писалъ своему королю: «Не изволь, ваша королевская милость, ожидать для себя ничего добраго отъ здѣшняго края! Всѣ здѣшніе жители скоро будутъ Московскими, ибо ихъ перетянетъ къ себѣ Заднѣпровье; а они того и хотятъ, и только ищутъ случая что-бы благовиднѣе достигнуть желаемаго. Они послали къ Шереметеву копію привилегій вашей королевской милости, спрашивая, согласится ли царь заключить съ ними такія-же условія»[190]?

Вскорѣ послѣ возвращенія Выговскаго въ Чигиринъ, Василій Борисовичь Шереметевъ отправилъ (около 15 августа) къ Цецюрѣ, для доставленія князю Трубецкому, отписку слѣдующаго содержанія: «Господину князю Алексѣю Никитичу, Василей Шереметевъ челомъ бьетъ. Что̀ у тебя въ полкѣхъ твоихъ дѣлается, про то мнѣ не вѣдомо давно. А гетманъ Иванъ Выговскій пришелъ въ Чигиринъ, а въ которомъ числѣ пришелъ, про то не вѣдомо, и войско свое, сказываютъ языки, распустилъ не на долгое время да и Татарове отъ себя отпустилъ-же въ Крымъ; а хо-

[190] Памятники, изданные временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Т. III. Кіевъ. 1852. № LXXI.

четъ сбираться съ войскомъ и приходить подъ Кіевъ вскорѣ. Да августа въ 12 числѣ писалъ ко мнѣ съ товарищи Переяславскій полковникъ Цецюра, что онъ и иные полковники, пять человѣкъ, великому государю хотять добить челомъ и быть, по-прежнему, подъ высокою рукою великаго государя, и на томъ-де полковники ему присягали, и съ тобою-де о томъ дѣлѣ говорить ему, Цецюрѣ. И полковникъ Цецюра съ тобою съѣзжался, и съ тобою о томъ дѣлѣ говорилъ. И тебѣ-бъ, господине, о томъ ко мнѣ отписать, что-бъ мнѣ про то было вѣдомо. А я съ товарищи писалъ къ полковнику Цецюрѣ, что-бъ онъ учинилъ то, что великому государю годно, а намъ было-бы вѣрно его дѣло, и отписку-бы мою послалъ къ тебѣ съ своими людьми, кому онъ вѣритъ». Далѣе, Шереметевъ, какъ-бы предостерегая Князя Трубецкого, все еще не оставлявшаго попытокъ завести мирные переговоры съ Выговскимъ, напоминаетъ о своемъ съѣздѣ съ Выговскимъ подъ Кіевомъ, когда тотъ во всемъ, что ни говорилъ «во всемъ солгалъ». Отписка оканчивается извѣстіями, что въ Васильковъ пришелъ изъ Бѣлой Церкви «судья войсковой Самойло Богдановъ, а съ нимъ По-

ляковъ и Венгровъ и Мутьянъ и Волохъ, сказываютъ языки, шесть тысячъ; да и Данилка Выговскій съ Черкасы будутъ-де въ Васильковъ вскорѣ, и хотятъ быть подъ Кіевъ напередъ гетмана Ивана; а и нынѣ изъ Василькова подъ Кіевъ подъѣзды ежедневно; а Васильковъ отъ Кіева 30 верстъ»[191].

Отписка Шереметева едва-ли успѣла дойти до князя Трубецкого, какъ подъ Кіевомъ, по слову пѣсни, опять «собралося силы на сто верстъ, во всѣ четыре стороны», загремѣли пушки боевыя.

Для Выговскаго, въ его тогдашнемъ положеніи, только и оставалось напречь свои послѣднія силы и еще разъ попробовать завладѣть Кіевомъ. Занятіе Южно-Русской столицы, справедливо названной однимъ путешественникомъ «прямымъ зàмкомъ Московскому государству»[192], развязало-бы руки Выговскому для дальнѣйшихъ предпріятій и, безъ сомнѣнія, вызвало-бы болѣе существенное содѣйствіе Рѣчи Посполитой.

[191] Портфель Г. Ѳ. Карпова (Выписки изъ дѣлъ Малороссійскаго приказа Московскаго архива министерства юстиціи, столбецъ 5855). тетрадь 7.

[192] Лукьяновъ. Путешествіе въ Святую Землю (Русскій Архивъ за 1863 г. Изданіе 2. М. 1866. столб. 148).

А для Шереметева новое пораженіе Выговскаго открывало-бы возможность довершить дѣло водворенія законнаго порядка въ странѣ, и прямо поставить вопросъ объ избраніи иного гетмана.

Обѣ стороны сознавали важность предстоявшаго кроваваго состязанія.

Но, по словамъ Украинскаго писателя, «тое Виговского намѣреніе не пришло подъ Кіевомъ до желаемого скутку[193], ибо Данило Виговскій, за прибытіемъ къ Кіеву, имѣлъ мало щастія въ розгромленію нѣкіихъ малой части войсковихъ людей, и въ занятію стадъ около Кіева; однакъ потомъ вскорѣ, августа 22, давши откритій енералній бой подъ Кіевомъ, зосталъ Данило Виговскій зо всѣмъ войскомъ своимъ, отъ войскъ Великороссійскихъ зъ Кіева вишедшихъ, зломленъ, розгромленъ и вконецъ роспуженъ, отбѣгши тамъ зъ арматами и зо всѣмъ иншимъ припасомъ военнимъ увесь обозъ свой»[194].

Къ сожалѣнію, мы нигдѣ не могли найти подробностей объ этомъ «енералномъ боѣ»

---

[193] Скутокъ = слѣдствіе, исполненіе, окончаніе.

[194] Величко. Лѣтопись событій въ юго-западной Россіи въ XVII вѣкѣ. Кіевъ. 1848. Ч. 1. стр. 377.

подъ Кіевомъ. Знаемъ только, что Василій Борисовичь, разгромивъ въ томъ бою Данилу Выговскаго, посылалъ своихъ товарищей, князя Борятинскаго и Чаадаева, съ государевыми ратными людьми, подъ окружные города и мѣстечки, еще державшіеся гетмана Выговскаго, а именно: подъ Гоголевъ, Триполье, Воронковъ, Стайки и подъ мѣстечки: Бышево, Бородянку и Горностай-Поль. А подъ другія мѣстечки, села и деревни, по обѣ стороны Днѣпра, ходили подполковники рейтарскаго строя: Скорняковъ-Писаревъ и Шепелевъ. «И милостію Божіею и великого государя счастіемъ,—доносилъ Шереметевъ въ Москву,—тѣ городы и мѣстечка взяли и выжгли и высѣкли»[195].

Не теряя времени, Шереметевъ разослалъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра пространное «увѣщаніе», въ которомъ, послѣ изложенія всѣхъ винъ Выговскаго, его «пронырливыхъ лукавствъ» и «злохитрственныхъ вымысловъ», убѣждалъ Малороссійскій народъ совершенно показать великому государю свою службу и доброхотѣніе, отъ клятвопреступ-

---

[195] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 311. столб. 2.

ника, разорителя вѣры христіанской отъ Выговскаго и отъ Татаръ отстать, и избрать иного гетмана, кого излюбитъ. Негодится,— писалъ Шереметевъ,—«намъ и войску Запорожскому межъ себя кровь христіанскую проливать для ради одного измѣнника Ивашка Выговскаго, потому что мы отъ единой православной восточной святыя Божія Церкви породилися въ купѣли святаго крещенія, и единой православной христіанскія вѣры люди. Учнемъ стояти и собирати всѣхъ православныхъ христіанъ купно, не даючи разорять городовъ и мѣстечекъ и всѣхъ войска Запорожскаго жителей, и православнымъ-бы христіанамъ жить въ покоѣ и тишинѣ и во всякомъ благоденствіи. И вы, войска Запорожскаго жители, вспомяните: какъ по изволенію всесильнаго Бога и по своему многому челобитью, поддалися есте подъ высокую руку великаго государя нашего, его царскаго величества, не всѣмъ-ли есте были окрестнымъ супостатамъ страшны, и нивы ваша не исполнены-ль быша гобзованія, и земля ваша не преизобиловала-ли всякимъ благоденствіемъ и тишиною? Прочая-же оставляю на благоразсуднаго читателя разумѣніе, яко

всяко отъ Бога начинаемое и совершитись о Немъ имать во благо, аминь»[196].

Увѣщаніе Шереметева, а еще больше показанная имъ сила оружія, имѣли благое дѣйствіе. Кіевскій полковникъ и четыре полковника лѣвой стороны Днѣпра, съ ихъ полками, рѣшили наконецъ перейти отъ добрыхъ намѣреній къ самому дѣлу. «Боясь великаго государя страху и великаго государя ратныхъ людей,—доносилъ Шереметевъ,—полковникъ Кіевскій Иванъ Якименко, полковники-жъ Заднѣпрскіе (то есть лѣвобережные): Переяславскій Тимоѳей Цецюра, Нѣжинскій Василій Золото十ренокъ, Черниговскій Аникій Силичъ и Лубенскій Яковъ Засядка, со всѣми своими полками, и въ тѣхъ городѣхъ мѣщане и вся чернь великому государю добили челомъ».

По приказанію Шереметева, Переяславскій полкъ приводилъ къ присяги маіоръ Василій Лаговчинъ, 24 августа. Прочіе полки въ разные сроки приведены были къ присягѣ головою Московскихъ стрѣльцовъ Иваномъ Зубовымъ, стряпчимъ Аѳанасьемъ

---

[196] Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Ч. 4. М. 1828. № 13.

Лавровымъ, дворяниномъ Захарьемъ Бартеневымъ и жильцомъ Григорьемъ Толбузинымъ[197].

Къ лѣвобережнымъ полковникамъ пристали и полковники правой стороны Днѣпра, а именно: Уманскій—Михайло Ханенко, Паволоцкій—Иванъ Богунъ, Каневскій—Иванъ Лизогубъ и Бѣлоцерковскій — Иванъ Кравченко. Всѣ они «присягали межъ себя на томъ, что великому государю служить и быть въ соединеніи на измѣнника Ивашка Выговскаго и на Поляковъ».

Выговскій находился въ самомъ затруднительномъ положеніи. Ненависть къ нему и къ его союзникамъ была повсемѣстная. Въ самое короткое время, въ Нѣжинѣ, Черниговѣ, Переяславлѣ «и въ иныхъ мѣстѣхъ» перебили съ три тысячи человѣкъ Поляковъ и Нѣмцевъ[198]. Много убито было и казаковъ, единомышлениковъ Выговскаго[199]. Между тѣмъ, обѣщаннаго войска изъ Польши все еще

---

[197] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. № 100.

[198] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 313. столб. 1.

[199] Тамъ-же, стр. 312. столб. 2.—Костомаровъ. Историческія монографіи и изслѣдованія. Т. II. Спб. 1863. стр. 194.

не высылали. Великая коронная канцелярія извинялась предъ вельможнымъ гетманомъ, объясняя, что такое замедленіе «происходитъ отъ недостатка казны посполитой, ибо войско, въ продолженіи столь долгаго времени не получая платы, дѣлается нѣсколько упрямымъ». По той-же причинѣ Выговскому не могло быть выдано и просимаго имъ денежнаго пособія. «Вельможный гетманъ не прогнѣвается,—объясняла та-же канцелярія,—что при нынѣшнихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ Республики, никоимъ способомъ не можетъ быть ему дано денежное пособіе. Онъ знаетъ, что́ дѣлается въ отечествѣ, въ какой нищетѣ находится оно и сколькими врагами оно окружено. Всѣ доходы самого короля пришли въ совершенный упадокъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; также всѣ запасные капиталы и все, что́ собиралось, нужно было истратить»[200].

Выговскій, съ оставшимися при немъ Поляками и Нѣмцами, всего съ пятьсотъ человѣкъ, пошелъ было подъ городъ Черкасы, но его въ городъ не пустили. Тогда онъ про-

[200] Памятники, изданные временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Т. III. Кіевъ. 1852. стр. 341 и 345.

бралея подъ Бѣлую Церковь, въ таборъ Потоцкаго, гдѣ находился и Данила Выговскій. Неподалеку, въ Германовкѣ, стоялъ съ десятью тысячами казаковъ, Юрій Хмельницкій, юный сынъ знаменитаго Богдана. Иванъ Выговскій собралъ черную раду[201], показывалъ казакамъ и читалъ вслухъ листъ Польскаго короля, и уговаривалъ ихъ остаться подъ королевскою рукою. Но, по разсказу очевидцевъ, «казаки хотѣли убить Выговскаго, и онъ у нихъ утекъ въ Ляцкіе таборы; а говорили казаки, что у короля въ подданствѣ быть не хотятъ, а хотятъ быть подъ великого государя самодержательною высокою рукою, и съ великого государя ратными людьми биться не хотятъ». Вслѣдъ за тѣмъ, во Взиньи, недалеко отъ Бѣлой Церкви, снова собралась рада, на которой казаки заставили Выговскаго отдать гетманскую булаву, и радостными кликами провозгласили гетманомъ Юрья Хмельницкаго[202].

По важности совершившихся событій въ

---

[201] Черная рада=рада съ участіемъ простого народа.

[202] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 307 и 313.—Памятники, изданные временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Кіевъ. 1852 г. № LXXXVI.

Малороссіи, Шереметевъ отправилъ къ царю Алексѣю Михайловичу сеунщиковъ: отъ себя лично — голову стрѣлецкаго Ивана Дмитріевича Зубова; отъ князя Юрья Никитича Борятинскаго—Кириллу Ушакова и отъ Ивана Ивановича Чаадаева — Матвѣя Крюкова[203]. Донесеніе Шереметева, посланное съ сеунщиками и подписанное 30 числомъ августа, оканчивается такимъ утѣшительнымъ извѣстіемъ: «А запасы, государь, всякіе изъза Днѣпра почали въ Кіевъ привозить, и мѣденые деньги за все емлютъ».

Одновременно съ посылкою сеунщиковъ въ Москву, Шереметевъ отписалъ князю Трубецкому, что-бы «онъ съ великого государя ратными людьми въ Нѣжинъ поспѣшалъ, а въ Переяславль ратныхъ людей прислалъ, что-бъ Нѣжинъ и Переяславль государевыми ратными людьми укрѣпить»[204]. Князь Трубецкой отправилъ сперва своего товарища, окольничаго Андрея Васильевича Бутурлина, съ конными и пѣшими людьми; а вслѣдъ за нимъ

---

[203] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 198.

[204] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 313.

и самъ выступилъ изъ Путивля съ остальными ратными людьми. Во всѣхъ Черкасскихъ городахъ царскихъ воеводъ принимали весьма торжественно: духовенство выходило къ нимъ на встрѣчу «со кресты и съ образы», а полковники, есаулы, сотники, вся старшина и чернь, — «съ хлѣбы, съ радостными сердцами и съ великими радостными-жъ слезами»[205].

27 сентября, князь Трубецкой пришелъ въ Переяславль. Полковникъ Тимоѳей Цецюра со всѣмъ полкомъ своимъ встрѣтилъ его за 5 верстъ отъ города, а Переяславскій протопопъ Григорій и священники съ крестами, мѣщане, войты, бурмистры, райцы, лавники и вся чернь—подъ самымъ городомъ. Князь Трубецкой съ воеводами слѣдовалъ за образами до самой соборной Успенской церкви, гдѣ протопопъ и священники молебствовали о государскомъ многолѣтномъ здоровьѣ. При чемъ «стрѣляли изо всего наряду, что́ былъ въ Переяславлѣ»[206].

---

[205] Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Ч. 4. М. 1828. № 15. стр. 62. столб. 2.

[206] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т IV. Спб. 1863. стр. 253. столб. 2.

Въ то время Юрій Хмельницкій стоялъ съ Заднѣпрскими полковниками во Ржищевѣ, въ 20 верстахъ отъ Переяславля. Князь Трубецкой многократно писалъ къ Юрью Хмельницкому и бывшимъ съ нимъ полковникамъ и всей старшинѣ, что-бъ ѣхали въ Переяславль «для дѣлъ великого государя». Но тотъ отказывался и настаивалъ, что-бы рада была собрана на правой сторонѣ Днѣпра, у Терехтемировскаго монастыря, куда звалъ и князя Трубецкаго[207].

Въ дѣйствіяхъ Юрья Хмельницкаго, съ тѣхъ поръ, какъ казаки провозгласили его гетманомъ, явно примѣчалась какая-то двойственность. Цецюра писалъ Василью Борисовичу Шереметеву, отъ 28 сентября, слѣдовательно, на другой день пріѣзда князя Трубецкаго въ Переяславль: «Юрій Хмельницкій, ознаймуючи о томъ, что онъ гетманомъ сталъ войскъ Запорожскихъ, стоитъ во Ржищевѣ и ко мнѣ пишетъ о томъ, что-бы я шелъ къ нимъ за Днѣпръ, невѣдомо для чего; и я къ нимъ не шелъ. Да къ нему я писалъ, что-бы къ намъ, въ Переяславль, шли и вѣру передъ

[207] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. IV. Спб. 1863. стр. 255.

святымъ евангеліемъ учинили царскому величеству, по первому своему обѣщанію. А онъ, Юрій, стоитъ во Ржищевѣ невѣдомо: поклониться-ли царскому величеству хочетъ или биться»[208]. Нѣсколько раньше, Цецюра, предупреждая Шереметева о ненадежности полковниковъ тогобочныхъ, о неискренности ихъ желанія быть съ нами въ соединеніи, даже прямо говорилъ, что «и Юрій Хмельницкій того-жъ надхненья лихого духа лядского, за оманю своихъ лихихъ пріятелей, туды-жъ, якъ бачили, хилится»[209].

Князь Трубецкой, въ виду упорства Юрья Хмельницкаго, вынужденъ былъ сказать ему и всей старшинѣ, въ послѣдній разъ, что-бъ они ѣхали въ Переяславль и избирали гетмана; «а будетъ въ Переяславль не поѣдутъ, и онъ, князь Трубецкой, пойдетъ на нихъ самъ съ великого государя ратными со многими людьми, а изъ Кіева боярину и воеводѣ Василью Борисовичу Шереметеву съ великого государя ратными съ прибыльными со мно-

---

[208] Портфель Г. Ѳ. Карпова (Выписки изъ дѣлъ Малороссійскаго приказа Московскаго архива министерства юстиціи, столбецъ 5843). тетрадь 2.

[209] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 308. столб. 2.

гими-жъ людьми по тому-жъ на нихъ велитъ итти»[210].

Угроза оказалась дѣйствительнѣе добраго слова. Юрій Хмельницкій и бывшіе при немъ Черкасскіе чины, «боясь отъ бояръ великого государя и воеводъ и отъ ратныхъ людей себѣ конечного разоренья», поспѣшили увѣдомить князя Трубецкаго, что они «на раду въ Переяславль ѣхать готовы и на радѣ выбрать гетмана».

Дѣйствительно, 9 октября прибылъ наконецъ въ Переяславль Юрій Хмельницкій, въ сопровожденіи полковниковъ и старшины правой стороны Днѣпра. Странное впечатлѣніе производилъ этотъ черноватый осьмнадцатилѣтній мальчикъ, носившій столь громкое историческое имя. Онъ былъ какъ-то неловокъ, молчаливъ, и смотрѣлъ скорѣе монастырскимъ слушкой, чѣмъ гетманомъ казацкимъ, сыномъ знаменитаго Богдана[211].

Юрій Хмельницкій былъ встрѣченъ въ Переяславлѣ съ большими почестями: «отъ городскихъ воротъ по улицѣ, которою онъ

---

[210] Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Ч. 4. М. 1828. № 15. стр. 63.

[211] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. XI. Спб. 1861. стр. 119.

ѣхалъ, до двора стояли стрѣльцы и солдаты съ ружьемъ и съ знамены и съ барабаны».

Въ тотъ-же день, князь Трубецкой написалъ къ Василью Борисовичу Шереметеву и князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому, что-бъ «они для дѣлъ великого государя, шли въ Переяславль, не мѣшкая».

13 октября прибылъ въ Переяславль Василій Борисовичь Шереметевъ; на слѣдующій день—князь Ромодановскій и наконецъ, —наказной гетманъ Иванъ Безпалый съ полковниками и старшиною лѣвой стороны Днѣпра.

17 октября, въ полѣ, за городомъ, собралась большая рада, на которой представители обѣихъ сторонъ Днѣпра избрали въ гетманы Юрья Хмельницкаго и вручили ему булаву. Послѣ того, прочитаны были прежнія Богдановскія и новыя статьи, а за тѣмъ, новоизбранный гетманъ и всѣ чины за-Днѣпрскихъ полковъ присягнули въ соборной церкви «быти у великого государя и наслѣдниковъ его въ подданствѣ на вѣки неотступно, и во всемъ служити и прямити и во всемъ добра хотѣти безо всякого лукавства, вправду».

Послѣ присяги, гетманъ, власти, судьи,

есаулы, полковники и вся старшина обѣихъ сторонъ Днѣпра были приглашены княземъ Трубецкимъ къ обѣденному столу. Когда вознесена была чаша про государское многолѣтное здоровье, загрохотала залпами пальба «изо всего наряду, что́ былъ въ полкѣхъ»[212].

---

[212] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. IV. Спб. 1863. стр. 259. 260. 262--272.

ГЛАВА XIV.

Иванъ Выговскій, въ письмѣ къ Польскому королю, отдавая отчетъ о положеніи дѣлъ въ Украйнѣ, сказалъ между прочимъ: «Москва успѣла завладѣть Украйною потому только, что Кіевъ оставался въ ея рукахъ»[213]. Въ этихъ словахъ заключается точное опредѣленіе заслуги Василья Борисовича Шереметева и его доблестныхъ сподвижниковъ — сотоварищей по Кіевскому осадному сидѣнію. Высоко цѣнили подвигъ Шереметева и въ Москвѣ.

Вскорѣ послѣ Переяславской рады, въ Кіевъ прибылъ стольникъ князь Григорій Ѳедоровичъ Щербатовъ, посланный изъ Москвы (9 октября) къ боярину Василью Бори-

---

[213] Памятники, изданные временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Т. III. Кіевъ. 1852. № XC. стр. 404.

совичу Шереметеву съ товарищи и ко всѣмъ ратнымъ людямъ, съ государевымъ милостивымъ словомъ и съ золотыми—знаками отличія того времени[214].

Въ наказѣ, данномъ князю Щербатову, сказано было, что великій государь велѣлъ ему, стольнику князю Григорью Ѳедоровичу Щербатову, «ѣхати въ Кіевъ безъ мотчанья для того, въ нынѣшнемъ во 168 году, въ сентябрѣ, писалъ къ нему, великому государю, изъ Кіева бояринъ и воевода Василій Борисовичь Шереметевъ съ товарищи: Милостію Божіею и его государскимъ счастіемъ, а ихъ, боярина и воеводъ и ратныхъ людей, службою и промысломъ и радѣніемъ, многіе Черкасскіе полковники и всякіе начальные люди и Черкасы и всякіе жилецкіе люди, великому государю въ винахъ добили челомъ, и учинились съ городами подъ государскою высокою рукою, по-прежнему, и къ вѣрѣ тѣхъ всѣхъ городовъ всякихъ чиновъ люди приведены; а Польскихъ людей всѣхъ, которые въ тѣхъ

[214] По объясненію исторіографа князя Шербатова, золотые, какъ почетное награжденіе за оказанныя услуги, «никакого внѣшняго знака не содѣловали, ибо ихъ не носили на себѣ; однако, конечно, дѣлали честь, кому они давались» (Исторія Россійская. Спб. 1789. Т. V. ч. 3. стр. 224).

городѣхъ были, они, Черкасы, побили, а иныхъ въ Кіевъ къ нему, боярину и воеводамъ, прислали. И великій государь указалъ послать къ боярину и воеводѣ къ Василью Борисовичу Шереметеву съ товарищи и ко всѣмъ ратнымъ людемъ, за ихъ службу, съ своимъ государевымъ милостивымъ словомъ и съ золотыми».

Князь Щербатовъ, согласно наказу, тотчасъ-же по прибытіи въ Кіевъ, послалъ къ Василью Борисовичу Шереметеву, что-бы онъ велѣлъ своимъ товарищамъ и всякихъ чиновъ ратнымъ людямъ собраться въ Приказной избѣ.

Когда все было готово, князь Щербатовъ вошелъ въ избу и, обращаясь къ Шереметеву, сказалъ:

«Великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичь, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, пожаловалъ тебя, боярина и воеводу Василья Борисовича съ товарищи, велѣлъ васъ о здоровьѣ спросить.

«И жалуетъ васъ великій государь, службу вашу милостиво похваляетъ.

«Да васъ-же, за вашу службу, жалуетъ великій государь золотыми».

При этомъ князь Щербатовъ вручилъ по росписи:

Василью Борисовичу Шереметеву—золотой въ 7 золотыхъ.

Князю Юрью Никитичу Борятинскому—золотой въ 4 золотыхъ.

Ивану Ивановичу Чаадаеву—золотой въ 3 золотыхъ.

Дьяку Алексѣю Постникову—золотой въ 2 золотыхъ.

За симъ, спрошено было о здоровьѣ и сказано государево милостивое слово: полковникамъ, головамъ стрѣлецкимъ, дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ, рейтарамъ, новокрещенамъ, мурзамъ, Татарамъ, солдатамъ, стрѣльцамъ, казакамъ и всякихъ чиновъ ратнымъ людямъ.

Послѣ того началась раздача «золотыхъ и золоченыхъ»:

Полковникамъ драгунскаго и солдатскаго строя и головамъ стрѣлецкимъ, 6-ти человѣкамъ, по 1 золотому.

Подполковникамъ и маіорамъ рейтарскимъ, драгунскимъ и солдатскимъ, 11-ти человѣкамъ, по полузолотому.

Московскихъ чиновъ рейтарскаго и солдатскаго строя ротмистрамъ, капитанамъ,

поручикамъ, квартирмейстерамъ, прапорщикамъ, обозничимъ, стрѣлецкимъ сотникамъ и подъячимъ, 137 человѣкамъ, по четверти золотого.

Рейтарамъ (900 человѣкамъ), дѣтямъ боярскимъ Стародубцамъ, Рославцамъ и Почепцамъ (40 человѣкамъ), по копейкѣ золотой.

Драгунамъ (2200 человѣкамъ), солдатамъ (2300 человѣкамъ), стрѣльцамъ (768 человѣкамъ) и пушкарямъ (41 человѣку), по деньгѣ золотой[215].

Въ тоже самое время пріѣзжалъ и въ Переяславль, къ князю Алексѣю Никитичу Трубецкому, стольникъ князь Иванъ Ѳедоровичь Щербатовъ, тоже съ государевымъ жалованіемъ, съ милостивымъ словомъ и о здоровьѣ спрашивать, но безъ золотыхъ[216].

Послѣ окончанія Переяславской рады, отъ трехъ главнѣйшихъ представителей великаго государя, князя Трубецкаго, Шереметева и князя Ромодановскаго, посланы были въ Москву сеунщики съ извѣстіемъ о томъ, что войско Запорожское обѣихъ сторонъ Днѣпра

---

[215] Московскій архивъ министерства юстиціи: Записная книга Московскаго стола № 10. листъ 41 (на оборотѣ)—листъ 44.

[216] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 201.

великому государю въ винахъ своихъ добило челомъ, что всѣ войсковые чины и чернь учинили вѣру передъ святымъ евангеліемъ быть подъ высокою самодержавною рукою великаго государя на вѣки неотступно, на всей его государской волѣ, и что они выбрали на радѣ передъ ними, боярами и воеводами, гетмана Юрья Хмельницкаго; а вора измѣнника Ивашка Выговскаго, его жену, сына и совѣтниковъ хотятъ прислать къ великому государю.

Отъ князя Алексѣя Никитича Трубецкаго поѣхалъ съ сеунчемъ полковникъ и голова стрѣлецкій Семенъ Өедоровичь Полтевъ; отъ Василья Борисовича Шереметева — полковникъ рейтарскій Семенъ Семеновичь Скорняковъ-Писаревъ, а отъ князя Григорья Григорьевича Ромодановскаго—Василій Трегубовъ.

Сеунщики прибыли въ Москву 1 ноября, а черезъ недѣлю, 8 ноября, по указу великаго государя, посланы были въ Малороссію съ государевымъ жалованіемъ за службу, съ милостивымъ словомъ, о здоровьѣ спрашивать и съ золотыми: къ князю Трубецкому— двоюродный братъ Василья Борисовича Шереметева, стольникъ Никита Ивановичь Ше-

реметевъ; къ Василью Борисовичу и къ князю Өедору Өедоровичу Куракину—стольникъ Семенъ Ивановичь Колычовъ; а стольникъ Лукьянъ Ивановичь Ляпуновъ — къ князю Петру Алексѣевичу Долгорукову, Андрею Васильевичу Бутурлину и князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому[217].

Василью Борисовичу Шереметеву и за Переяславскую раду присланъ былъ опять золотой въ 7 золотыхъ[218]. Но эта новая царская награда не застала Шереметева въ Кіевѣ. Еще 4 ноября, по «изустному указу» великаго государя, объявленному подполковникомъ Григорьемъ Булгаковымъ, онъ поспѣшно выступилъ съ войскомъ въ Браславщину, на встрѣчу Выговскаго и Андрея Потоцкаго, задумавшихъ двинуться со всѣмъ войскомъ на выручку Чигирина, осажденнаго Запорожцами. Въ Чигиринѣ еще держался собственный иностранный гарнизонъ Выговскаго. Тамъ-же оставалась его жена со всѣмъ имуществомъ и хранился большой запасъ всякихъ военныхъ снарядовъ и пушекъ. Въ

---

[217] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 202—204.

[218] Московскій архивъ министерства юстиціи: Записная книга Московскаго стола № 10. л. 89.

письмѣ къ Польскому королю, Выговскій выражалъ опасеніе, что-бы все это не досталось въ руки новому гетману, Юрью Хмельницкому, «вѣрность котораго къ его королевской милости и Республикѣ остается еще недоказанною»[219].

Въ самый день выступленія изъ Кіева, то есть 4 ноября, Василій Борисовичь Шереметевъ отправилъ въ Москву отписку слѣдующаго содержанія:

«Въ нынѣшнемъ, государь, во 168 году, октября въ 31 день, подполковникъ Григорій Булгаковъ пріѣхалъ ко мнѣ, въ Кіевъ, и твой, великого государя, изустной указъ мнѣ сказалъ и письмо мнѣ подалъ; и о чемъ, государь, письмо писано, и то Божіе и твое, великого государя, дѣло совершилось. А на измѣнника Ивашка Выговскаго и на Андрея Потоцкаго я, холопъ твой, пошелъ ноября въ 4 день, и, прося у Бога милости и у Пречистые Богородицы и у всѣхъ святыхъ помощи, Божіимъ и твоимъ, великого государя, дѣломъ надъ измѣнникомъ и надъ Потоцкимъ про-

[219] Памятники, изданные временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Т. III. Кіевъ. 1852. стр. 353.

мышлять буду, сколько милосердый Богъ помощи подастъ»[220].

Шереметевъ встрѣтился съ соединеннымъ войскомъ Выговскаго и Андрея Потоцкаго 26 ноября, подъ городкомъ Хмельникомъ, на берегу Буга, и нанесъ ему полное пораженіе. Въ донесеніи государю, Шереметевъ говоритъ объ этомъ дѣлѣ, по обыкновенію, весьма кратко: «Въ нынѣшнемъ 168 году, ноября 26, побилъ я, холопъ твой Васька, съ товарищи, подъ Хмельникомъ, обознаго Андрея Потоцкаго и корунннаго писаря Яна Сапѣгу и измѣнника Ивашка Выговскаго, и изъ-подъ Хмельника пошелъ я подъ Кіевъ»[221].

А въ сеунчѣ, отправленномъ въ Москву съ рейтаромъ Андреемъ Алексѣевичемъ Чубаровымъ, Шереметевъ, вовсе не упоминая о Выговскомъ, писалъ, что «ходилъ онъ съ товарищи на Андрея Потоцкаго и на Польскихъ людей и, милостію Божіею и заступленіемъ Пресвятые Богородицы и молитвами Кіевскихъ чюдотворцевъ, Андрея По-

[220] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. № 102.

[221] Портфель Г. Ѳ. Карпова (Выписки изъ дѣлъ Малороссійскаго приказа Московскаго архива министерства юстиціи, столбецъ 5843). тетрадь 3.

тоцкаго побилъ и обозъ взялъ и языки поималъ»[222].

Въ Украинской же хроникѣ прямо сказано, что подъ Хмельникомъ Выговскій былъ «зломленъ и розгромленъ вконецъ»[223].

Самъ Выговскій, какъ ни старался, въ письмахъ къ Польскому королю и къ великому канцлеру коронному Николаю Пражмовскому, умалить значеніе боя подъ Хмельникомъ, но, въ концѣ-концовъ, въ письмѣ къ королю изъ Дубна, говоритъ слѣдующее: «Въ этомъ сраженіи я послѣднимъ издыханіемъ хотѣлъ доказать свое вѣрноподданство вашей королевской милости, пана моего милостиваго; но такъ какъ силы наши были не равны силамъ непріятеля, то мы принуждены были отступить къ Дубну, особенно потому, что не могли надѣяться получить вспоможеніе, хотя недалеко отъ насъ стояло значительное число иноземнаго и немного Польскаго войска. Здѣсь я теперь только жалкій изгнанникъ, потому что, бѣжавъ изъ Чигирина верхомъ, въ одной сукманкѣ, я не только лишился все-

222 Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 207.

223 Величко. Лѣтопись событій въ юго-западной Россіи въ XVII вѣкѣ. Кіевъ. 1848. Ч. I. стр. 398.

го имущества, но и потерялъ любезную подругу жизни, не имѣя никакой надежды возвратить ее, потому что нѣтъ у меня никакого войска»[224].

На возвратномъ пути въ Кіевъ, на стану въ мѣстечкѣ Ходоровкѣ, Шереметеву подано было письмо Молдавскаго владѣтеля Константина Шарбана съ такимъ привѣтствіемъ: «Вельможный милостивый господине воевода Кіевскій, мнѣ зѣло милостивый господине и пріятелю. Должные вси воздаемъ Господу Богу моленіи, что православное христіанство во едину пору къ сгодѣ склонити изволилъ. Не менши и того, по милосердію того-жъ Творца, надежду имѣемъ, что отъ сего часу непріятель христіанства менше христіанству будетъ чинить обиды и магометанство не будетъ распространяться, якже, за помощію Божіею, учители вѣры святые учинили начало, и дастъ Богъ совершеніе, егда ты свои приложишь хотѣнія»[225].

А въ Кіевѣ Шереметевъ принималъ стряп-

---

[224] Памятники, изданные временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ Т. III. Кіевъ. 1852. стр. 392—400.

[225] Портфель Г. Ѳ. Карпова (Выписки изъ дѣлъ Малороссійскаго приказа Московскаго архива министерства юстиціи, столбецъ 5843). тетрадь 3.

чаго Кирилла Аристарховича Яковлева, присланнаго царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ для врученія ему, за его службу, золотого въ 8 золотыхъ, взамѣнъ золотого въ 7 золотыхъ, который былъ доставленъ Василью Борисовичу стольникомъ княземъ Григорьемъ Ѳедоровичемъ Щербатовымъ. Этотъ своеобразный случай награжденія записанъ въ Разрядной книгѣ такъ: «Послалъ государь съ стряпчимъ Кирилломъ Яковлевымъ боярину и воеводѣ Василью Борисовичу Шереметеву, за его службу, золотой въ 8 золотыхъ; а что посланъ къ боярину Василью Борисовичу съ стольникомъ князь Григорьемъ Щербатово золотой въ 7 золотыхъ, и тотъ золотой велѣно ему привезти къ Москвѣ, потому что тотъ золотой посланъ не противъ его службы»[226].

Замѣчательны тѣ выраженія, въ коихъ царь Алексѣй Михайловичь приказалъ стряпчему Яковлеву спросить о здоровьѣ Шереметева и его товарищей: «О здоровьѣ спросить вѣрного и истинного послушника нашего, храбраго и безстрашнаго архистратига Божія, боя-

[226] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 208.

рина и воеводъ Василья Борисовича Шереметева и товарищевъ его, добрыхъ воиновъ и радѣтельныхъ, и всѣхъ ратныхъ людей»[227].

Не забыты были и важнѣйшіе пособники Шереметева изъ Малороссіянъ. Въ распоряженіе Василья Борисовича было выслано, съ стряпчимъ-же Яковлевымъ, изъ Сибирскаго приказа соболей на 1300 рублей, а изъ приказа Большого дворца 1200 золотыхъ червонныхъ. Изъ этого числа Шереметевъ выдалъ государево жалованіе: Нѣжинскому протопопу Максиму и полковнику Тимоѳею Цецюрѣ, каждому соболей на 500 рублей да по 500 золотыхъ; а полковнику Сѣрку — соболей на 300 рублей да 200 золотыхъ[228].

Кромѣ того, стряпчій Яковлевъ привезъ нѣсколько распоряженій, касающихся устройства ратныхъ людей, какъ Кіевскаго гарнизона, такъ и всего остального войска, которое, послѣ отъѣзда князя Трубецкаго изъ Малороссіи, осталось въ полномъ распоряженіи Василья Борисовича Шереметева. Между прочимъ, измѣнено было вооруженіе ратныхъ

---

[227] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 316. столб. 2.

[228] Тамъ-же.

людей. По указу великаго государя, Яковлевъ говорилъ Шереметеву, что-бъ онъ «въ солдацкихъ и въ драгунскихъ во всѣхъ полкѣхъ, у солдатовъ и у драгуновъ, и въ стрѣлецкихъ приказѣхъ у стрѣльцовъ велѣлъ учинить по пикѣ короткой, съ копейцы на обоихъ концахъ, вмѣсто бердышей; и пики долгіе въ солдацкихъ полкѣхъ и въ стрѣлецкихъ приказѣхъ учинить-же по разсмотрѣнью; а у достальныхъ солдатовъ у стрѣльцовъ велѣлъ быть шпагамъ. А бердышей велѣлъ учинить въ полкѣхъ драгунскихъ и въ солдацкихъ, вмѣсто шпагъ, во всякомъ полку у 300 человѣкъ; а достальнымъ, по-прежнему, въ шпагахъ быть. А въ стрѣлецкихъ приказѣхъ бердышей учинить у 200 человѣкъ, а достальнымъ быть въ шпагахъ, по-прежнему»[229].

Изъ полка князя Трубецкаго къ Шереметеву назначенъ былъ въ товарищи стольникъ князь Григорій Аѳанасьевичь Козловскій, отпущенный на короткое время въ Москву; а служилыхъ людей, которые остались послѣ князя Трубецкаго, велѣно всѣхъ пересмотрѣть, часть оставить на службѣ, а другихъ

---

[229] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 317.

отпустить домой. Шереметевъ долженъ былъ того «смотру своего списокъ ести и нѣты, въ тетрадехъ, за дьячею рукою, прислать къ Москвѣ, въ Разрядъ»[230].

Собственно Кіевскій гарнизонъ увеличенъ былъ лишь двумя полками рейтаръ Ѳедора Зыкова и Аѳанасья Траурнихта, всего 2000 людей. И самъ Шереметевъ находилъ нужнымъ имѣть при себѣ только 8000 людей. Это видно изъ слѣдующей записки его съ соображеніями о размѣщеніи ратныхъ людей и о лугахъ для конскихъ кормовъ: «Въ Кіевѣ государевыхъ ратныхъ пѣшихъ людей для осады впредь надобно 4000 человѣкъ да конныхъ рейтаръ и драгунъ 4000 же человѣкъ. А тѣмъ ратнымъ людямъ подъ дворы землю отвесть мочно въ городѣ порозжую, а иную землю взяти въ городѣ у митрополита; а нынѣ-де на той землѣ сѣютъ хлѣбъ, а лошадей ихъ на кормы отвесть луги, что были за Адамомъ Киселемъ, а нынѣ они за мѣщаны. Да къ тому, въ прибавку, взять луги у мѣщанъ-же. А вмѣсто взятой земли, митрополиту дать въ обмѣнъ; а мѣщанамъ, вмѣсто луговъ, отвесть

---

[230] Московскій архивъ министерства юстиціи: Записная книга Московскаго стола № 10. л. 140 на оборотѣ.

луги-жъ поодаль, хотя и больши того, что-бъ имъ въ томъ утѣсненья никакова не было»[231].

Кромѣ Кіева, государевы ратные люди поставлены были въ Переяславлѣ, Нѣжинѣ, Черниговѣ, Бѣлой Церкви и въ Браславлѣ. Василью Борисовичу Шереметеву поручено было вѣдать назначенными въ эти города воеводами и государевыми ратными людьми. Что-же касается до правъ и вольностей войсковыхъ, до земскихъ, ратушныхъ, также духовныхъ судовъ, то все это, согласно старой Богдановской статьи, подтвержденной и на Переяславской радѣ, было совершенно изъято изъ вѣдѣнія Шереметева, и онъ отнюдь не могъ вступаться въ эти дѣла. Стряпчій Яковлевъ, по указу великаго государя, именно говорилъ Василью Борисовичу, что «до Черкасскихъ земскихъ и ратушныхъ, также и духовныхъ судовъ и до правъ и до вольностей, ему, боярину и воеводѣ, дѣла нѣтъ, и договорныхъ статей остерегать во всемъ, что-бъ ни въ чемъ нарушены не были»[232].

---

[231] Портфель Г. Ѳ. Карпова (Выписки изъ дѣлъ Малороссійскаго приказа Московскаго архива министерства юстиціи, столбецъ 5843). тетрадь 2.

[232] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 317. столб. 1.

Малороссія успокоилась, но ненадолго. Всѣ знали мстительный нравъ Выговскаго. И въ Кіевѣ, и по всей Украйнѣ готовились къ новому «наступленію непріятельскому, се есть Лятцкому и Татарскому, за подущеніемъ Выговскаго[233].

Въ такихъ приготовленіяхъ кончался 1659 годъ. Мы воспользуемся этимъ временемъ мирнаго затишья, что-бы сказать нѣсколько словъ объ оставшейся въ Москвѣ семьѣ Василья Борисовича Шереметева и объ его родныхъ.

---

[233] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. V. Спб. 1867. стр. 6. столб. 1.

ГЛАВА XV.

Въ теченіе двухъ лѣтъ пребыванія Василья Борисовича Шереметева въ Малороссіи, почти всѣ его родные, Шереметевы, оставались безвыѣздно въ Москвѣ, издали слѣдя за дѣяніями своего сродича, Кіевскаго воеводы. За это время, именно въ 1659 году, семья Шереметевыхъ лишилась своего старѣйшаго представителя, думнаго боярина и дворецкаго Василья Петровича Шереметева[234]. До сихъ поръ мы не знаемъ ни дня кончины его, ни мѣста погребенія[235]. Еще 3-го апрѣля 1659 года, въ Свѣтлый праздникъ, Василій Петровичь былъ на столько бодръ, что ѣздилъ во дворецъ, къ государеву столу въ Зо-

---

[234] Древняя Россійская вивліоѳика. Изд. 2. Ч. XX. М. 1791. стр. 113.

[235] Неизвѣстно также, на комъ былъ женатъ Василій Петровичь.

лотой палатѣ, за которымъ сидѣлъ вторымъ, послѣ боярина Бориса Ивановича Морозова. Ниже его сидѣли: бояринъ князь Ѳедоръ Ѳедоровичь Волконскій, окольничій князь Борисъ Ивановичь Троекуровъ и начальникъ Разряднаго приказа окольничій Иванъ Аѳанасьевичь Гавреневъ[236]. Сколько извѣстно, это былъ послѣдній пріѣздъ ко двору боярина Василья Петровича.

Мы видѣли, что Василій Петровичь Шереметевъ числился въ стольникахъ еще въ годъ кончины своего отца, въ 1609 году, и слѣдовательно, состоялъ на службѣ, и при дворѣ, и на ратномъ полѣ, и на воеводскихъ мѣстахъ, болѣе 50 лѣтъ. Онъ выступилъ на служебное поприще въ Смутное время, въ эту удивительную эпоху всеобщаго недоумѣнія, всяческихъ колебаній и увлеченій. Не разлучаясь съ своимъ старшимъ братомъ, Иваномъ Петровичемъ, онъ вмѣстѣ съ нимъ побывалъ даже въ таборахъ Калужскаго вора, а послѣ того, нѣкоторое время, былъ усерднымъ присяжникомъ королевича Владислава. Но злодыхательная буря смуты пронеслась;

---

[236] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 180.

воздухъ очистился. Наступила пора всенародныхъ покаяній. И вотъ, вчерашніе шатуны, «пришедъ подъ Москву, соединилися всѣ вмѣстѣ Московского государства съ бояры и воеводы, и противъ Литовскихъ людей стояли, и Московского государства у Литовскихъ людей доступали всѣ вмѣстѣ; и межъ собою въ томъ укрѣпились, что имъ всѣмъ за Московское государство стоять и отъ Литовскихъ людей очищать. И Божіею милостію, а своею многою службою, Московского государства у Литвы доступили и очистили»[237]. Такимъ образомъ, общими усиліями виновныхъ и невиновныхъ, «кривыхъ и прямыхъ», государство было возстановлено, и съ высоты престола единодушно избраннаго царя провозглашено было всеобщее прощеніе: «Государскою милостію, всѣ люди были пожалованы и въ винахъ своихъ пощажены»[238].

Но и независимо отъ сего торжественнаго акта всепрощенія, Василій Петровичь Шереметевъ всею послѣдующею, долголѣтнею службою отечеству, при царяхъ Михаи-

---

[237] Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII. № 32). пачка 2. л. 19.

[238] Тамъ-же.

лѣ Ѳедоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ, конечно, искупилъ свою давнюю, невольную вину въ Смутное время. Достаточно вспомнить его воинскіе подвиги въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, въ Польскую войну 1654 и 1655 годовъ. Это былъ самый блестящій эпизодъ въ жизни Василья Петровича. Онъ подробно описанъ въ четвертой книгѣ настоящаго труда, и къ этому описанію мы можемъ прибавить только то, что ужасы войны смущали, трогали чувствительную, благочестивую душу Василья Петровича. Это было примѣчаемо самимъ непріятелемъ, и отсюда Польскія сказанія того времени о разныхъ случаяхъ явленія къ Василью Петровичу Шереметеву святаго Казиміра королевича, патрона Литвы. Такъ, существуетъ преданіе, что при осадѣ Полоцка, въ 1654 году, въ самый разгаръ сѣчи, предъ Васильемъ Петровичемъ вдругъ встало видѣніе, въ образѣ юноши, который совсѣмъ явственно произнесъ: «Чтó за безуміе со стороны вашего государя и всѣхъ васъ, что, вопреки договора и клятвы, воюете противъ нашего государства и нарушаете присягу! Знайте, что вашъ государь и вы сами также утонете въ собственной крови, какъ на

вашихъ глазахъ утопаютъ въ Двинѣ убѣгающіе обыватели». Съ этими словами видѣніе мгновенно исчезло, оставивъ Шереметева въ глубокомъ раздумьи отъ слышаннаго[239]. Затѣмъ, по взятіи Полоцка, Василій Петровичь Шереметевъ помѣстился въ покинутомъ зданіи тамошней іезуитской коллегіи. По нуждамъ военнаго времени, ратные люди принялись-было разбирать великолѣпный іезуитскій костелъ во имя святаго архидіакона Стефана, съ тѣмъ, что-бы изъ добытаго камня построить оборонительныя башни вокругъ за́мка. Шереметевъ, возмущенный этимъ дѣломъ, приказалъ остановить ломку костела, просто изъ великодушія и по уваженію къ святыни. Но и этотъ случай послужилъ основаніемъ къ другому сказанію о видѣніи святаго Казиміра. По этому сказанію, будто-бы самъ Василій Петровичь велѣлъ ломать костелъ, и вотъ, «Шереметева, отдыхающаго послѣ обѣда, будитъ громкій голосъ: Шереметевъ, развѣ можно такъ позорить святую церковь, воздвигнутую во славу Божію? Если не прекратишь этого дѣла, Богъ не укоснитъ

---

[239] Acta Sanctorum. T. I. Antverpiae. 1668. p. 356.

погубить тебя и весь твой домъ. Шереметевъ, пораженный этими словами, подходитъ къ окну и, увидя предъ собою того-же самого чуднаго юношу въ бѣломъ одѣяніи и на бѣломъ конѣ, спрашиваетъ окружающихъ: Кто это такой, столь грозно стоящій предо мною? Всѣ отвѣтили, что никого не видятъ. Тогда Шереметевъ послалъ за мѣщанами, что-бъ узнать, кто изъ заступниковъ-чудотворцевъ почитается покровителемъ Польши и Литвы? Тѣ назвали архіепископа Полоцкаго Іоасафата. Это я знаю,—замѣтилъ Шереметевъ,—но долженъ быть еще кто нибудь другой. Когда-же мѣщане назвали святаго Казиміра королевича, Шереметевъ сказалъ: Это долженъ быть онъ. И наши лѣтописцы повѣствуютъ, что святой Казиміръ давалъ себя знать каждый разъ, какъ мы угрожали Литвѣ. Тутъ-же отданъ былъ приказъ не трогать костела святаго Стефана»[240].

То-же великодушіе показалъ Василій Петровичъ Шереметевъ и при взятіи города Витебска. Онъ пощадилъ всю мѣстную шляхту

---

[240] Это сказаніе, напечатанное у Стебельскаго (Dwa wielkie światła na horyzoncie połockim. Wilno. 1781—1783. Т. II. стр. 292 и слѣд.), г. Сапуновъ помѣстилъ, въ Русскомъ переводѣ, въ Витебскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ 1887 года. № 23.

и выпустилъ ее на свободу, чѣмъ весьма прогнѣвалъ царя Алексѣя Михайловича[241].

И въ мирное время, въ домашнемъ быту, Василій Петровичь Шереметевъ обращалъ на себя вниманіе даже иностранцевъ своимъ общительнымъ нравомъ, любезною обходительностію, гостепріимствомъ, благоразуміемъ и умѣніемъ бесѣдовать.

Всѣмъ этимъ качествамъ соотвѣтствовала и обстановка дома Шереметева. По описанію Олеарія, его покои были увѣшаны коврами, занавѣсами и живописными картинами. Въ поставцахъ красовались серебряныя блюда и кубки[242].

Василій Петровичь Шереметевъ не чуждался иноземцевъ и не относился враждебно къ ихъ обычаямъ. Его сынъ, Матвѣй, даже брилъ бороду, къ великому соблазну такихъ ревнителей старины, какъ протопопъ Аввакумъ, который, при видѣ «брадобритца» пришелъ въ неописанную ярость и дерзко укорялъ Василья Петровича за новшества. Но даже и этотъ неукротимый изувѣръ, узнавъ

[241] Родъ Шереметевыхъ. Кн. IV. стр. 119 и слѣд.

[242] Родъ Шереметевыхъ. Кн. III. стр. 185—187. — Кн. IV. стр. 240.

Василья Петровича Шереметева по-ближе, видимо полюбилъ его, бывалъ у него въ домѣ, бесѣдовалъ съ нимъ. А братъ Аввакума сдѣлался даже духовникомъ жены Василья Петровича.

Немудрено, что Василій Петровичь Шереметевъ былъ умнымъ, пріятнымъ собесѣдникомъ. Онъ многое видѣлъ на своемъ долгомъ вѣку и отличался любознательностію. Въ 1649 году, тотчасъ-же по выпускѣ изъ Печатнаго двора Уложенія царя Алексѣя Михайловича, Василій Петровичь одинъ изъ первыхъ купилъ два экземпляра этой книги[243].

---

[243] Въ книжномъ дѣлѣ или, точнѣе, въ дѣлѣ пріобрѣтенія книгъ, Василій Петровичь Шереметевъ, по-видимому, уступалъ своему старшему брату, Ивану Петровичу. Мы уже не говоримъ объ ихъ дядѣ, извѣстномъ Ѳедорѣ Ивановичѣ Шереметевѣ, который, судя по количеству купленныхъ имъ книгъ, за время съ 1644 по 1649 годъ включительно, былъ не только собирателемъ, но и распространителемъ церковныхъ книгъ, печатавшихся въ Московскомъ печатномъ дворѣ. Вотъ роспись книжнаго забора Ѳедора Ивановича Шереметева въ теченіе указанныхъ шести лѣтъ: Апостолъ (печати 1644 года)—23 экземпляра; Прологъ, съ марта по сентябрь (печати 1644 года)—21 экземпляръ; Кирилла Іерусалимскаго Поучительныя слова (печати 1644 года)—4 экземпляра; Часовникъ (печати 1644 года)—50 экземпляровъ; Минея общая (печати 1645 года)—34 экземпляра; Часовникъ (печати 1645 года)—45 экземпляровъ; Псалтирь учебная (печати 1645 года) — 12 экземпляровъ; Служебникъ (печати 1646 года) — 4 экземпляра; Часовникъ (печати 1646 года)—70 экземпляровъ; Канонникъ (печати 1646 года) — 50 экземпляровъ; Сергія и Никона чудотворцевъ службы и житія съ чудесы (печати 1646 года)—4 экземпляра; Святцы съ тропари и съ кондаки и съ лѣтописью (печати 1646 года)—45 экзем-

Таковъ былъ умершій бояринъ Василій Петровичь Шереметевъ — отецъ извѣстнаго впослѣдствіи оружейничаго Петра Васильевича Большого Шереметева и дѣдъ знаменитаго фельдмаршала и перваго Русскаго графа Бориса Петровича Шереметева. Послѣднему въ то время шелъ уже осьмой годъ, и онъ долженъ былъ помнить своего дѣда.

Василій Петровичь оставилъ своему един-

пляровъ; Преподобнаго Ефрема Сирина Поучительныя слова (печати 1647 года)—5 экземпляровъ; Потребникъ (печати 1647 года)—19 экземпляровъ; Іоанна, списателя лѣствицы (печати 1647 года)—48 экземпляровъ; Минеи мѣсячныя во весь годъ, съ новыми чудотворцы (печати 1647 года)—12 экземпляровъ; Соборникъ (печати 1647 года) — 2 экземпляра; Часовникъ (печати 1647 года)—122 экземпляра; Псалтирь учебная (печати 1648 года)—42 экземпляра; Евангеліе (печати 1648 года)—10 экземпляровъ; Тріодь цвѣтная (печати 1648 года)—1 экземпляръ; Книга о вѣрѣ единой, истиной, православной (печати 1648 года)—14 экземпляровъ; Апостолъ (печати 1648 года)—10 экземпляровъ; Святцы (печати 1648 года)—10 экземпляровъ; Октоихъ (печати 1648 года)—10 экземпляровъ и Уложеніе царя Алексѣя Михайловича (печати 1649 года) — 3 экземпляра. За тоже самое время, Иванъ Петровичь Шереметевъ купилъ въ Печатномъ дворѣ слѣдующее: Апостолъ (печати 1644 года)—1 экземпляръ; Кирилла Іерусалимскаго Поучительныя слова (печати 1644 года)—1 экземпляръ; Псалтирь учебная (печати 1645 года)—2 экземпляра; Часовникъ (печати 1646 года)—5 экземпляровъ; Канонникъ (печати 1646 года)—1 экземпляръ и Псалтирь учебная (печати 1648 года)—2 экземпляра. Всѣ эти свѣдѣнія, благодаря указанію достопочтеннаго Василья Егоровича Румянцова, извлечены нами изъ хранящейся въ библіотекѣ Московской сунодальной типографіи Книги записной книжной продажи съ 1643 по 1650 годъ. № 39.

ственному сыну, боярину Петру Васильевичу Большому Шереметеву, помѣстья и вотчины въ слѣдующихъ семи уѣздахъ: 1) въ Московскомъ—село Кусково, въ старыхъ его границахъ, въ какихъ оно было при Васильѣ Андреевичѣ Шереметевѣ[244], безъ прикупленныхъ къ селу въ разное время деревень и пустошей, всего около 200 четвертей земли, и треть сельца Воронина, Радонежскаго стана, со 100 четвертями земли; 2) въ Коломенскомъ уѣздѣ—сельцо Мещериново, Песоченскаго стана, съ деревнями, всего 24 крестьянскихъ и бобыльскихъ двора и 8 дворовъ дѣловыхъ людей, съ 450 четвертями земли, и село Ѳедоровское, Микулина стана, съ 478 четвертями земли; 3) въ Суздальскомъ уѣздѣ — половина села Цыбѣева, Опольскаго стана, съ 304 четвертями земли; 4) въ Рязанскомъ уѣздѣ — село Песочня, Окологороднаго стана, съ деревнями, всего 183 крестьянскихъ и бобыльскихъ двора, 1 дворъ садовниковъ и 3 двора задворныхъ людей, и деревни Сенькино и Демькино; 5) въ Тверскомъ уѣздѣ — село Перфетино,

[244] См. Родъ Шереметевыхъ. Кн. II. стр. 500 и слѣд.

Микулина стана, съ 21 крестьянскимъ дворомъ; 6) въ Кашинскомъ уѣздѣ—деревни Петроково и Бротково, Кочемскаго стана, съ 9 крестьянскими дворами, и сельцо Сальцино, того-же стана, съ 154 дворами, и 7) въ Вологодскомъ уѣздѣ—полдеревни Давыдовской, Фроловскаго стана, съ 4 крестьянскими дворами; деревня Кольцово, Куземской волости, съ 30 крестьянскими и бобыльскими дворами и жребій деревни Красемухи, Фроловскаго стана, съ 1 крестьянскимъ дворомъ.

За Петромъ Васильевичемъ были еще «деревнишки», какъ онъ самъ называлъ, и въ Нижегородскомъ уѣздѣ, но объ нихъ покамѣстъ мы не имѣемъ свѣдѣній. Можетъ быть, это были женины приданыя деревни.

Сколько было земли въ названныхъ Рязанскихъ и Тверскихъ вотчинахъ, неизвѣстно; но и безъ нихъ количество земли, доставшейся Петру Васильевичу Большому Шереметеву послѣ отца, равнялось 2132 четвертямъ, а съ Рязанскими и Тверскими вотчинами, можетъ быть, доходило и до 3000 четвертей или 1500 десятинъ.

Еще при жизни отца, Петръ Васильевичь

Большой Шереметевъ былъ пожалованъ въ бояре (въ декабрѣ 1656 года), и вслѣдъ за тѣмъ, на него возложено было важное порученіе: вести переговоры съ Шведскими послами. Потомъ онъ назначенъ былъ вторымъ полномочнымъ посломъ на съѣздъ съ Польскими коммиссарами. Вслѣдствіе ошибокъ перваго посла, князя Никиты Ивановича Одоевскаго, эта, такъ называемая, «Виленская коммиссія» не имѣла успѣха. Петръ Васильевичь былъ неповиненъ въ этомъ дѣлѣ, и въ то время, какъ князь Одоевскій подвергся царскому гнѣву, Шереметевъ, по возвращеніи въ Москву, въ теченіе 1659 года, четыре раза получалъ почетное назначеніе завѣдывать столицей, въ отсутствіе государя, а именно: 3 февраля, когда государь ходилъ въ походъ въ село Хорошово; 11 февраля, на масленицѣ, во время обхода государемъ монастырей; 4 апрѣля, въ понедѣльникъ Свѣтлой недѣли, и 27 іюля, когда государь ходилъ въ Новодѣвичій монастырь. Всѣ четыре раза Петръ Васильевичь дневалъ и ночевалъ въ государевыхъ палатахъ, имѣя въ товарищахъ по-очередно: боярина князя Өедора Өедоровича Волконскаго, окольничихъ Ивана Аөанасьевича Гав-

ренева, Ѳедора Кузьмича Елизарова, Ивана Большого Ѳедоровича Стрѣшнева и думнаго дьяка Алмазова. А 25 сентября, Петръ Васильевичь ходилъ съ государемъ въ Троицкій Сергіевъ монастырь, на праздникъ преподобнаго Сергія чудотворца, и за государевымъ столомъ, въ монастырской трапезѣ, сидѣлъ на второмъ мѣстѣ послѣ князя Якова Куденетовича Черкасскаго[245].

Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ, какъ извѣстно, былъ женатъ на Аннѣ Ѳедоровнѣ Волынской. Въ 1659 году, у нихъ было уже три сына: Борисъ Петровичь, родившійся 25 апрѣля 1652 года, Ѳедоръ Петровичь и Василій Петровичь, родившійся въ іюлѣ 1659 года[246]. Годъ рожденія средняго сы-

---

[245] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 172. 180. 193 и 200.

[246] Время рожденія Василья Петровича Шереметева (младшаго) опредѣляется слѣдующимъ мѣстомъ его надгробной надписи, начертанной виршами:

„Въ тысящномъ-же седьмъ сотномъ двадцать шестомъ годѣ (1726)
Уволенъ бысть отъ службы въ лѣтѣ престарѣломъ;
Но иного не находя покоя драгаго,
Точію препроводя пунктъ года седьмаго,
Въ самое весны время, егда израстися,
Имѣвъ цвѣты прекрасны, смертью жизни лишися,
Преставися въ апрѣлѣ, семьдесятъ три года
Еще девять мѣсяцовъ имущи онъ отъ рода“.

(Снегиревъ. Богоявленскій монастырь въ Москвѣ. М. 1864. стр. 41).

И такъ, Василій Петровичь Шереметевъ былъ уволенъ отъ службы въ 1726 году, а семь лѣтъ спустя («препроводя пунктъ года

на, Өедора, неизвѣстенъ; но во всѣхъ спискахъ и документахъ онъ ставится выше брата Василья, слѣдовательно, родился въ 1653—1658 годахъ.

Двоюродный братъ Петра Васильевича Большого Шереметева, Никита Ивановичь Шереметевъ, въ описываемое время былъ еще стольникомъ и, по годамъ своимъ, назначался еще въ рынды при посольскихъ представленіяхъ. Такъ, 11 іюня 1658 года, на отпускной аудіенціи Персидскаго посла, хана Дакула-салтана, Никита Ивановичь, въ парѣ съ княземъ Никитой Григорьевичемъ Гагаринымъ, стоялъ рындой въ бѣломъ платьѣ.

Иногда за государевымъ столомъ, въ торжественные дни, напримѣръ, 12 февраля 1659 года, на именины царевича Алексѣя Алексѣе-

---

седьмаго»), въ апрѣлѣ 1733 года, скончался. Вычтя отсюда 73 года и 9 мѣсяцевъ, получимъ время рожденія Василья Петровича: іюль 1659 года. Историографъ Миллеръ иначе понялъ четвертую строку надписи и вывелъ, что Василій Петровичь скончался въ 1727 году (Библіотека Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ: портфель Миллера. № 246. л. 37). А между тѣмъ, въ архивѣ графа С. Д. Шереметева имѣются: 1) духовное завѣщаніе Василья Петровича, составленное имъ 27 сентября 1730 года (№ 144/в) и 2) подлинныя письма Василья Петровича, изъ села Песочни, къ князю Алексѣю Михайловичу Черкасскому и другимъ лицамъ, подписанныя 28 числомъ сентября того-же 1730 года (№ 144/г).

вича, Никита Ивановичь наряжалъ вина, то есть завѣдывалъ поставцемъ съ Фряжскими винами и медами. А сентября 1 дня того-же года, на именины царевны Мароы Алексѣевны, когда вина наряжалъ князь Михаилъ Андреевичь Голицынъ, отецъ извѣстнаго впослѣдствіи верховника, князя Дмитрія Михайловича Голицына, Никита Ивановичь Шереметевъ былъ посыланъ отъ государя со столомъ къ проживавшимъ въ Москвѣ: Грузинской царицѣ Еленѣ Леонтьевнѣ и къ ея сыну, царевичу Николаю Давыдовичу[247].

Съ небольшимъ два мѣсяца спустя, именно 8 ноября 1659 года, Никита Ивановичь Шереметевъ отправленъ былъ, какъ мы уже видѣли выше, въ Малороссію, къ князю Алексѣю Никитичу Трубецкому, съ государевымъ милостивымъ словомъ, о здоровьѣ спрашивать и съ золотыми.

Внучатная тетка Петра Васильевича Большого Шереметева, княгиня Евдокія Өедоровна Одоевская (дочь боярина Өедора Ивановича Шереметева), по-прежнему, состояла въ штатѣ пріѣзжихъ боярынь царицы Марьи

[247] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 136. 173 и 197.

Ильинишны. Она занимала третье мѣсто послѣ Анны Ильинишны Морозовой (родной сестры царицы) и княгини Евдокіи Семеновны Черкасской (жены князя Якова Куденетовича)[248], прабабки графини Варвары Алексѣевны Шереметевой.

9 мая 1659 года, по случаю кончины царевны Анны Алексѣевны, пріѣзжимъ боярынямъ указано было во всю четыредесятницу сидѣть по суткамъ, съ 6 дворянами при каждой, у гроба усопшей царевны, въ Вознесенскомъ монастырѣ. По росписи, княгинѣ Евдокіѣ Ѳедоровнѣ Одоевской пришлось сидѣть у гроба въ 3-ю ночь, вмѣстѣ съ боярыней Евдокіей Андреевной Стрѣшневой; а въ 9 и 10 ночь—женамъ ея сыновей, умершаго князя Ѳедора Никитича и князя Якова Никитича, вдовой боярынѣ княгинѣ Софьѣ Ивановнѣ и княгинѣ Аннѣ Михайловнѣ Одоевскимъ[249].

Еще болѣе высокое положеніе при дворѣ занимала мачиха Василья Борисовича Шере-

---

[248] Мы не считаемъ женъ царевичей Касимовскаго и двухъ Сибирскихъ (Забѣлинъ. Домашній бытъ Русскихъ царицъ. М. 1869. стр. 350).

[249] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 186 и 187.

метева, вдовая боярыня Ульяна Петровна Шереметева. Она состояла въ такъ называемомъ «царицыномъ дворовомъ чину» или въ придворномъ штатѣ самой царицы Марьи Ильинишны, и занимала въ этомъ штатѣ одно изъ первыхъ мѣстъ, какъ мама царевны Мареы Алексѣевны. Въ мамы къ малолѣтнимъ царевичамъ и царевнамъ обыкновенно назначали пожилыхъ, опытныхъ и, главное, самыхъ приближенныхъ къ царицѣ или къ государю вдовыхъ боярынь, большею частію изъ ихъ-же родственницъ. Старшинство мамъ соотвѣтствовало старшинству возраста царскихъ дѣтей. Такъ что, напримѣръ, Ульяна Петровна Шереметева, какъ мама царевны Мареы Алексѣевны, родившейся въ 1652 году, была выше княгини Анастасьи Никифоровны Лобановой-Ростовской — мамы царевны Софьи Алексѣевны, которая родилась въ 1657 году. Мамы получали отъ 50 до 100 рублей денежнаго оклада и, живя во дворцѣ, пользовались всѣмъ дворцовымъ содержаніемъ[250].

Единственный сынъ Василья Борисовича

---

[250] Забѣлинъ. Домашній бытъ Русскихъ царицъ. М. 1869. стр. 494. 495 и 498.

Шереметева, Иванъ Васильевичь, продолжалъ службу при дворѣ въ чинѣ стольника и, благодаря высокому служебному положенію своей бабки и отца, пользовался особеннымъ благоволеніемъ государя.

ГЛАВА XVI.

Въ выходной книгѣ Дворцоваго приказа, подъ 1 числомъ января 1660 года, записано: «Былъ у государя столъ по Золотой палатѣ. Ѣли Черкасскіе полковники и казаки»[251]. То были Запорожскіе посланцы: полковникъ Черкасскій Андрей Одинецъ и полковникъ Прилуцкій Петръ Дорошенко (впослѣдствіи гетманъ) съ товарищи. Они прибыли въ Москву для «извѣщенія царскому величеству гетманова и всего войска Запорожскаго вѣрнаго подданства» и для представленія челобитья о своихъ мѣстныхъ нуждахъ[252].

Запорожскіе посланцы впервые увидѣли передъ собою царя Алексѣя Михайловича.

[251] Выходы царей. М. 1844. стр. 319.

[252] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. V. Спб. 1867. №№ 1—3.

Въ ту пору ему шелъ всего 31 годъ. Онъ представлялъ изъ себя статнаго, нѣсколько дороднаго мужа, средняго роста, съ бѣлокурыми волосами, красивою окладистою бородою и съ кроткими голубыми глазами; на щекахъ его бѣлаго лица игралъ румянецъ[253]. Московскій царь былъ одѣтъ въ бѣлую тафтяную шубу съ кованымъ золотнымъ кружевомъ, съ золотными-же кистями и варворками, обнизанными жемчугомъ; на его головѣ была шапка черевья лисья, а въ рукахъ Индѣйскій посохъ[254]. У государева мѣста стояли рынды съ мечами, въ ферезяхъ, стольники: Никита Ивановичь Шереметевъ и князь Григорій Ѳедоровичь Щербатовъ. Оба только что возвратились изъ Малороссіи, куда ѣздили съ государевымъ жалованьемъ съ золотыми, для врученія царскимъ воеводамъ. За столомъ, на первомъ мѣстѣ послѣ гостившихъ въ Москвѣ Греческихъ властей, сидѣлъ бояринъ князь Алексѣй Никитичь Трубецкой, хорошо извѣстный Запорожскимъ посланцамъ[255].

[253] Майербергъ. Путешествіе въ Московію въ 1661 году. Изданіе императорскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ. М. 1874. стр. 114.

[254] Выходы царей. М. 1844. стр. 319.

[255] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 209 и 210.

Одновременно съ Запорожскими посланцами, въ Москвѣ находились посланники и отъ Калмыцкаго тайши Ишкепа, Бурачь и Ожьго[256], тоже съ челобитьемъ къ государю, о принятіи Калмыковъ подъ высокую руку царскаго величества. При тогдашнихъ обстоятельствахъ было особенно выгодно имѣть подручниками этихъ воинственныхъ кочевниковъ, гордившихся своею свободою. «Мы люди Божіе,—говорили они,—кочуемъ въ степяхъ своими улусами по своей волѣ»[257]. Въ случаѣ войны съ Крымскими Татарами или новыхъ попытокъ ихъ вмѣшаться въ наши дѣла съ Украйной и Польшей, Калмыковъ всегда можно было направить на Крымскіе улусы, и тѣмъ значительно ослабить издавна враждебную намъ силу Крымскаго хана. Вѣрны или ошибочны были эти соображенія, но Калмыцкихъ посланниковъ приняли въ Москвѣ довольно почетливо. 11 января они представлялись государю въ Золотой палатѣ, причемъ въ рындахъ были опять Никита Ивановичь Шереметевъ и князь Григорій Өедоровичь Щербатовъ, тоже въ ферезяхъ, но вмѣс-

---

[256] Списки Тобольской архивы. Ч. I. л. 181.
[257] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. XII. М. 1862. стр. 293.

то мечей, имѣли топоры. Шереметевъ и князь Щербатовъ стояли рындами у государева мѣста и 5 февраля, за родильнымъ столомъ въ Грановитой палатѣ, по случаю рожденія царевны Марьи Алексѣевны[258].

12 февраля, на именины царевича Алексѣя Алексѣевича, за столомъ у государя, въ Грановитой-же палатѣ, сынъ Василья Борисовича Шереметева, стольникъ Иванъ Васильевичь Шереметевъ, потчивалъ Грузинскаго царевича Николая Давыдовича. А 20 февраля, царь Алексѣй Михайловичь бралъ Ивана Васильевича съ собою въ походъ, въ подгороднее село Семеновское, на тамошній Потѣшный дворъ, тѣшиться охотою: травлею звѣрей и тому подобными забавами. Въ этомъ Семеновскомъ походѣ, Иванъ Васильевичь Шереметевъ былъ у государя возницей, безъ терлика, какъ записано въ разрядной книгѣ[259].

Въ Малороссіи и въ началѣ 1660 года было на столько спокойно и благополучно, что Василій Борисовичь Шереметевъ нашелъ да-

---

[258] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 210 и 213.

[259] Тамъ-же, столб. 215 и 216.

же возможнымъ просить государя о дозволеніи ему пріѣхать въ Москву, для свиданія съ семействомъ и устройства домашнихъ дѣлъ, разстроившихся, благодаря его долговременному отсутствію. Естественно было ощущать и душевную потребность отдохнуть въ кругу близкихъ людей отъ тревогъ и волненій двухлѣтняго осаднаго сидѣнія. Просьба Шереметева была уважена, и 28 января онъ уже выѣхалъ-было изъ Кіева, какъ получена была новая царская грамота, которою отмѣнялось данное разрѣшеніе. Выставленныя при этомъ причины могли казаться не достаточно убѣдительными. «Мы, великій государь,—сказано въ этой грамотѣ,—указали тебѣ, боярину нашему и воеводѣ Василью Борисовичу, быть на нашей великого государя службѣ въ Кіевѣ, а къ Москвѣ ѣздить не велѣли для того: какъ, по нашему великого государя указу, бояря наши и воеводы, бояринъ князь Алексѣй Никитичь Трубецкой съ товарищи, будучи въ Переяславлѣ, съ новообраннымъ гетманомъ съ Юрьемъ Хмельницкимъ и съ обознымъ и съ ясаулы войсковыми и съ судьи и съ полковники и со всею старшиною и съ черныо на радѣ которыя статьи постановили, и тѣ

статьи напечатаны, а въ Черкасскихъ городѣхъ по полкомъ не розданы; а которыя статьи и послѣ того, по нашему, великого государя, указу, къ тебѣ, боярину нашему и воеводѣ, посланы, и тѣ статьи по тому-жъ не довершены, и то наше, великого государя, дѣло въ конецъ не приведено»[260].

Шереметевъ тотчасъ-же послалъ отписку къ царю, которая 10 февраля была уже въ Москвѣ. Къ сожалѣнію, самая отписка не сохранилась. Очень можетъ быть, она даже не передавалась въ Приказъ и осталась въ Верху, у государя. О содержаніи отписки Шереметева можно лишь догадываться по отвѣтнымъ царскимъ грамотамъ, отпуски коихъ уцѣлѣли въ бумагахъ приказа Тайныхъ дѣлъ. Какъ видно, Шереметевъ вновь просилъ о разрѣшеніи прибыть въ Москву, выставлялъ свои права на то, что-бы просьба эта была уважена; словомъ, не скрывалъ, что «оскорбляется» отказомъ, какъ это прямо выражено въ двухъ грамотахъ царя Алексѣя Михайловича, которыя приведемъ въ своемъ мѣстѣ.

---

[260] Государственный архивъ: столбцы приказа Тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII). № 166. л. 21.

А между тѣмъ, вслѣдъ за отправкою отписки въ Москву, какъ-бы въ подтвержденіе справедливости сказаннаго въ царской грамотѣ, что въ Малороссіи «государево дѣло въ конецъ еще не приведено», съ южной границы стали приходить тревожныя вѣсти.

Нужно сказать, что Выговскій, и послѣ пораженія подъ Хмельникомъ, вовсе не считалъ своего дѣла проиграннымъ. Будь присланы ко мнѣ — говорилъ онъ — обѣщанныя вспомогательныя войска, развѣ непріятель отважился бы напасть на насъ: «Кто же не видитъ, что и я былъ обманутъ, и ойчизна (oyczyzna) введена въ затруднительное положеніе»[261]? Выговскій настойчиво совѣтовалъ Польскому королю, будто-бы со словъ Крымскаго хана, не пропускать зимняго времени, и тотчасъ-же двинуться противъ общаго непріятеля. «Если мы зимою не справимся съ непріятелемъ,—писалъ онъ королю,—то ханъ, его милость, предсказываетъ намъ на весну большія затрудненія... Когда теперь не пойдемъ на войну, то непріятель, усилившись, вѣрно вторгнется въ области вашей королев-

---

[261] Памятники, изданные временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Т. III. Кіевъ. 1852. стр. 394.

ской милости... Благоволи подумать, какъ-бы заблаговременно предотвратить эту бѣду скорою присылкою въ Украйну войскъ и новыхъ вспомогательныхъ отрядовъ»[262].

Выговскій, постоянно твердившій о благѣ родимой Украйны, радостно успокоивалъ Польскаго короля, въ письмѣ, отъ 29 декабря 1659 года, слѣдующею картиною бѣдственнаго положенія этой несчастной страны, до котораго она была доведена имъ-же самимъ: «Теперь сила казаковъ не страшна; въ прошлые годы она ослабѣла, волнуясь въ буряхъ междоусобія. Самые большіе полки погибли: Полтавскій, имѣвшій сорокъ тысячъ, Миргородскій, имѣвшій тридцать тысячъ, Прилуцкій и Ирклѣевскій—уничтожены вконецъ; а города и села заросли крапивою. Одни изъ казаковъ полегли на мѣстѣ въ столь многочисленныхъ кровавыхъ побоищахъ, другіе уведены вмѣстѣ съ женами въ Орду. Однимъ словомъ, все казацкое войско, соединенное вмѣстѣ, едва составитъ сорокъ тысячъ; и притомъ они не могутъ сосредоточить всѣхъ своихъ силъ въ одномъ мѣстѣ, но должны раз-

---

[262] Памятники, изданные временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ Т. III. Кіевъ. 1852. стр. 407. 410. 413 и 417.

рывать ихъ на части, что-бъ послать и въ степи, противъ Татаръ». Что-же касается до царскаго войска, то, по словамъ Выговскаго, выходило, что на него не сто́итъ и обращать вниманія: «Сколько разъ Москва ни вступала въ битву въ Украйнѣ, столько разъ, счастіемъ вашей королевской милости, пана моего милостиваго, терпѣла памятныя пораженія»[263].

Въ то время Польша кончала свою распрю съ Шведами. Въ Данцигѣ уже начались мирные переговоры съ ними, и потому открывалась возможность часть Польскихъ войскъ направить въ Украйну.

Но приготовленія Кіевскаго воеводы, боярина Василья Борисовича Шереметева, къ новому «наступленію непріятельскому, се есть Лятцкому и Татарскому, за подущеніемъ Выговскаго», не прошли даромъ. Василій Борисовичь заблаговременно отправилъ въ Бѣлую Церковь своего новаго товарища, князя Григорья Аѳанасьевича Козловскаго, со всѣми ратными людьми его полка, конными и пѣшими, а также маіора Василья Зубова съ тремя ротами рейтаръ полку Зыкова, съ тѣмъ,

---

[263] Памятники, изданные временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Т. III. Кіевъ. 1852. стр. 405 и 406.

что-бы по первымъ-же вѣстямъ можно было направить ихъ, вмѣстѣ съ сосѣдними полковниками, на встрѣчу непріятеля.

Въ февралѣ 1660 года, Шереметевъ получилъ отъ наказного гетмана, Уманскаго полковника Михаила Ханенка, извѣстіе, что изъ Кременца къ Могилеву (на Днѣстрѣ) идутъ: великій коронный гетманъ Станиславъ Потоцкій, обозный Андрей Потоцкій и коронный писарь Янъ Сапѣга. «Да измѣнникъ Ивашко Выговскій — писалъ Ханенко — съ ними-же да и Татаръ они къ себѣ ждутъ, а хотятъ-де промышлять надъ Могилевомъ, что-бъ Могилевъ взять; а какъ Могилевъ возмутъ, и они хотятъ приходить подъ Умань и подъ иные великого государя Черкасскіе городы». Въ то время въ Могилевѣ сидѣли полковники: Подольскій Евстафій Гоголь и Миргородскій Кириллъ Андреевъ. Ханенко поспѣшилъ къ нимъ, на помощь, со всѣмъ своимъ полкомъ, но въ мѣстечкѣ Кубличи остановился, въ ожиданіи государевыхъ ратныхъ людей, безъ которыхъ не рѣшался итти къ Могилеву, въ виду полученныхъ новыхъ свѣдѣній о многочисленности подступавшаго къ нему непріятеля.

Василій Борисовичъ Шереметевъ приказалъ князю Козловскому, по совѣту съ полковниками, «Божіимъ и великого государя дѣломъ надъ Поляки и Татары промышлять, сколько милосердый Богъ помощи подастъ, и въ Могилевѣ-бъ полковникомъ и казакомъ дать помочь, и подъ Браславль и подъ великого государя Украинные Черкасскіе городы приходить и воевать Полякомъ и Татаромъ не дать».

19 февраля, князь Козловскій пришелъ въ Умань и тутъ узналъ, что оба Потоцкіе, Сапѣга и Выговскій, съ осьмнадцатитысячнымъ Польскимъ войскомъ и 11 пушками, а также нѣсколько тысячъ Татаръ, подъ предводительствомъ Кайбей мурзы, уже осадили Могилевъ; что отдѣльные Польскіе и Татарскіе отряды уже появились подъ Браславлемъ и подъ иными великаго государя Черкасскими городами, а тѣхъ городовъ повѣты воюютъ и жгутъ и что, наконецъ, Выговскій и Станиславъ Потоцкій разослали «прелестныя» письма къ полковникамъ Украинныхъ городовъ, къ начальнымъ людямъ, Черкасамъ и черни. Ни мало не медля, князь Козловскій, со всѣми государевыми ратными людьми, дви-

нулся по направленію къ Могилеву. Но гетманъ Станиславъ и обозный Андрей Потоцкіе, писарь Янъ Сапѣга и Выговскій, «свѣдавъ про великого государя ратныхъ людей, и боясь государева страшнаго меча, со всѣмъ Польскимъ войскомъ побѣжали въ Польшу, а Кайбей мурза съ Татары побѣжалъ за рѣку Днѣстръ, черезъ Волосскую землю, въ Крымъ»[264].

Столь неожиданный исходъ дѣла объясняется тѣмъ ужаснымъ положеніемъ, въ какомъ находилось тогда Польское войско. При вступленіи въ Поднѣстровье, его прежде всего встрѣтила «жестокая и весьма снѣжная зима». По словамъ великаго коронна гетмана Станислава Потоцкаго, «войско его, вмѣсто продовольствія, терпѣло сильный голодъ; крестьяне попрятали весь хлѣбъ въ ямы, а сами заперлись въ крѣпостяхъ вмѣстѣ съ казаками; край опустѣлъ». Потоцкій вовсе и не желалъ вступать въ Украйну въ зимнее время, но, говоритъ онъ, «я долженъ былъ повиноваться волѣ его королевской милости»[265].

---

[264] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. № 104.

[265] Памятники, изданные временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Т. IV. Кіевъ. 1859. Отд. III. стр. 2.

Какъ-бы то ни было, но 28 февраля, князь Козловскій, не обнажая меча, побѣдителемъ возвратился въ Умань. «И нынѣ, — писалъ Шереметевъ царю Алексѣю Михайловичу въ началѣ марта, — милостію Божіею и Пречистые Богородицы и всѣхъ святыхъ помощію, и твоимъ, великого государя, счастіемъ, и твоею, великого государя, праведною молитвою, смирно; близко Черкасскихъ городовъ Поляковъ и Татаръ въ сборѣ нигдѣ нѣтъ»[266].

Надо полагать, что послѣ того Василій Борисовичь Шереметевъ нашелъ своевременнымъ возобновить ходатайство о разрѣшеніи ѣхать въ Москву. Но царь Алексѣй Михайловичь все отсрочивалъ это дѣло, видимо, не рѣшаясь отпускать Шереметева изъ Кіева. Какая была тому дѣйствительная причина, не знаемъ. Очень можетъ быть, что въ ту пору не имѣлось въ виду человѣка, который былъ-бы въ состояніи замѣстить Шереметева. При тогдашнихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, отъ Кіевскаго воеводы требовалось, независимо отъ другихъ качествъ, и знанія мѣстныхъ условій быта, и знакомства

---

[266] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. VII. Спб. 1872. стр. 319. столб. 1.

съ главными дѣйствующими лицами, какъ въ самомъ краѣ, такъ и на непріятельской сторонѣ. Новому воеводѣ, дѣйствительно, было-бы нелегко разобраться въ этомъ лабиринтѣ интригъ и частныхъ интересовъ.

Царь Алексѣй Михайловичь, съ свойственнымъ ему благодушіемъ, всячески старался успокоивать Василья Борисовича и упрашивалъ не оскорбляться отказомъ. «Тебѣ-бъ, боярину нашему и воеводѣ, — писалъ царь Алексѣй Михайловичь въ грамотѣ, составленной въ апрѣлѣ 1660 года[267],—того, что тебѣ, по нашему, великого государя, указу, для доканчанья нашихъ, великого государя, дѣлъ, къ Москвѣ ѣхать не велѣно, во оскорбленье себѣ не ставить, а поставить-бы то себѣ въ милость Божію и въ наше, великого государя, въ премногое жалованье. И, помня Бога и нашу, великого государя, къ себѣ премногую и неизреченную милость, о совершеньѣ Божія и нашего, великого государя, дѣла радѣть со всякимъ усердіемъ, как ъ н а ч а л ъ[268]. А у насъ, великого государя, прежнея и нынѣшнея твоя,

[267] Какъ это значится въ оригиналѣ.

[268] Въ оригиналѣ, эти два слова написаны сверху, вмѣсто зачеркнутаго: и с в ы ш е п р е ж н я г о.

боярина нашего и воеводы, вѣрная служба въ забвеніи николи не будетъ, и во оскорбленье тебѣ-бъ, боярину нашему и воеводѣ, нынѣшніе Московскіе ѣзды[269] не ставить. А какъ твоею, боярина нашего и воеводы, службою и радѣньемъ, Божіе и нашего, великого государя, дѣло въ совершенье придетъ[270], и мы, великій государь, тебя, боярина нашего и воеводу Василья Борисовича, пожалуемъ: наши государскіе пресвѣтлые очи видѣть велимъ и милостію своею, государскою, какъ за прежнюю твою къ намъ, великому государю, службу, такъ и за совершеніе нынѣшняго дѣла, взыщемъ»[271].

---

[269] Въ оригиналѣ, стоящее послѣ этого слово одноконечно, зачеркнуто.

[270] Въ оригиналѣ, стоящее послѣ этого слово совсѣмъ, зачеркнуто.

[271] Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII). № 166. л. л. 19—21.—Записки отдѣленія Русской и Славянской археологіи императорскаго Русскаго археологическаго общества. Т. II. Спб. 1861. стр. 749 и 750.

ГЛАВА XVII.

Невозможно было уважить просьбу Василья Борисовича Шереметева и въ виду тогдашнихъ отношеній нашихъ къ Польшѣ. Все предвѣщало близость сильнаго столкновенія съ нею изъ-за Украйны.

Не даромъ Польша спѣшила покончить счеты съ Швеціей. Мирные переговоры между ними, начавшіеся въ Данцигѣ, послѣ кратковременнаго перерыва, по случаю кончины Шведскаго короля Карла X Густава, возобновились, 13 марта, въ Оливскомъ аббатствѣ[272].

Правда, въ Польшѣ раздавались голоса и въ пользу мирнаго соглашенія съ Россіей, но даже и на этой, благопріятной намъ, сторонѣ

---

[272] Близъ Данцига (Гданска).

ставили непремѣннымъ условіемъ, что-бы мы отказались отъ покровительства казакамъ. Такъ, въ 1659 году, коронный обозный Андрей Потоцкій писалъ своему королю: «У казаковъ главная цѣль состоитъ въ томъ, что-бъ не быть ни подъ властію вашей королевской милости, ни подъ властію царя, и этого они надѣятся достигнуть, ссоря и стращая вашу королевскую милость царемъ, а царя — вашею королевскою милостію. Посему и нужно, что-бъ это коварство ихъ обрушилось на ихъ-же голову. Нужно вашему королевскому величеству непремѣнно помириться съ царемъ, и сдѣлать постановленіе съ нимъ объ Украйнѣ, хотя-бы даже ваша королевская милость принуждены были уступить ему что́ нибудь за Днѣпромъ, лишь-бы только царь не бралъ казаковъ подъ свое покровительство»[273]. Взглядъ этотъ раздѣлялъ и дядя Андрея Потоцкаго, великій коронный гетманъ Станиславъ Потоцкій, и другія вліятельныя лица Рѣчи Посполитой, имѣвшія случай лично ознакомиться съ сутью Украинскаго дѣла.

---

[273] Памятники, изданные временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Т. III. Кіевъ. 1852. стр. 300.

У насъ-же всѣ, безъ раздѣленія голосовъ, давно тяготились войною, сильно истощавшею денежныя средства государства. Правительство царя Алексѣя Михайловича всѣми способами старалось прекратить напрасное кроворазлитіе, добивалось мира съ Польшей, но, разумѣется, не путемъ «тайныхъ соглашеній» и не отказомъ отъ покровительства единокровнымъ, единовѣрнымъ братіямъ, какъ предлагалъ Потоцкій, а открытыми мирными переговорами, при участіи представителей войска Запорожскаго.

Еще 25 января 1660 года, не взирая на то, что военныя дѣйствія въ Бѣлоруссіи продолжались, въ Москвѣ учреждено было опять посольство «для мирнаго постановленья» съ Польшею. Въ составъ посольства назначены были, въ качествѣ «государевыхъ великихъ и полномочныхъ пословъ», тѣ-же самыя лица, которыя, въ 1658 году, отправлены были на Виленскій съѣздъ, а именно: ближній бояринъ и намѣстникъ Астраханскій князь Никита Ивановичь Одоевскій, бояринъ и намѣстникъ Смоленскій Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ, бояринъ и намѣстникъ Муромскій князь Ѳедоръ Ѳедо-

ровичъ Волконскій и думный дьякъ Алмазъ Ивановъ[274].

Съ посольствомъ долженъ былъ слѣдовать цѣлый приказъ стрѣльцовъ и около 500 человѣкъ ратныхъ конныхъ людей, со всякимъ воинскимъ запасомъ и съ пушками[275].

Къ каждому изъ великихъ и полномочныхъ пословъ назначена была особая свита, численность коей соотвѣтствовала старшинству самихъ пословъ. При князѣ Одоевскомъ состоло 13 человѣкъ (пять стольниковъ, шесть стряпчихъ и два дворянина); при Петрѣ Васильевичѣ Шереметевѣ—6 человѣкъ, а именно четыре стряпчихъ: Ѳедоръ Большой Григорьевичъ, Ѳедоръ Меньшой Григорьевичъ да Романъ Устиновичъ Хрущовы и Михаилъ Ивановичъ Глѣбовъ и два жильца: Иванъ Алексѣевичъ да Евстратій Алексѣевичъ Ушаковы; при князѣ Ѳедорѣ Ѳедоровичѣ Волконскомъ—3 человѣка, а именно два стольника: князь Андрей Михайловичъ да князь Ѳедоръ Семеновичъ Волконскіе и жилецъ Иванъ Григорьевичъ Власовъ; а при думномъ дьякѣ Ал-

[274] Дополненія къ тому III му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 211.

[275] Котошихинъ. О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Изд. 2. Спб. 1859. стр. 44.

мазѣ Ивановѣ состоялъ только 1 человѣкъ— его родной сынъ, стряпчій Семенъ Ероѳеевичь Алмазовъ[276].

Посламъ роздано было, въ подмогу для съѣзда, денежное жалованье, въ слѣдующемъ размѣрѣ: князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому—2190 рублей; Петру Васильевичу Шереметеву—1300 рублей; князю Ѳедору Ѳедоровичу Волконскому—1200 рублей и думному дьяку Алмазу Иванову—900 рублей[277].

Мѣстомъ для съѣзда съ Польскими коммиссарами назначенъ былъ, по соглашенію съ Рѣчью Посполитою, пограничный городъ Борисовъ, на рѣкѣ Березинѣ. Но отъѣздъ посольства изъ Москвы состоялся лишь въ началѣ апрѣля. Великіе и полномочные послы пользовались этимъ временемъ для устройства своихъ домашнихъ дѣлъ. Такъ, въ февралѣ мѣсяцѣ, Петръ Васильевичъ Шереметевъ подалъ царю Алексѣю Михайловичу челобитную слѣдующаго содержанія:

«Въ Нижнемъ, государь, въ Новѣгородѣ съ окольничимъ съ Семеномъ Артемьевичемъ

---

[276] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 212.

[277] Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными. Т. VIII. Спб. 1867. стр. 520.

Измайловымъ былъ дьякъ Яковъ Ушаковъ; а нынѣ онъ, по твоему, великого государя, указу, перемѣненъ и живетъ въ Нижнемъ. У меня-же, холопа твоего, въ Нижегородцкомъ уѣздѣ деревнишки. И умысля онъ, Яковъ, хотя деревнишки мои разорить, приставливаетъ къ людишкамъ моимъ и ко крестьянишкамъ во многихъ поклепныхъ дѣлахъ, и крестьянишекъ моихъ волочитъ и убытчитъ своимъ вымысломъ напрасно. А по твоему, великого государя, указу, которымъ твоимъ, государевымъ, ратнымъ людемъ велѣно съ нами быть на съѣздѣ съ Польскими камисары, и тѣмъ твоимъ, государевымъ, людемъ во всякихъ дѣлахъ отсрочено, и память въ приказы разослана. Милосердый государь, пожалуй меня, холопа своего, вели въ Нижній Новгородъ, къ окольничему и воеводѣ къ Семену Артемьевичю Измайлову, дати свою, великого государя, грамоту, противъ своего государева указу, что-бъ на людишекъ и на крестьянишекъ моихъ, въ исцовыхъ дѣлахъ суда въ Нижнемъ ему, Якову, и инымъ всякихъ чиновъ людемъ, не давали. А будетъ Якову Ушакову и инымъ всякихъ чиновъ людемъ, какое дѣло до меня, холопа твоего, и до людишекъ

и до крестьянишекъ моихъ, вели, государь, имъ искать на мнѣ, холопѣ своемъ, и на людишкахъ и на крестьянишкахъ моихъ, какъ я, холопъ твой, съ твоей государевы службы буду. Царь, государь, смилуйся, пожалуй»!

По этому челобитью, 13 февраля 1660 года, послана была въ Нижній Новгородъ, къ окольничему и воеводѣ Семену Артемьевичу Измайлову да дьяку Никитѣ Наумову, царская грамота, которая оканчивается такъ. «И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы-бъ боярина Петра Васильевича на людей ево и на крестьянъ, дьяку Якову Ушакову и инымъ всякихъ чиновъ людемъ, въ судныхъ дѣлахъ отсрочили, покамѣстъ онъ, бояринъ нашъ Петръ Васильевичь, съ нашіе, великого государя, службы пріѣдетъ, и на людей ево и на крестьянъ, опричь татбы и разбоя, суда ни въ чемъ не давать»[278].

Послы уѣхали въ Борисовъ, не получивъ наказа, который изготовленъ былъ лишь на страстной недѣлѣ. Въ великій вторникъ, 17 апрѣля, государь указалъ послать въ Борисовъ стольника Ѳедора Ивановича Колтов-

[278] Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: приказныя дѣла. связка 308. № 10. л. 486 на оборотѣ.

скаго для врученія наказа великимъ и полномочнымъ посламъ: князю Одоевскому, Шереметеву и князю Волконскому. Но Колтовской наказа не взялъ, а въ челобитной объяснилъ, что ему «съ наказомъ ѣхать для боярина князь Ѳедора Ѳедоровича Волконскаго невмѣстно». По справкѣ-же оказалось, что еще при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ былъ судъ у князей Волконскихъ съ Колтовскими и что по сему суду послѣдніе были обвинены. Челобитчику сказали, что ему съ князьями Волконскими всегда быть мочно; а 18 апрѣля объявленъ былъ государевъ указъ, съ такимъ рѣшеніемъ: 1) стольника Колтовскаго, попрежнему, отправить съ наказомъ къ посламъ: князю Одоевскому, Шереметеву и князю Волконскому; 2) за безчестье боярина князя Волконскаго, послать къ нему, въ Борисовъ, Колтовскаго головою и 3) за непослушаніе, что государева указа не послушалъ, бить стольника Колтовскаго батоги.

Въ тотъ-же день, въ Разрядѣ, Колтовской былъ битъ батогами и отправленъ къ посламъ съ наказомъ. Его сопровождалъ жилецъ Лука Панкратьевичь Пущинъ, который долженъ былъ, по пріѣздѣ въ Борисовъ, отвести

Колтовскаго за приставы, подъ руки, къ князю Волконскому и выдать ему головою[279].

Привезенному при такой странной обстановкѣ царскому наказу не суждено было имѣть дѣйствія, потому что послы наши такъ и не дождались Польскихъ коммиссаровъ. Со стороны послѣднихъ, все дѣло ограничилось перепискою преимущественно о томъ, что-бы прибывшихъ въ Борисовъ представителей войска Запорожскаго, полковниковъ Василья Золоторенку, Ѳедора Коробку и состоявшихъ при нихъ 53 казаковъ, не именовали царскими подданными, и что-бъ казацкіе посланцы не имѣли вольнаго голоса въ переговорахъ. Наконецъ, прекратилась и самая переписка.

23 апрѣля 1660 года, состоялся, при посредничествѣ Франціи, Оливскій миръ Рѣчи Посполитой съ Швеціей, по которому Лифляндія, за исключеніемъ небольшой южной ея части, такъ называемыхъ, «Инфлянтовъ», осталась за Швеціей. Поляки утѣшали себя тѣмъ, что теперь имъ открывалась возможность обратить всѣ свои силы на борьбу съ Московскимъ государствомъ. По словамъ со-

---

[279] Дополненія къ тому III-му Дворцовыхъ разрядовъ. Спб. 1854. столб. 223 и 224.

временника, iезуита Даровскаго, «военныя силы всею своею массою направлены были, согласно съ мнѣнiемъ и желанiемъ всѣхъ, противъ Украйны, что-бы вытѣснить оттуда Московитовъ и одолѣть мятежныхъ казаковъ»[280].

Умолкли и тѣ одиночные голоса, которые высказывались за миръ съ Москвою. Самъ Станиславъ Потоцкiй, еще до подписанiя Оливскаго трактата, заговорилъ уже иначе. «Заключи мы миръ съ Москвою,—писалъ онъ Польскимъ коммиссарамъ, отъ 14 апрѣля,—

---

[280] Compendium bellorum in Polonia gestorum ab anno 1647 ad annum 1661. Эта малоизвѣстная Латинская рукопись Римскаго архива iезуитовъ, которою мы уже воспользовались для предыдущей книги, и не разъ сошлемся на нее въ послѣдующемъ разсказѣ, сообщена въ спискѣ графу С. Д. Шереметеву восокопочитаемымъ отцомъ Иваномъ Матвѣевичемъ Мартыновымъ. Предметъ рукописи — война 1660 года, между Польшей и Московскимъ государствомъ, войсками коего предводительствовалъ Василiй Борисовичь Шереметевъ. Театръ военныхъ дѣйствiй — Украйна. Рукопись раздѣлена на три главы. Въ первой изложены событiя предшествовавшихъ 14 лѣтъ (1647—1660); во второй—непосредственныя причины войны съ Москвою, и въ третьей—дневникъ военныхъ дѣйствiй 1660 года, за сентябрь, октябрь и ноябрь мѣсяцы. По объясненiю отца Ивана Матвѣевича, авторъ рукописи, Iоаннъ-Казимiръ Даровскiй, принадлежалъ къ Польской провинцiи ордена iезуитовъ, преподавалъ философiю въ Римской коллегiи и скончался въ Люблинѣ, въ 1667 году. Иванъ Матвѣевичь полагаетъ, что въ войну 1660 года, Даровскiй находился при Польскомъ войскѣ, въ качествѣ полковаго священника; по окончанiи войны, онъ отправился въ Римъ, гдѣ и написалъ свое сочиненiе въ 1661 году, ибо о войнѣ съ Москвою говоритъ какъ о прошлогоднемъ событiи.

тогда обѣ фуріи, Турецкая и Татарская, непремѣнно бросятся на насъ. Я желалъ-бы этого мира, но если за нимъ должна послѣдовать Турецкая война, то необходимо хорошенько подумать объ этомъ»[281].

Въ Москвѣ, при содѣйствіи пріѣзжавшаго туда Переяславскаго полковника Тимоѳея Цецюры, составленъ былъ планъ предстоявшихъ военныхъ дѣйствій, въ основаніи котораго лежала мысль или правило самого царя Алексѣя Михайловича: «Не дать недругу войти въ свои городы, что-бъ ево встрѣтить въ ево землѣ; до тѣхъ мѣстъ огонь и тушить, доколѣ не разгорѣлся, а какъ разгорится, нѣколи тушить»[282]. Рѣшено было, отнюдь не допуская Поляковъ въ Украйну, двинуть соединенное царское и казацкое войско, подъ предводительствомъ Василья Борисовича Шереметева, въ самое сердце Польши, и разомъ кончить войну или въ Варшавѣ, или въ Краковѣ, или во Львовѣ, смотря по тому, гдѣ будетъ находиться король.

Въ помощь Шереметеву велѣно было от-

---

[281] Памятники, изданные временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Т. IV. Кіевъ. 1859. Отд. III. стр. 4.

[282] Записки отдѣленія Русской и Славянской археологіи императорскаго археологическаго общества. Т. II. Спб. 1861. стр. 722.

править въ Малороссію, сухимъ путемъ, окольничаго князя Осипа Ивановича Щербатова съ конными людьми; а сынъ его, стольникъ князь Константинъ Щербатовъ, долженъ былъ слѣдовать туда-же водою, въ стругахъ, съ пѣшими людьми и съ нарядомъ.

Само собою разумѣется, что при такомъ оборотѣ дѣла Шереметеву нечего было уже и думать о поѣздкѣ въ Москву. 6 мая царь Алексѣй Михайловичь отправилъ къ нему, «нарочно для утѣшенія его», стряпчаго Михаила Головина, съ новою грамотою [283] слѣдующаго содержанія:

«Отъ царя и великого князя Алексѣя Михайловича, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, въ нашу отчину, въ Кіевъ, боярину нашему и воеводѣ Василью Борисовичю Шереметеву, отъ насъ, великого государя, милостивое слово. Пріиде къ намъ, великому государю, во уши, что за милостію Божіею, тебѣ, добронадежному архистратигу, по нашему, великого государя, указу, къ Москвѣ ѣздить не велѣно; а для какихъ нашихъ государевыхъ и земскихъ дѣлъ къ намъ, ве-

[283] Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII). № 166. л. 21—25.

ликому государю, быть не указано, и то писано въ другой нашей, великого государя, грамотѣ. И тебѣ-бъ, архистратигу великаго Царя царемъ небеснаго, земнаго Его воинства, о томъ не оскорблятца»[284].

Вмѣстѣ съ грамотою прислано было еще особое посланіе царя Алексѣя Михайловича, въ видѣ отвѣта на поставленный въ заголовкѣ посланія вопросъ: «Твоя боярская честь почему не просто»? Самый вопросъ и слѣдующій за нимъ отвѣтъ особенно ясно указываютъ на то, что Василій Борисовичь Шереметевъ, раздраженный недозволеніемъ ѣхать въ Москву, выставлялъ въ отпискѣ къ государю, свои заслуги и свои боярскія права. Царь Алексѣй Михайловичь, въ своемъ «отвѣтѣ», опять объясняетъ значеніе боярства, призываетъ Шереметева къ смиренію и напоминаетъ ему о благомъ дѣйствіи Промысла Божія, непрестанно охранявшаго его отъ разныхъ бѣдствій.

«Вѣдомо тебѣ самому,—писалъ государь,—какъ по изволенію Божію, нашъ государской чинъ пребываетъ и надъ вами, честны-

---

[284] Далѣе идетъ общее разсужденіе о боярской чести, которою-де хвалиться непристойно. Это мѣсто мы привели выше, на стр. 14.

ми людми, боярская честь совершается. А тебѣ, вѣрному рабу Божію, а нашему архистратигу, хто нарицалъ и обѣщевалъ честь, за что еже обѣщеваяся всякое дѣло Божіе исправляти съ радостію и разсуждати люди Ево святыя въ правду? Воспомяни и хто съ тобою глаголавый о дѣлѣ Божіи. Не просто Богъ изволилъ намъ, великому государю и тлѣнному царю, честь даровати, а тебѣ приняти. И тебѣ о томъ должно нынѣ и впредь Творца своего и Зиждителя и всѣхъ всячески Бога восхваляти и прославляти, и нашимъ, великого государя и тлѣннаго царя, жалованьемъ утѣшатися и радоватися Творца своего милости, наипаче жь и о томъ, что наше государское сердце за твою къ намъ, великому государю, службу обратилъ къ тебѣ ко всякой милости. Писано бо есть: сердце царево въ руцѣ Божіи».

За тѣмъ, перечисливъ нѣсколько случаевъ изъ жизни Василья Борисовича Шереметева, знаменующихъ милость Божію къ нему[285], государь касается и послѣдней службы Василья Борисовича въ Кіевѣ: «Отъ стрѣльбы како

[285] Здѣсь мы не приводимъ этихъ случаевъ, потому что уже воспользовались ими раньше, въ своемъ мѣстѣ. См. выше, стр. 16; а также IV-ю книгу «Рода Шереметевыхъ». стр. 161. 164 и 165.

здравъ сотворися весь, кромѣ руки еще жь лѣвой, а не правой[286]! Смотри крѣпко и удивляйся со слезами Владычнему милосердію къ себѣ, како печетца тобою, по тому жь, какъ крестопреступникъ и возлюбленникъ діаволской Ивашко Выговской приходилъ и присылалъ подъ Кіевъ брата своего съ Крымскими людми, такъ-же и иныхъ государствъ люди приходили: съ какою похвалою славною и съ какою жесточью и како зубами своими, яко дивіи звѣри, скрежетаху на церковь Божію и на тебя, боярина нашего и воеводу, съ товарищи, и на ратныхъ людей и на всѣхъ васъ, православныхъ христіянъ. Что жь великій и пресильный Царь царемъ сотворилъ? О владычняго неизглаголаннаго милосердія! О благоутробнаго снизхожденія на вѣрныя рабы своя! О смотрѣнія привлачительнаго на рамо Свое святое тебя, боярина и воеводу, и православныхъ христіянъ, дабы паки отстали отъ грѣха и паче-бы вѣровали и уповали! Писано бо есть: на кого призрю—на смиреннаго и на кроткаго и трепещущаго словесъ моихъ. Вни-

---

[286] Слѣдовательно, Василій Борисовичь былъ раненъ въ бояхъ съ Выговскими, но когда именно и при какихъ обстоятельствахъ, неизвѣстно.

май, рабе Божій, како о тебѣ великій Царь царемъ и небесный Владыка промышленіе творилъ! Како руководствовалъ, како всѣхъ сокрушилъ и безъ вѣсти сотворилъ твоимъ къ Нему, Свѣту, радѣньемъ и усердствомъ несумнѣннымъ и недвоедушнымъ упованіемъ и молитвою крѣпкою и мужественнымъ сердцемъ, за помощію Ево святою, а къ намъ, великому государю и тлѣнному царю, твоимъ, боярина нашего и воеводы, промысломъ и товарыщевъ твоихъ и всѣхъ ратныхъ людей службою! Что жь? Выслужилъ, еже въ соборной и апостолской церкви и во святѣмъ олтарѣ, предъ престоломъ Божіимъ и предъ святымъ жертвенникомъ, архіерей Божій и весь освященный соборъ во святыхъ молитвахъ, въ просвиромисаніи и во время святаго приношенія, еждневно, имя твое воспоминаютъ; а на враги наша молятъ тебѣ и товарищамъ твоимъ и всѣмъ ратнымъ людемъ даровати побѣду и одолѣніе и о совершеніи мира всѣмъ христіаномъ. И мню, что ни хъ кому такой милости и жалованья отъ вѣку не бывало и не слыхано, какъ Божія милость и наше, великого государя, милостивое жалованье къ тебѣ, боярину нашему и воеводѣ, учинилось. И не-

забытно мы, великій государь, службу твою и радѣнье, при всей нашей царской думѣ, въ своихъ царскихъ полатахъ, похваляемъ, и при всемъ нашемъ царскомъ синклитѣ; и по всему нашему Московскому государству служба твоя явно прославляетца; и впредь у Бога и у насъ, великого государя, служба твоя николи забвенна не будетъ. И тебѣ-бъ, боярину нашему и воеводѣ, того, что тебѣ, по нашему, великого государя, указу, къ Москвѣ ѣхать не велѣно, во оскорбленье себѣ не ставить, а поставить-бы то себѣ въ милость Божію и въ наше, великого государя, въ премногое жалованье; и сею нашею грамотою утѣшатися, и стряпчего нашего Михаила Головина, жалуючи тебя, боярина нашего и воеводу, послали ево къ тебѣ, боярину нашему и воеводѣ, нарочно для твоего утѣшенія»[287].

---

[287] Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII). № 166. л. 26—32.—Записки отдѣленія Русской и Славянской археологіи императорскаго Русскаго археологическаго общества. Т. II. Спб. 1861. стр. 752—755.

ГЛАВА XVIII.

Пріѣздъ въ Кіевъ стряпчаго Михаила Головина, дѣйствительно, долженъ былъ доставить большое утѣшеніе не только Василью Борисовичу Шереметеву, но и его доблестнымъ товарищамъ. Вмѣстѣ съ прописанными грамотами, Головинъ привезъ еще двѣ, одну на имя Шереметева, а другую на имя князя Борятинскаго и Чаадаева вмѣстѣ, съ извѣщеніемъ объ отправленіи къ нимъ ихъ женъ. Приводимъ содержаніе первой грамоты, единственной въ своемъ родѣ, столь ярко характеризующей «тишайшаго» царя:

«Отъ царя и великого князя Алексѣя Михайловича, въ нашу отчину, въ Кіевъ, боярину нашему и воеводѣ Василью Борисовичу, отъ насъ, великого государя, милостивое сло-

во. По изволенію Божію, посылаемъ къ тебѣ, боярину нашему и воеводѣ, супругу твою для того, что васъ Богъ сочеталъ, а человѣкъ да не разлучаетъ. И когда было время, что жить безъ жены, и то время миновалось, а нынѣ пріиде время, что тебѣ, боярину нашему и воеводѣ, жить съ своею женою вмѣстѣ, въ любви и въ радости, а не въ печали[288]. А сынъ твой, Иванъ, пребываетъ въ милости Божіи и въ нашемъ государскомъ милостивомъ жалованье»[289].

Стольники князь Юрій Никитичь Борятинскій и Иванъ Ивановичь Чаадаевъ, кромѣ извѣстительной грамоты объ отпускѣ въ Кіевъ ихъ женъ, получили черезъ стряпчаго Головина еще слѣдующее царское милостивое слово:

«Вѣдомо намъ, великому государю, что вы у боярина нашего и воеводы, у Василья Борисовича, во всякомъ послушаніи, а промежь собою живете въ совѣтѣ и въ любви и надъ

---

[288] Все набранное съ разрядкою, въ оригиналѣ вписано вмѣсто зачеркнутаго: «и тебѣ-бъ боярину нашему и воеводѣ принять ее въ милость Божію, радуяся, а не въ печаль».

[289] Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII). № 166. л. 33.

Божіими враги, а надъ нашими непріятелми, промыслы чинити сопча. И мы, великій государь, за то васъ жалуемъ, милостиво похваляемъ. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы-бъ съ бояриномъ нашимъ и воеводою, съ Васильемъ Борисовичемъ Шереметевымъ, и промежь собою жили въ совѣтѣ и въ любви и у него, боярина и воеводы, были во всякомъ послушаніи, по-прежнему, и надъ Божіими враги, а надъ нашими, великого государя, непріятелми, промыслъ чинили сопча, сколко милосердый Богъ помощи подастъ; а служба и радѣнья ваши у Бога и у насъ, великого государя, николи забвенны не будутъ»[290].

Послѣ обычнаго спроса о здоровьѣ, стряпчій Головинъ вручилъ Кіевскимъ воеводамъ государево жалованье, за ихъ службу: Василью Борисовичу Шереметеву 600 рублей, князю Юрью Никитичу Борятинскому 300 рублей, Ивану Ивановичу Чаадаеву 200 рублей и дьяку Алексѣю Постникову 100 рублей.

За тѣмъ, Головинъ объявилъ Шереметеву: 1) что великій государь жалуетъ его и ми-

---

[290] Записки отдѣленія Русской и Славянской археологіи императорскаго Русскаго археологическаго общества. Т. II. Спб. 1861. стр. 755 и 756.

лостиво похваляетъ за совѣтъ и любовь съ гетманомъ Юрьемъ Хмельницкимъ, что-бъ «и впредь былъ съ нимъ въ совѣтѣ и въ любви, держалъ-бы къ нему ласку и привѣтъ и о дѣлехъ, о чемъ доведется, къ нему писалъ по разсмотрѣнію»; 2) что-бы собралъ раду для обсужденія предстоявшихъ военныхъ дѣйствій въ Польшѣ; а какъ пойдетъ на раду, къ гетману Юрью Хмельницкому, и въ то время въ городѣ (Кіевѣ) быть его товарищу, князю Юрью Никитичу Борятинскому, и 3) что, по указу великаго государя, уже отпущенъ изъ Москвы къ нему, боярину и воеводѣ, окольничій и воевода князь Осипъ Ивановичь Щербатовъ, съ ратными конными людьми, сухимъ путемъ; «да въ плавной съ сыномъ его, съ стольникомъ и воеводою со княземъ Константиномъ Щербатовымъ, пѣшихъ людей, стрѣльцовъ и солдатовъ и пушекъ и хлѣбныхъ и пушечныхъ запасовъ, а сколько чего, и про то ему, боярину и воеводѣ, будетъ вѣдомо отъ князь Константина, какъ онъ придетъ въ Кіевъ; а чаять всего слишкомъ будетъ». По наказу, Головинъ говорилъ «гораздо», что-бъ за приходомъ новыхъ людей въ Украйну, «жилецкимъ людемъ тѣсноты и налоги

отъ постою не было, и отъ тово-бъ всякая ссора не возросла»[291].

Наступательная война, походъ въ самую Польшу, увлекали пылкаго Шереметева. Онъ спѣшилъ этимъ дѣломъ, дабы не дать Полякамъ времени собраться со всѣми своими войсками, значительная часть коихъ покамѣстъ удерживалась въ Бѣлоруссіи. Остальныя бунтовали, требуя невыданнаго жалованья. Многіе полки самовольно вышли изъ Пруссіи, разбрелись по королевскимъ имѣніямъ и тамъ насильно брали вознагражденіе за свою службу[292]. Что-же касается до Татаръ, то Шереметевъ имѣлъ свѣдѣнія отъ выходцевъ изъ Крыма, что тѣ помышляли лишь о собственной оборонѣ. «Ханъ Крымскій,— говорили тѣ выходцы 21-го мая,— изъ Перекопи выступилъ въ поле, опасаясь на себя приходу великого государя ратныхъ людей съ Дону рѣки, и отъ Донской стороны валятъ валъ великой и городы крѣпятъ; да они-жъ, выходцы, будучи въ Крыму, слы-

---

[291] Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII). № 166. л. 228—231.

[292] Бандтке. Исторія государства Польскаго. Т. II. Спб. 1830. стр. 320.

шали, что на Крымскаго хана наступаютъ Калмыки»[293].

Пріѣхавшій въ Москву за милостынною дачею, игуменъ Терехтемировскаго монастыря Іоасафъ, 19-го іюня, въ Посольскомъ приказѣ, въ распросѣ показалъ, что «про Ляховъ и про измѣнника Ивашка Выговскаго, есть ли они гдѣ въ сборѣ,—слуху нѣтъ. А пріѣзжали-де въ Кіевъ изъ Польскихъ городовъ мѣщане съ солью и сказывали, что Ляховъ въ сборѣ нигдѣ нѣтъ». О Крымскихъ Татарахъ игуменъ Іоасафъ тоже говорилъ, что «нынѣ у нихъ про походъ Крымскаго хана на войну никуды неслышеть», и что «Крымскіе люди отъ приходу государевыхъ ратныхъ людей и Черкасъ страшны добрѣ, и отъ Калмыковъ опасеніе имѣютъ большое-жъ, и чаютъ на Крымъ приходу»[294].

Трудно было ожидать болѣе благопріятнаго времени для выступленія въ походъ. Василій Борисовичь Шереметевъ настаивалъ на томъ, что-бы «въ Польскіе городы войною итти съ Петрова дни, и Польскимъ лю-

---

[293] Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII). № 166. л. 102.

[294] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. V. Спб. 1867. стр. 26. столб. 2.

демъ собраться не дать»[295]. Но, къ несчастію, князь Щербатовъ шелъ изъ Москвы весьма медленно, а казацкая рада могла собраться лишь 7 іюля. Да и полковникъ Тимоѳей Цецюра, съ которымъ Шереметевъ имѣлъ свиданіе въ Кіевѣ 28 мая, говорилъ какъ-то загадочно. Безъ всякаго повода онъ началъ увѣрять Шереметева, что «гетманъ Юрій Хмельницкій добръ и въ постоянствѣ; а будетъ впредь либо какое дурно въ немъ объявится, и то отъ него, Цецюры, тайно не будетъ и о томъ обо всемъ учнетъ онъ ему, боярину и воеводѣ, давать знать и писать». Когда-же рѣчь зашла о предстоявшемъ походѣ, Цецюра сказалъ: «Какъ-де мы пойдемъ въ войну на Польскіе городы, а будетъ въ то время межъ Заднѣпрскими Черкасы учинится какое смятеніе, и мы, поворотясь, учнемъ съ ними управливаться и тѣ Черкасы того будутъ бояться. Только-де нынѣ впрямь того невѣдомо, что есть-ли о томъ у нихъ какіе злые замыслы. А что впредь объявится, и про то-де ему будетъ вѣдомо. И только-де про воровство Заднѣпрскихъ полковъ вѣдомо будетъ

---

[295] Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII). № 166. л. 117/в.

подлинно, и стольнику и воеводѣ князю Григорью Козловскому съ ратными людьми изъ Умани надобно отступить въ Кіевъ, и стоять всѣмъ вмѣстѣ; а Лубенскому и Миргородскому полковникомъ быть на Украйнѣ съ окольничимъ и воеводою со княземъ Григорьемъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ, для обереганія Украинныхъ и Черкасскихъ городовъ отъ приходу Крымскихъ людей. А которые-де полковники на сей сторонѣ Днѣпра, и тѣ-де великому государю всѣ вѣрны и на милость великого государя надежны»[296].

Цецюра больше охлаждалъ, чѣмъ одушевлялъ Шереметева, и это было такъ необычно въ отважномъ полковникѣ, такъ не шло къ его приземистой, крѣпкой фигурѣ, полной движенія и огня[297]. Изъ дальнѣйшихъ объясненій ясно обнаружилась причина такой перемѣны: «Какъ я былъ на Москвѣ,—говорилъ Цецюра,—и въ то время великому государю я билъ челомъ о маетностяхъ вора и измѣнника Ивашка Нечая, о Кричевѣ да о Чичерскѣ, и мнѣ сказано, что о томъ его, великого госу-

---

[296] Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII). № 166. л. л. 109 и 111.

[297] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. XI. Спб. 1861. стр. 120.

даря, указъ будетъ послѣ меня. А нынѣ пріѣхалъ ко мнѣ съ государевымъ жалованьемъ, съ хлѣбными запасами, челядникъ мой, и сказывалъ, что въ тѣхъ маетностяхъ мнѣ отказано, и я въ томъ оскорбленъ, потому что Нѣжинскому полковнику Василью Золоторенку данъ Гомль, а протопопу (Максиму) — маетность; а въ началѣ-де моя, Тимоѳеева, служба, а не ихъ». Шереметевъ отписалъ объ этомъ государю и просилъ, что-бы онъ пожаловалъ полковника Тимоѳея Цецюру, велѣлъ ему дать маетность вора и измѣнника Ивашки Нечая, мѣстечко Чечерскъ. Но изъ Москвы полученъ былъ уклончивый отвѣтъ: «Полковнику Тимоѳею о маетностяхъ великого государя указъ будетъ впредь»[298].

Цецюра затаилъ злобу въ сердцѣ, и обстоятельство это, какъ увидимъ ниже, имѣло гибельныя послѣдствія и для царскаго войска, и для самого Шереметева.

Весь іюнь мѣсяцъ Василій Борисовичь Шереметевъ приготовлялся къ дальнему походу. Кромѣ снаряженія войска, онъ приводилъ въ порядокъ и разныя дѣла по воевод-

---

[298] Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII). № 166. л. 112.

ству, которыя, по обстоятельствамъ, не дозволяли дальнѣйшаго отлагательства. Обо всѣхъ своихъ мѣропріятіяхъ и предположеніяхъ, Шереметевъ, для сокращенія переписки, поручилъ стряпчему Головину доложить государю по статьямъ, и въ отвѣтъ получилъ особую записку, въ которой изложены всѣ его статьи, числомъ 36, и царскія помѣты противъ каждой.

Такъ, Шереметевъ просилъ, что-бы великій государь указалъ «товарищамъ его, стольникамъ и воеводамъ князю Юрью Борятинскому да Ивану Чаадаеву, для всякаго времени жить въ Кіевѣ въ Большомъ городѣ и городовымъ ключамъ быть у нихъ по тому-жъ образцу, какъ бываетъ въ Казани и въ Астрахани».

На эту статью отвѣтствовано: «Будетъ въ Большомъ городѣ есть дворы готовые и жилецкимъ людемъ отъ того тѣсноты не будетъ, и тебѣ-бъ, боярину и воеводѣ, учинить о томъ по своему разсмотрѣнію».

— «Въ Кіевѣ — доносилъ Шереметевъ — церкви старыя всѣ развалились, а починить ихъ нечѣмъ, и что-бъ великій государь указалъ на церковное строеніе и на починку извести прислать изъ Трубчевска».

Отвѣтъ: «Великій государь пожаловалъ, на церковное строеніе указалъ изъ Трубчевска извести послать, по разсмотрѣнію, смотря по времени».

— «Въ Кіевѣ, въ Большомъ и въ Маломъ городѣ, для осаднаго времени колодезей мало и тѣ нечищены, а чистить и вновь копать некому и колодезниковъ нѣтъ, и что-бъ великій государь указалъ въ Кіевъ прислать колодезниковъ».

Отвѣтъ: «Великій государь указалъ, въ Кіевъ колодезниковъ послать съ Москвы наемщиковъ».

— «Изъ Кіевскаго солдатскаго полку выбрано солдатовъ и написано въ рейтары въ Кіевъ, на вѣчное житье, 340 человѣкъ».

Отвѣтъ: «Великій государь тебя, боярина и воеводу, похваляетъ милостиво за то, что изъ солдатъ написалъ въ рейтары въ Кіевѣ на вѣчное житье».

— «Въ Кіевѣ въ съѣзжей избѣ подъячихъ мало, дѣлъ дѣлать и писать некому, и что-бы великій государь указалъ въ Кіевъ прислать подъячихъ».

Отвѣтъ: «По указу великого государя, подъячіе въ Кіевъ посланы напередъ сего съ дьякомъ съ Иваномъ Татариновымъ».

Въ особой статьѣ, Шереметевъ доносилъ государю, что онъ съ Кіевскимъ полковникомъ Васильемъ Дворецкимъ, съ Кіево-Печерскимъ архимандритомъ Иннокентіемъ Гиземемъ и съ Нѣжинскимъ протопопомъ Максимомъ «живетъ въ совѣтѣ».

Отвѣтъ: «Великій государь тебя, боярина и воеводу, за то, что ты съ Кіевскимъ полковникомъ съ Васильемъ Дворецкимъ и съ Гизелемъ и съ протопопомъ Максимомъ живешь совѣтно, милостиво похваляетъ. И тебѣ-бъ, бояринъ и воевода, и впредь съ ними жить по тому-жъ совѣтно и великого государя къ милости приводилъ ихъ всячески, что-бъ они его государевою милостію, а твоею ласкою, хвалились».

Далѣе, Шереметевъ просилъ, что-бы «великій государь пожаловалъ, указалъ ему о своихъ, великого государя, о всякихъ дѣлахъ писать, мимо Розряду, въ Приказъ своихъ, великаго государя, тайныхъ дѣлъ, для того: о чемъ-де нынѣ великому государю онъ пишетъ и отписки посылаетъ въ Розрядъ, и по тѣмъ-де его отпискамъ, государева указу къ нему не присылаютъ: а думный дьякъ Семенъ Заборовскій отписки подъ столъ мечетъ, а

великому государю по нихъ не докладываетъ».

Отвѣтъ: «По указу великого государя, въ Розрядѣ приказано, по твоимъ, боярина и воеводы, отпискамъ государю докладывать и указы чинить безволокитно. А для твоей вѣрной и многой службы, великій государь указалъ тебѣ, боярину и воеводѣ, писать въ Приказъ тайныхъ дѣлъ, а въ Розрядъ о томъ писать-же».

— «Въ Кіевѣ, для сбору великого государя денежные казны, устроенъ кружечной дворъ, и собрано денегъ апрѣля съ 1 числа іюня по 1 число 3720 рублевъ».

Отвѣтъ: «Что въ Кіевѣ построилъ для збору великого государя казны кружечной дворъ, и то ты, бояринъ и воевода, учинилъ добро, только нѣтъ-ли отъ того мѣщаномъ какова утѣсненья»?

Шереметевъ доносилъ, что Запорожскіе казаки просятъ, что-бы великій государь ихъ пожаловалъ, «велѣлъ имъ дать свои, великого государя, струги и пороху, для промыслу надъ Крымскими городами, которые отъ нихъ въ близкихъ мѣстехъ, и что-бъ надъ Крымскими людьми чинить промыслъ заодно съ Донскими казаками».

Отвѣтъ: «По указу великого государя, для морского ходу струги посланы въ Кіевъ къ тебѣ, боярину и воеводѣ, съ стольникомъ и воеводою со княземъ Константиномъ Щербатовымъ, съ его, государевыми, ратными людьми и подъ хлѣбными запасы. И какъ стольникъ и воевода съ государевыми ратными людьми и хлѣбными запасы, на стругѣхъ, въ Кіевъ придетъ, и тебѣ-бъ, боярину и воеводѣ, сослався о томъ съ гетманомъ съ Юрьемъ Хмельницкимъ, тѣ струги велѣть проводить въ Кадакъ или въ которомъ мѣстѣ быть имъ пристойнѣе. А для береженья тѣхъ струговъ гетманъ послалъ-бы Черкасъ 200 человѣкъ; а ты-бъ, бояринъ и воевода, въ прибавку государевыхъ ратныхъ людей послалъ 300 человѣкъ; а стоять имъ вмѣстѣ до весны».

До рады, Шереметевъ не могъ еще сказать ничего положительнаго о томъ, въ какомъ порядкѣ выступятъ войска въ Польшу и съ кѣмъ именно. Намеки Цецюры на возможность волненій въ Украйнѣ, не могли не наводить на раздумья и на особыя соображенія. Теперь Шереметевъ даже не зналъ, прійдется ли ему на первыхъ-же порахъ итти самому или же сперва послать своего товарища,

князя Юрья Никитича Борятинскаго, какъ это видно изъ слѣдующей докладной статьи его, писанной, какъ и всѣ прочія вышеприведенныя, въ іюнѣ мѣсяцѣ:

«Какъ, по указу великого государя, пойду я съ государевыми ратными людьми въ войну подъ Польскіе городы, и со мною пойдутъ: товарищъ мой, окольничій и воевода князь Осипъ Ивановичь Щербатовъ, съ товарищи да полковники съ Черкасы: Переяславскій (Цецюра), Нѣжинскій (Золоторенко), Прилуцкій (Терещенко) и Бѣлоцерковскій (Кравченко). А итти мнѣ войною подъ Польскіе городы Полѣсьемъ, подъ Корецъ да подъ Луцкъ, потому что тѣ городы поддались близко. А будетъ подъ тѣ городы самъ не пойду, а пошлю товарища своего, стольника и воеводу князя Юрья Борятинскаго, и съ нимъ пойдутъ тѣ-жъ полковники съ Черкасы. А стольнику и воеводѣ князю Григорью Козловскому, съ своимъ полкомъ, въ то время, для приходу Татарскаго, быть въ Умани; а съ нимъ быть Черкасскимъ полкомъ: Уманскому, Богуну (Паволоцкому) и Браславскому. А какъ-де гетманъ Юрій Хмельницкій пойдетъ въ войну, и съ нимъ пойдутъ Заднѣпровскіе

полки, опричь Бѣлоцерковскаго, Уманскаго, Браславскаго и Богуна»[299].

Рада собралась лишь 7 іюля, подъ городомъ Васильковымъ, при бытности генеральнаго обознаго, судей, всѣхъ полковниковъ и всего товарищества войска Запорожскаго. «По милостивномъ вашего царского пресвѣтлого величества указѣ, — писалъ гетманъ Юрій Хмельницкій государю, отъ 15 іюля,— чинили есмя раду подъ Васильковомъ на Кодачку, 7 дня іюля, съ бояриномъ и воеводою и намѣстникомъ Бѣлоозерскимъ съ Васильемъ Борисовичемъ Шереметевымъ, о цѣлости вашего царского величества Украйны. И постановили есмя, однихъ полковъ войска вашего царского величества Запорожского на Ляховъ вскорѣ наступати; другихъ, взявъ съ собою, хану Крымскому противлятися и отпоръ чинити будемъ»[300].

Когда рада собралась, уже было извѣстно, что въ пограничный городъ Межибожъ пришелъ съ десятитысячнымъ войскомъ великій

---

[299] Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII). № 166. лл. 94. 101. 103. 107/а. 108. 115. 118 и 123.

[300] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. V. Спб. 1867. № 16.

коронный гетманъ Станиславъ Потоцкій и собирается вторгнуться въ Волынь. А потому на радѣ постановили итти въ Польское государство (именно въ Червонную Русь, на Львовъ), нѣсколько въ иномъ направленіи противъ того, какъ предполагалъ Шереметевъ, и при томъ двумя дорогами: Шереметевъ долженъ былъ итти большою дорогою (шляхомъ), на мѣстечко Котельню; а Хмельницкій—Гончарихою[301], на мѣстечко Бердичевъ. Положено было обоимъ отрядамъ соединиться въ мѣстечкѣ Слободищахъ и за тѣмъ, отбросивъ войско Потоцкаго отъ Межибожа, итти далѣе на Львовъ.

Хмельницкій всячески торопилъ Шереметева, а самъ уклонился выступить съ нимъ одновременно, отписавъ, что «итить ему въ походъ недосугъ: управливается съ домашними непріятели»[302]. Нужно сказать, что въ то время Хмельницкій былъ уже въ рукахъ у Поляковъ. Всѣми дѣлами гетманскими заправлялъ генеральный есаулъ Иванъ Ковалевскій, усердный агентъ Бенёвскаго и Вы-

---

[301] Лѣтопись Самовидца. Кіевъ. 1878. стр. 62.

[302] Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII). № 166. л. 279.

говскаго. Войсковой писарь Семенъ Половецъ говорилъ стряпчему Головину, что гетманъ Юрій Хмельницкій самъ по себѣ «вѣренъ великому государю и милости государевы желаетъ, только-де его сбиваетъ и на всякое дурно приводитъ есаулъ Иванъ Ковалевскій»[303]. Беневскій даже прямо стращалъ слабодушнаго Хмельницкаго, «показывая ему, какъ на ладони, на какой тонкой нити виситъ его судьба». Онъ внушалъ юному, болѣзненному[304] гетману, что единственное спасеніе его—«держаться за полы его королевской милости»[305]. Въ отсутствіе Беневскаго, въ томъже духѣ наставлялъ Хмельницкаго, подосланный къ нему самимъ королемъ Польскимъ, монахъ Бузскій.

Польской интригѣ значительно помогло неосторожное слово самого Василья Борисовича Шереметева. Разсказываютъ, что однажды, уже послѣ Васильковской рады, Шере-

[303] Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII). № 166. л. 131.

[304] Хмельницкій страдалъ падучею болѣзнію и грыжей (Памятники, изданные временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Т. IV. Кіевъ. 1859. отд. 3. стр. 34).

[305] Памятники, изданные временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Т. IV. Кіевъ. 1859. отд. 3. стр. 37

метевъ, глядя на невзрачную фигуру Юрья Хмельницкаго, промолвилъ презрительно: «Такому гетманишкѣ гусей пасти, а не гетмановать». Самъ-ли Хмельницкій услышалъ эти слова или ему передали ихъ, но Украинскій писатель позднѣйшаго времени, разсказавъ о семъ случаѣ, заключаетъ: «Якое слово боярское заразъ Хмелниченковѣ донеслося, и не тилко его велми уразило, але и до измѣни намѣренной скорѣйшую подало причину»[306].

Какъ ни спѣшилъ Шереметевъ походомъ, но ничего не могъ сдѣлать, потому что полковники, съ своими полками, вовсе не торопились къ нему въ сходъ, не смотря на то, что «ко всѣмъ къ нимъ писано было о томъ двожды»[307].

По Святомъ Спасѣ (то есть послѣ 6 августа), Григорій Булгаковъ привезъ Василью Борисовичу Шереметеву большое полковое знамя, назначенное, по указу великаго государя, быть съ нимъ въ Польскомъ походѣ.

---

[306] Величко. Лѣтопись событій въ югозападной Россіи, въ XVII вѣкѣ. Т. II. Кіевъ. 1851. стр. 13.

[307] Государственный архивъ: столбцы приказа тайныхъ дѣлъ (разрядъ XXVII). № 166. л. 279.

На зеленой камкѣ привезеннаго знамени вышито было золотомъ и шелками изображенiе грознаго воеводы Архистратига Михаила на конѣ, а въ подножiи его Iисусъ Навинъ, изувающiй сапогъ; въ углу—изображенiе Iисуса Христа въ облацѣ, благословляющаго рукою. По верхней и нижней посеребренымъ каймамъ надписи. На верху: «Небеснаго Царя крѣпкiй и страшный грозный воевода Архангелъ Михаилъ, скоро плѣня, не медля николижъ, всюду готовъ и храбръ на супостаты, яко на облацѣ легцѣ, поднебесную всю просвѣщая сiянiемъ». На нижней каймѣ: «Сего убо грознаго воеводу виде Iисусъ Навинъ, и убояся, и падъ на колѣну свою. И рече ему Архистратигъ: азъ есмь Архангелъ Михаилъ, небесныхъ силъ воевода; прiидохъ на помощь къ тебѣ, изуй сапогъ но́гу твоею, мѣсто на немъ-же стоиши, земля свята есть»[308].

Вслѣдъ за принятiемъ знамени, Василiй Борисовичь Шереметевъ выступилъ изъ Кiева съ государевыми ратными людьми и съ тремя пришедшими къ нему въ сходъ Черкас-

---

[308] Яковлевъ. Древности Россiйскаго государства. Дополненiе къ III отдѣленiю (Русскiя старинныя знамена). М. 1865. стр. 67 (№ 5) и стр. 81 (№ 15).

скими полками: Переяславскимъ (полковника Тимоѳея Цецюры), Миргородскимъ (полковника Павла Апостола) и Кіевскимъ (Василья Дворецкаго). Остальные восемь полковъ должны были притти въ сходъ уже въ походѣ.

За городомъ, на берегу Лыбеди, Шереметевъ далъ прощальный пиръ, на которомъ присутствовало все знѣтнѣйшее духовенство Кіевскихъ монастырей. «При якомъ погуляню и грміотахъ пушечнихъ и мушкетнихъ,—повѣствуетъ Украинскій писатель,—возвисися предъ Господемъ сердце Шереметево». Василій Борисовичь будто-бы сказалъ, обращаясь къ властямъ и указывая на войска: «Слышите, отцы честные, сими мнѣ отъ государя моего врученными войсками всю Польшу обращу въ пепелъ; а самого короля въ серебряныхъ кандалахъ представлю государю». На это одинъ изъ присутствовавшихъ, игуменъ Братскаго монастыря и ректоръ Кіево-Могилянской коллегіи, извѣстный Іоанникій Галятовскій, смиренно замѣтилъ: «Треба о тое Господу Богу молитися, а не на множество силъ уповати»[309].

[309] Величко. Лѣтопись событій въ югозападной Россіи, въ XVII вѣкѣ. Т. II. Кіевъ. 1851. стр. 13.

Могъ-ли Шереметевъ повѣрить, еслибы кто сказалъ, что кандалы предназначены ему самому.

ГЛАВА XIX.

По пути въ Котельню, къ Василью Борисовичу Шереметеву пришли еще три Черкаскіе полка. По необходимости, пришлось собирать войска уже на походѣ, и это очень задерживало движеніе. Между тѣмъ, Шереметева торопили со всѣхъ сторонъ. 8 августа, онъ доносилъ государю, изъ Василькова, съ поручикомъ Исаакомъ Челищевымъ: «Писалъ ко мнѣ гетманъ Юрій Хмельницкій многажды, и полковники и сотники съ порубежныхъ городовъ писали-жъ безпрестанно, что Ляхи и Татарове на Черкасскіе городы наступаютъ, и что-бъ мнѣ противъ нихъ итти вскорѣ и въ Черкасскіе городы не допустить»[310].

---

[310] Портфель Г. Ѳ. Карпова (Выписки изъ дѣлъ Малороссійскаго приказа Московскаго архива министерства юстиціи, столбецъ 5857). тетрадь 1.

Но самъ Хмельницкій не трогался съ мѣста да и князь Григорій Аѳанасьевичь Козловскій прибылъ къ Шереметеву въ сходъ изъ Умани лишь 15 августа, подъ мѣстечкомъ Котельнею. Здѣсь Шереметевъ произвелъ смотръ всему собравшемуся войску. Польскій писатель Зеленевичь[311], описывая этотъ смотръ, со словъ очевидца, говоритъ слѣдующее:

«Войско было отличное и многочисленное. Конница щеголяла множествомъ чистокровныхъ лошадей и хорошимъ вооруженіемъ. Ратные люди отчетливо исполняли всѣ движенія, въ точности соблюдая ряды и необходимые размѣры шага и поворота. Когда заходило правое крыло, лѣвое стояло на мѣстѣ въ полномъ порядкѣ, и наоборотъ. Со стороны, эта стройная масса воиновъ представляла прекрасное зрѣлище. Тоже самое и пѣхота. Вообще все войско было хорошо выправлено и обучено. То были не новобранцы, а почти ветераны.

«Сперва проходила превосходная надвор-

---

311 Memorabilis victoria de Szeremetho, exercitus Moschorum duce: armis Joannis Casimiri Poloniarum regis ad Cudnoviam reportata. Cracoviae. 1668. стр. 23—27.

ная рота самого главнокомандующаго, Шереметева, состоявшая изъ 300 человѣкъ. За тѣмъ слѣдовалъ полкъ отлично вооруженныхъ дворянъ, состоявшій изъ осьми взводовъ, по сту человѣкъ въ каждомъ. Далѣе, три тысячи всадниковъ въ латахъ, съ великолѣпнымъ оружіемъ и на превосходныхъ лошадяхъ.

«Между военачальниками не было недостатка въ Нѣмцахъ и прочихъ иноземцахъ. Первымъ изъ нихъ шелъ Фанъ-Стаденъ, съ тысячью пѣшихъ людей, имъ самимъ обученныхъ. За нимъ слѣдовали: полковникъ Крафортъ, съ такимъ-же числомъ пѣшихъ людей; полковникъ Яндеръ, съ тысячью драгунъ; фонъ-Ховенъ и Силичь, каждый съ пятью взводами драгунъ, составлявшими вмѣстѣ одинъ полкъ. За ними слѣдовали восемь взводовъ, по сту человѣкъ въ каждомъ, охочекомныхъ драгунъ. Наконецъ, показался Левонтьевичь (?) съ тысячью стрѣльцовъ, весьма искусныхъ въ стрѣльбѣ.

«Такимъ образомъ, собственно у Шереметева насчитывали 9900 ратныхъ людей.

«Далѣе, слѣдовали полки князя Щербатова. Прежде всего смотрѣли его надворную роту, состоявшую изъ двухсотъ лучшихъ

всадниковъ; потомъ пятьсотъ дворянъ подъ своими знаменами, двѣ тысячи превосходно вооруженныхъ всадниковъ и наконецъ, тысячу двѣсти драгунъ. Всѣхъ ратныхъ людей у князя Щербатова было 3900 человѣкъ.

«За тѣмъ, проходило, при торжественныхъ звукахъ трубъ и литавръ, отборное войско князя Козловскаго, только что прибывшее, по приказанію Шереметева, изъ Умани. И тутъ сперва смотрѣли надворную роту воеводы (двѣсти всадниковъ); потомъ дворянъ (три тысячи сто человѣкъ), рейтаръ (тысяча сто человѣкъ) и пѣшихъ воиновъ (тысяча человѣкъ). Всего у князя Козловскаго было 5400 человѣкъ. А у всѣхъ трехъ воеводъ вмѣстѣ 19.200 человѣкъ.

«Отдѣльно смотрѣли казаковъ Цецюры, которыхъ было 30.000 человѣкъ. Но это войско, безпорядочно толпившееся въ полѣ, въ сравненіи съ Московскимъ войскомъ, можно было скорѣе назвать стадомъ барановъ.

«Кромѣ перечисленныхъ царскихъ ратныхъ людей и казаковъ, при обозѣ Шереметева слѣдовалъ въ порядкѣ еще особый отрядъ Московскаго войска, въ которомъ было болѣе 12.000 человѣкъ».

И такъ, по свидѣтельству Зеленевича, у Василья Борисовича Шереметева всего войска было нѣсколько болѣе 61.000 человѣкъ. Безъ малаго столько-же показывали, по приказанію гетмана Юрья Хмельницкаго, и Запорожскіе посланцы въ Москвѣ. Они объявили въ Посольскомъ приказѣ, что бояринъ Василій Борисовичь Шереметевъ пошелъ противъ коронаго войска съ одиннадцатью Черкасскими полками и что у него вся ратная сила состояла изъ 60.000 человѣкъ[312].

Другіе-же Польскіе современные писатели говорятъ, что у Шереметева было 100.000 ратныхъ людей[313].

Все это весьма преувеличено. Самъ Шереметевъ доносилъ государю, отъ 9 сентября, что съ нимъ и съ его товарищами «государе-

---

[312] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. V. Спб. 1867. № 14. стр. 28. столб. 1.

[313] Darowski. Compendium bellorum in Polonia gestorum ab anno 1647 ad annum 1661 (Рукопись Римскаго архива іезуитовъ). глава 3.—Swirski. Relatio historica belli Szeremetici, gesti Anno 1660. Zamosci. 1661.—Неизвѣстный авторъ брошюры: Journal de ce qui s'est passé, entre l'armée des Polonois et celle des Moscovites, depuis le 9 Septembre dernier (Paris. 1660).

Долгъ глубочайшей признательности побуждаетъ насъ заявить, что и для настоящей книги статьи изъ иностранныхъ источниковъ выбраны и сообщены намъ въ переводахъ на Русскій языкъ почтеннымъ хранителемъ отдѣленія Russica императорской публичной библіотеки Карломъ Θедоровичемъ Феттерлейномъ.

выхъ ратныхъ разныхъ чиновъ людей въ походѣ, Русскихъ 15.031 человѣкъ; да съ наказнымъ гетманомъ съ Цецюрою 6 полковъ конныхъ и пѣшихъ, а въ нихъ 20.000 Черкасъ [314].

Вѣрность этого показанія подтверждается, между прочимъ, тѣмъ, что и польный писарь Янъ Сапѣга, которому, конечно, не было никакой надобности уменьшать численность непріятельскаго войска, въ своемъ письмѣ, отъ $^{10}/_{20}$ декабря 1660 года, говоритъ, не принимая въ расчетъ убыли, что у Шереметева было всего, съ казацкими полками, именно 35.000 человѣкъ [315]. Немногимъ болѣе значится въ оффиціальной реляціи изъ Польскаго лагеря. Тамъ сказано, что у Шереметева было всего 40.000 человѣкъ [316].

Съ такимъ-то войскомъ Василью Борисовичу Шереметеву пришлось, въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ, при самыхъ бѣдственныхъ условіяхъ, бороться съ непріятелемъ, ровно вдвое сильнѣйшимъ, съ соединеннымъ

---

314 Портфель Г. Ѳ. Карпова (Выписки изъ Крымскихъ дѣлъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. связка № 53). тетрадь 14.

315 Памятники, изданные временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Т. IV. Кіевъ. 1859. отд. 3. стр. 66.

316 Acta historica res gestas Poloniae illustrantia. Volumen II. Tomi I. pars. 1. Cracoviae. 1880. стр. 174.

Польско-Татарскимъ войскомъ въ 70.000 человѣкъ. Эту послѣднюю цыфру мы приводимъ со словъ лица, заслуживающаго полнаго довѣрія, именно войсковаго писаря Семена Голуховскаго[317], который, въ письмѣ къ стольнику Ивану Ивановичу Чаадаеву, отъ 24 октября 1660 года, писалъ слѣдующее: «О войску Польскомъ чиню вѣдомо, ижъ по правдѣ есть, якъ Бога боюся: пѣшихъ и конныхъ съ тридцать тысячъ, а орды Крымской Нагайской есть ижъ сорокъ тысячъ»[318].

Въ концѣ-концовъ Шереметевъ былъ сраженъ, но не столько превосходствомъ силъ непріятеля, сколько казацкою измѣною и голодомъ. Самъ непріятель, изумленный подвигомъ Шереметева, и послѣ постигшаго его злоключенія, говорилъ, что это «полководецъ искусный и испытанной храбрости»[319].

Историческій эпизодъ, который мы собираемся описывать, современнымъ Польскимъ

---

[317] Беневскій со злобою говорилъ о немъ: «Писарь Семенъ весь принадлежитъ царю и поставленъ царемъ» (Памятники, изданные временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Т. IV. Кіевъ. 1859. отд. 3. стр. 37).

[318] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. V. Спб. 1867. стр. 41. столб. 2.

[319] Zieleniewicius. Memorabilis victoria de Szeremetho. Cracoviae. 1668. стр. 1.

писателемъ названъ именемъ его главнаго героя: Шереметевскою войною. «Эта Шереметевская война, — повѣствуетъ епископъ Николай Свирскій,—занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи войнъ. Я называю ее Шереметевскою войною, ибо нельзя же назвать сіе битвою, такъ какъ въ теченіе почти шестидесяти дней, двѣсти тысячъ людей четырехъ націй (Поляки, Татары, Москвовиты и Казаки) сражались почти каждый день, каждый часъ»[320].

Прежде чѣмъ приступимъ къ изложенію всѣхъ перепетій этой кровавой эпопеи, оставимъ на время Шереметева, расположившагося, въ ожиданіи Юрія Хмельницкаго, лагеремъ подъ Котельнею, и посмотримъ, что́ дѣлалось за все это время на Польской сторонѣ. Тамъ носился злой духъ Выговскаго, сгоравшаго жаждою мести за утерянное гетманство. Хорошо зная пылкій, стремительный нравъ Шереметева, его самоувѣренность, Выговскій, при содѣйствіи Бенёвскаго и Украинскихъ приспѣшниковъ, исподоволь подготовлялъ ему поистинѣ адскую западню.

[320] Swirski. Relatio historica belli Szeremetici, gesti Anno 1660. Zamosci. 1661.

Благопріятное время для нашего похода въ Польшу уже миновало. Безпорядки въ Польскомъ войскѣ, по случаю неполученія выслуженнаго жалованья, были прекращены выдачею солдатамъ квитанцій изъ государственнаго казначейства, съ ручательствомъ самого короля, что по этимъ документамъ все будетъ уплачено сборщиками податей[321]. А успѣхъ Польскаго оружія въ Бѣлоруссіи, главнымъ образомъ, побѣда, одержанная надъ княземъ Иваномъ Андреевичемъ Хованскимъ, подъ Ляховичами, окончательно заглушили ропотъ въ войскѣ и подняли его упавшій духъ. Приказъ о походѣ въ Украйну былъ принятъ съ восторгомъ. «Тамъ, — говорилъ великій маршалъ и польный гетманъ Юрій Любомирскій,—мы вознаградимъ себя за всѣ лишенія»[322]!

Выговскій оказалъ въ то время большую услугу Рѣчи Посполитой. Онъ употребилъ всѣ силы своего пронырливаго ума для обезпеченія ей успѣха въ Украйнѣ. Были пущены въ ходъ всевозможныя средства. Украйну на-

[321] Zieleniewicius. Memorabilis victoria de Szeremetho. Cracoviae. 1668. стр. 35—37.

[322] Тамъ-же, стр. 30.

воднили лазутчики, присылавшіе весьма точныя свѣдѣнія о всѣхъ намѣреніяхъ и распоряженіяхъ Шереметева, о малѣйшемъ движеніи царскаго войска, объ его численности и тому подобное; а вмѣстѣ съ тѣмъ распускали въ странѣ самые превратные слухи о положеніи дѣлъ въ Польшѣ, объ ея войскѣ, нарочно уменьшая его численность. На сколько были искусны лазутчики Выговскаго, можно судить по разсказу Польскаго писателя объ одномъ изъ нихъ, по имени Дейнекъ. Этотъ разными хитростями вкрался въ довѣренность и «знатнѣйшихъ лицъ Московскаго войска», и простыхъ казаковъ. Будучи Полякомъ, Дейнекъ въ совершенствѣ владѣлъ Русскимъ языкомъ, и смотрѣлъ истымъ Запорожцемъ. Въ казацкомъ кругу онъ слылъ весельчакомъ, игралъ на балалайкѣ и участвовалъ на всѣхъ пирушкахъ, но при этомъ изловчался, вмѣсто горѣлки, пить простую воду[323].

Дѣло не обошлось и безъ подкуповъ казацкой старшины. Въ одномъ письмѣ, отъ 25 сентября (4 октября) 1660 года, писанномъ нѣкоею «знатною особою», прямо говорилось,

---

[323] Zieleniewicius. Memorabilis victoria de Szeremetho. Cracoviae. 1668. стр. 1—6.

что Выговскій «опять собираетъ казаковъ, стараясь привлечь ихъ на свою сторону подарками»[324].

Выговскій-же былъ главнымъ посредникомъ и въ устройствѣ союза Рѣчи Посполитой съ Крымскими Татарами. «При Татарскихъ войскахъ,—убѣждалъ онъ великаго короннаго канцлера Пражмовскаго, — мы славно поразимъ изнуренныя силы казацкія; и если Москва еще разъ понесетъ пораженіе, подобное Конотопскому, то сама прибѣгнетъ къ миру»[325]. Выговскій велъ дѣятельную переписку съ самимъ ханомъ Мухаммедъ-Гиреемъ и почти со всѣми его приближенными. Изъ перехваченныхъ Крымскихъ писемъ къ Выговскому выяснилось, что огромное Татарское войско уже нѣсколько мѣсяцевъ было совсѣмъ готово итти на помощь къ коронному гетману Станиславу Потоцкому, но что Выговскому все не удавалось склонить Рѣчь Посполитую принять условія союза, предлагаемыя Татарами. «Войска наши,—писалъ Крым-

---

[324] Ausszug eines aussführlichen Schreibens, von vornehmer Hand auss Sambor. 1660.

[325] Памятники, изданные временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Т. IV. Кіевъ. 1859. отд. 3. стр. 12.

скій ханъ Выговскому, около 15 іюля, — уже нѣсколько мѣсяцевъ въ Бѣлѣгородѣ стоятъ, ожидаючи вѣдомости; обнищали и сами наги суть, такъ долго на одномъ мѣстѣ стоячи безъ дѣла. Никогда того не слышали есмя и не видѣли, что-бъ орды такъ долго на одномъ мѣстѣ на становищѣ стояли. Зима напрасне прошла, а такоже и весна и пол-лѣта уже миновалось; а покамѣстъ ихъ милость рушатся и въ Украйну придутъ, приближится къ зимѣ и наступятъ времена дождевыя. Просимъ, договаривайте съ ними о томъ о всемъ, какъ лучше»[326].

Хищниковъ едва сдерживали на мѣстѣ. Они не спускали глазъ съ плодоносной Украйны, предвкушая лакомую добычу. «Съ языковъ видимъ, — писалъ Выговскому Щабалатъ, ага войскъ Буджацкихъ,—какіе ворота отворились для работы, но мы во всемъ лѣниво поступаемъ. Надобная рѣчь, что-бъ ваша милость, милостивые паны, покинули тѣ непотребныя потѣшенія; надобно намъ на коняхъ отвѣтъ пріязни дать. Когда-жъ 80.000

[326] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. V Спб. 1867. стр. 29. столб. 2.

войска на моей головѣ пребываетъ отъ шести мѣсяцевъ, Богъ самъ знаетъ, какую я обиду отъ войска Крымскаго терплю»[327].

Окончательное соглашеніе съ Крымскими Татарами состоялось въ концѣ іюля, когда Польскій дворъ переѣхалъ во Львовъ, по случаю появившейся въ Варшавѣ чумы.

Во Львовѣ нѣсколько разъ собирался военный совѣтъ, на которомъ присутствовалъ самъ король, всѣ сенаторы и польный гетманъ Юрій Любомирскій[328]. Коронный гетманъ Станиславъ Потоцкій не принималъ участія въ совѣтѣ[329]. Въ ожиданіи Татаръ, онъ спѣшилъ сборомъ войска въ Червонной Руси, близъ Тарнополя, куда постепенно прибывали къ нему съ своими полками: польный гетманъ Юрій Любомирскій, столь извѣстный впослѣдствіи Янъ Собѣскій, Яблоновскій, Дмитрій Вишневецкій, Выговскій и другіе. Когда все коронное войско, числомъ около 30.000 человѣкъ, было въ сборѣ, Потоцкій

---

[327] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. V. Спб. 1867. стр. 30. столб. 2.

[328] Darowski. Compendium bellorum in Polonia gestorum ab anno 1647 ad annum 1661 (Рукопись Римскаго архива іезуитовъ). глава 2.

[329] Zieleniewicius. Memorabilis victoria de Szeremetho. Cracoviae. 1668. стр. 28.

перенесъ лагерь въ мѣстечко Межибожъ и разослалъ по Волыни развѣдочные отряды.

Въ 20-хъ числахъ августа, Потоцкій, получивъ извѣстіе, что Крымскіе Татары уже переступили Волоскую границу, пошелъ въ городъ Староконстантиновъ, и тамъ, 28 августа (7 сентября), совершилъ формальный актъ союза съ Татарами, прибывшими въ числѣ 40.000, подъ предводительствомъ султановъ: Саферъ-Гирея и Нурадина. Въ современномъ дневникѣ военныхъ дѣйствій сказано, что сверхъ этихъ сорока тысячъ воинскихъ людей, съ султанами пришло цѣлое «полчище Татаръ, на обязанности коихъ лежало обереганіе добычи, пастьба лошадей и вообще служба при обозѣ»[330].

Въ самый день прихода Татаръ, то есть 28 августа (7 сентября), къ гетману Станиславу Потоцкому прибылъ съ развѣдокъ поручикъ Кржецинскій и привелъ нѣсколько человѣкъ плѣнныхъ, захваченныхъ имъ въ мѣстечкѣ Пяткахъ.

Плѣнные съ пытки сказали, что «Шере-

---

[330] Darowski. Compendium bellorum in Polonia gestorum ab anno 1647 ad annum 1661 (Рукопись Римскаго архива іезуитовъ). глава 3.

метевъ съ сильнымъ войскомъ, въ 80.000 отлично вооруженныхъ ратныхъ людей, съ 40 орудіями и 20.000 казаковъ, подъ начальствомъ Цецюры, идутъ на Чудново».

Это показаніе устрашенныхъ пытками плѣнниковъ, и послужило Польскимъ писателямъ основаніемъ къ опредѣленію численности войска Шереметева во сто тысячъ человѣкъ, тогда какъ у него было, какъ мы говорили выше, всего 35.000 [331].

Дальнѣйшія показанія плѣнныхъ представляются болѣе правдоподобными. Они говорили, что «Шереметевъ остается въ убѣжденіи, что коронный гетманъ до сихъ поръ стоитъ у Тарнополя и собралъ у себя едва-едва шесть тысячъ человѣкъ; а польный гетманъ Любомирскій, по его свѣдѣніямъ, стоитъ далеко отсюда, по ту сторону Вислы». Плѣнные утверждали, что «Шереметевъ собирается прямо итти на Тарнопольское войско и, разбивъ его, направиться ко Львову и Кракову». Въ дневникѣ военныхъ дѣйствій ска-

[331] Попадавшіеся и къ намъ языки, «съ пытки говорили въ роспросѣ впрямь, что пришли на боярина Василья Борисовича Шереметева тысячъ съ сто Крымскихъ людей; а Нѣмецъ и Ляховъ съ гетманы и съ Выговскимъ—многіе люди» (Портфель Г. Ѳ. Карпова: Выписки изъ дѣлъ Малорос. приказа Московск. архива юстиціи. 5857).

зано, что, кромѣ того, отъ плѣнныхъ выпытали, что къ Шереметву скоро прибудетъ со всѣмъ своимъ войскомъ гетманъ Юрій Хмельницкій [332].

---

[332] Darowski. Compendium bellorum in Polonia gestorum ab anno 1647 ad annum 1661 (Рукопись Римскаго архива іезуитовъ). глава 3.

ГЛАВА XX.

Василій Борисовичь Шереметевъ, окруженный лазутчиками Выговскаго, дѣйствительно сталъ получать весьма неточныя вѣсти о непріятелѣ. Онъ вовсе не зналъ, напримѣръ, о приходѣ къ Потоцкому польнаго гетмана Юрья Любомирскаго съ 17.000-ми «отборнаго войска»[333]. О Татарахъ-же ему твердили одно, что они все еще «стоятъ на Волоской границѣ, а къ Ляхамъ не пойдутъ, для того, что послышали казацкій походъ». Для предупрежденія набѣга казаковъ, Татары, дѣйствительно, остались на Волоской границѣ, но только въ числѣ сорока тысячъ; другія-же сорокъ тысячъ, какъ мы видѣли, уже соединились съ

---

[333] Darowski. Compendium bellorum in Polonia gestorum ab anno 1647 ad annum 1661 (Рукопись Римскаго архива іезуитовъ). глава 3.

Потоцкимъ, который, договорившись съ султанами о планѣ военныхъ дѣйствій, возвратился къ своему войску въ Межибожъ.

Шереметевъ, не получая никакихъ извѣстій объ гетманѣ Юрьѣ Хмельницкомъ, которому, по времени, давно-бы пора было приблизиться къ условленному мѣсту соединенія, къ мѣстечку Слободищамъ, тотчасъ-же послѣ смотра послалъ въ ту сторону полковниковъ Скорнякова-Писарева и фонъ-Ховена, съ отрядомъ ратныхъ людей, поручивъ имъ развѣдать о Хмельницкомъ, а также о намѣреніяхъ непріятеля. Совершенно неожиданно полковники встрѣтили за мѣстечкомъ Бердичевымъ, на рѣчкѣ Гончарихѣ, Польскій развѣдочный отрядъ вышеупомянутаго поручика Кржецинскаго, въ которомъ были и Татары, постоянно находившіеся при Станиславѣ Потоцкомъ. Произошла первая схватка съ непріятелемъ, окончившаяся полнымъ пораженіемъ Польскаго отряда. Одинъ изъ участниковъ этого дѣла, ротмистръ Григорій Васильевичъ Грецовъ, былъ отправленъ въ Москву съ сеунчемъ, въ которомъ сказано было, что «по посылкѣ боярина Василья Борисовича Шереметева полковниковъ Скорнякова-Писа-

рева да Ягана фонъ-Ховена, за мѣстечкомъ Бердичевымъ, на рѣчкѣ Гончарихѣ, Татаръ и Ляховъ многихъ побили и языковъ взяли 7 человѣкъ».

Отъ захваченныхъ въ плѣнъ Татаръ, Шереметевъ впервые узналъ о приходѣ къ Полякамъ вспомогательнаго Татарскаго войска. Но плѣнные Татары показали весьма хитро, что съ султаномъ Нурадиномъ пришло Татаръ съ двадцать тысячъ»[334], не договоривъ, что столько-же пришло и съ Саферъ-Гиреемъ.

Между тѣмъ, 27 августа, Василій Борисовичь Шереметевъ получилъ наконецъ листъ отъ гетмана Юрья Хмельницкаго, въ которомъ тотъ писалъ, что «подсыльные языки сказывали ему, что Ляхи и Татарове со многими силами на государевы Черкасскіе городы наступаютъ, и ему-бъ, боярину, съ товарищи итти противъ Ляховъ и Татаръ къ Межибожу, не мѣшкавъ, что-бъ ихъ попередить и до Черкасскихъ городовъ воевать не допустить и для всякого умыслу сойтиться не дать; а

[334] Портфель Г. Ѳ. Карпова (Выписки изъ дѣлъ Малороссійскаго приказа Московскаго архива министерства юстиціи, столбецъ 5857). тетрадь 1. За сеунчь ротмистръ Грецовъ получилъ изъ приказа Большого прихода 10 рублевъ.

Потоцкимъ, который, договорившись съ султанами о планѣ военныхъ дѣйствій, возвратился къ своему войску въ Межибожъ.

Шереметевъ, не получая никакихъ извѣстій объ гетманѣ Юрьѣ Хмельницкомъ, которому, по времени, давно-бы пора было приблизиться къ условленному мѣсту соединенія, къ мѣстечку Слободищамъ, тотчасъ-же послѣ смотра послалъ въ ту сторону полковниковъ Скорнякова-Писарева и фонъ-Ховена, съ отрядомъ ратныхъ людей, поручивъ имъ развѣдать о Хмельницкомъ, а также о намѣреніяхъ непріятеля. Совершенно неожиданно полковники встрѣтили за мѣстечкомъ Бердичевымъ, на рѣчкѣ Гончарихѣ, Польскій развѣдочный отрядъ вышеупомянутаго поручика Кржецинскаго, въ которомъ были и Татары, постоянно находившіеся при Станиславѣ Потоцкомъ. Произошла первая схватка съ непріятелемъ, окончившаяся полнымъ пораженіемъ Польскаго отряда. Одинъ изъ участниковъ этого дѣла, ротмистръ Григорій Васильевичь Грецовъ, былъ отправленъ въ Москву съ сеунчемъ, въ которомъ сказано было, что «по посылкѣ боярина Василья Борисовича Шереметева полковниковъ Скорнякова-Писа-

рева да Ягана фонъ-Ховена, за мѣстечкомъ Бердичевымъ, на рѣчкѣ Гончарихѣ, Татаръ и Ляховъ многихъ побили и языковъ взяли 7 человѣкъ».

Отъ захваченныхъ въ плѣнъ Татаръ, Шереметевъ впервые узналъ о приходѣ къ Полякамъ вспомогательнаго Татарскаго войска. Но плѣнные Татары показали весьма хитро, что съ султаномъ Нурадиномъ пришло Татаръ съ двадцать тысячъ»[334], не договоривъ, что столько-же пришло и съ Саферъ-Гиреемъ.

Между тѣмъ, 27 августа, Василій Борисовичь Шереметевъ получилъ наконецъ листъ отъ гетмана Юрья Хмельницкаго, въ которомъ тотъ писалъ, что «подсыльные языки сказывали ему, что Ляхи и Татарове со многими силами на государевы Черкасскіе городы наступаютъ, и ему-бъ, боярину, съ товарищи итти противъ Ляховъ и Татаръ къ Межибожу, не мѣшкавъ, что-бъ ихъ попередить и до Черкасскихъ городовъ воевать не допустить и для всякого умыслу сойтиться не дать; а

---

[334] Портфель Г. Ѳ. Карпова (Выписки изъ дѣлъ Малороссійскаго приказа Московскаго архива министерства юстиціи, столбецъ 5857). тетрадь 1. За сеунчь ротмистръ Грецовъ получилъ изъ приказа Большого прихода 10 рублевъ.

онъ, гетманъ, съ полками своими сойдется съ нимъ, бояриномъ, подъ Межибожемъ»[335].

Шереметевъ тотчасъ-же собралъ военный совѣтъ. Первымъ говорилъ полковникъ Цецюра, но онъ не высказалъ своего прямого мнѣнія, а только восхвалялъ добрыя качества царскаго войска. Послѣ Цецюры говорилъ князь Григорій Аѳанасьевичь Козловскій, который, по словамъ Польскаго писателя, былъ «человѣкомъ обширнаго ума и свѣдущимъ въ военныхъ дѣлахъ». Князь Козловскій, какъ-бы въ предвидѣніи бѣды, рѣшительно высказался противъ наступательныхъ дѣйствій, противъ похода въ Польшу. «Не такова сила Московскаго войска,—говорилъ онъ,—и можно-ли предпринимать что нибудь, когда даже ничего неизвѣстно о численности непріятеля»! По мнѣнію князя Козловскаго, было-бы гораздо полезнѣе занять всю Украйну, укрѣпивъ ее сильными гарнизонами. Поляки-де сами придутъ. Несравненно выгоднѣе ожидать ихъ въ надежныхъ мѣстахъ, чѣмъ выводить войско въ открытое поле и подвергать его

---

[335] Портфель Г. Ѳ. Карпова (Выписки изъ дѣлъ Малороссійскаго приказа Московскаго архива министерства юстиціи, столбецъ 5857). тетради 1 и 2.

явной опасности. Особенно рѣзко говорилъ князь Козловскій о казакахъ, составлявшихъ большинство въ войскѣ Шереметева. «Нельзя — сказалъ онъ — полагаться на вѣрность казаковъ, которые весьма легко передаются въ ту или другую сторону. Къ кому только изъ государей ни обращались они, каждый разъ вѣроломно нарушая данную присягу. Видѣлъ ихъ предъ собою и Турокъ просящими о помощи; Татаринъ бывалъ обманываемъ ихъ непостоянствомъ; князь Трансильванскій Ракочи терпѣлъ столько пораженій, благодаря ихъ вѣроломству. А Шведъ, развѣ могъ воспользоваться ихъ многообѣщающею дружбою? Нашъ-же царь вдоволь испыталъ, что такое казацкая вѣрность и какъ она гибка».

Шереметевъ, поддерживаемый княземъ Осипомъ Ивановичемъ Щербатовымъ, горячо возражалъ князю Козловскому. Онъ удивлялся, почему нужно ожидать королевское войско въ Украйнѣ. «У царя нашего—говорилъ онъ — такъ много денегъ, оружія, людей и всякихъ военныхъ снарядовъ, что даже такое пораженіе, какое понесъ князь Хованскій въ Литвѣ, не должно имѣть большого значенія. Царское величество можетъ по два раза

въ мѣсяцъ производить наборы въ своихъ областяхъ и весьма легко вооружитъ новыя войска. А между тѣмъ, королевскія войска въ разбродѣ и, сколько мнѣ извѣстно, соберутся еще нескоро. Города и крѣпости Польскаго государства сдадутся при одномъ появленіи царскаго войска. Я знаю слабыя стороны королевскаго войска, и самъ себя упрекну въ недостаткѣ мужества, если теперь-же не двинусь въ самое сердце Польши». Польскій писатель, приведя эту рѣчь, заключаетъ: «Говоря такъ самоувѣренно, Шереметевъ не зналъ, что ему предназначена печальная Иліада бѣдствій, въ отмщеніе за дерзкую надменность»[336].

Какъ бы то ни было, но Василій Борисовичъ Шереметевъ настоялъ на своемъ, и 27 августа, «прося у Бога милости, выступилъ съ товарищами и ратными людьми изъ-подъ

---

[336] Свѣдѣнія о смотрѣ Шереметева и объ упомянутомъ военномъ совѣтѣ взяты нами у Зеленевича (Memorabilis victoria de Szeremetho, exercitus Moschorum duce: armis Joannis Casimiri Poloniarum regis ad Cudnoviam reportata. Cracoviae. 1668. стр. 8—27). Въ разсказѣ автора нѣсколько спутана хронологія. Такъ, военный совѣтъ у него предшествовалъ смотру. Повѣствованіе Зеленевича, не взирая на его преувеличенія и неточности въ подробностяхъ, важно для насъ уже потому, что оно есть живой отпечатокъ слуховъ и сужденій Польскаго общества, современнаго описываемымъ событіямъ.

Котельни въ Межибожъ», куда и расчитывалъ прибыть, по соединеніи съ Хмельницкимъ, 5 или 6 сентября.

Въ мѣстечкѣ Чудновѣ, 2 сентября, Шереметевъ получилъ изъ-подъ города Бара отписку четырехъ полковниковъ: Уманскаго Михайла Ханенки, Браславскаго Михайлы Зеленскаго, Подольскаго Евстафія Гоголя и Кальницкаго Ивана Вертелецкаго. Полковники писали, что «они, съ полками своими, стоятъ подъ Барами, надъ Маковцами, отъ Межибожа въ 25 верстахъ, а ожидаютъ отъ него, боярина Василья Борисовича, и отъ полковника Тимоѳея Цецюры[337] письма; а какъ дождутся письма, и они къ нему, боярину, къ Межибожу пойдутъ». Полковникамъ было отписано, что-бы они, съ полками своими, сходились къ Межибожу 5 или 6 сентября[338].

Какъ бы искусно ни утаивали Польскіе гетманы свои движенія и свои силы, все-таки остается непонятнымъ, какимъ образомъ означенные полковники, стоявшіе такъ близко

---

[337] Цецюра назначенъ былъ наказнымъ гетманомъ тѣхъ Черкасскихъ полковъ, которые пошли съ Шереметевымъ.

[338] Портфель Г. Ѳ. Карпова (Выписки изъ дѣлъ Малороссійскаго приказа Московскаго архива министерства юстиціи, столбецъ 5857). тетради 1 и 2.

отъ Межибожа, могли не знать, что въ то время, какъ они отправляли отписку къ Шереметеву, Польскаго войска уже не было въ Межибожѣ. При первомъ-же извѣстіи о движеніи Шереметева изъ Котельни, оно выступило въ Староконстантиновъ и тамъ соединилось съ Татарскимъ войскомъ, для совокупныхъ дѣйствій, подъ главнымъ начальствомъ великого короннаго гетмана Станислава Потоцкаго.

30-го августа (9 сентября), у Польскихъ гетмановъ былъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшили перенести лагерь на равнину рѣчки Гончарихи[339], чтобы отрѣзать Шереметева отъ Хмельницкаго и не дать имъ соединиться.

2 (12) сентября, въ тотъ самый день, какъ Шереметевъ получилъ изъ Баръ вышеприведенную отписку казацкихъ полковниковъ, семидесятитысячное Польско-Татарское войско расположилось на Гончарихскихъ поляхъ, всего въ 20 верстахъ отъ Чуднова. Самъ непріятель съ удивленіемъ узналъ о такой близости царскаго войска лишь на другой день

---

[339] Swirski. Relatio historica belli Szeremetici. Zamosci. 1661.

утромъ и сейчасъ-же въ боевомъ порядкѣ двинулся на встрѣчу Шереметева[340].

Отсюда собственно начинается «Иліада бѣдствій» Шереметева. Казалось, все вооружилось противъ него, даже сама природа. Послѣ страшной лѣтней засухи, быстро наступила ненастная, осенняя погода съ мокрыми дождями. Жители окрестныхъ мѣстечекъ, селъ и деревень, заслышавъ о необычайномъ наплывѣ войскъ, главное, съ Татарами, въ ужасѣ разбѣжались въ стороны, зарывъ въ ямы свое имущество и хлѣбные запасы.

Шереметевъ, все еще не теряя надежды на соединеніе съ Хмельницкимъ, сначала хотѣлъ пройти къ Межибожу кратчайшею дорогою, низами, между мѣстечками Любаромъ и Краснополемъ[341], но, узнавъ о сосредоточеніи Поляковъ и Татаръ на Гончарихскихъ поляхъ, 4 (14) сентября быстро двинулся прямо къ Любару. Не доходя 5 верстъ до сего мѣстечка, въ урочищѣ на рѣкѣ Шкуратовкѣ[342],

---

[340] Journal de ce qui s'est passé, entre l'armée des Polonois et celle des Moscovites (Paris. 1660).

[341] Darowski. Compendium bellorum iu Polonia gestorum ab anno 1647 ad annum 1661. глава 3.

[342] Портфель Г. Ѳ. Карпова (Выписки изъ дѣлъ Малороссійскаго приказа Московскаго архива министерства юстиціи, столб. 5857). тетрадь 4.

въ открытомъ полѣ, Шереметевъ имѣлъ первый кровопролитный бой съ непріятелемъ, встрѣтившимъ его здѣсь въ полномъ боевомъ порядкѣ. На правомъ крылѣ шелъ великій коронный гетманъ Станиславъ Потоцкій, поддерживаемый одною половиною Татаръ, съ султаномъ Нурадиномъ; на лѣвомъ крылѣ — польный гетманъ Юрій Любомирскій, съ другою половиною Татаръ Саферъ-Гирея. Въ серединѣ слѣдовали пѣхотные полки съ нарядомъ. Бой продолжался до глубокой ночи. Наши удержали поле битвы за собою.

Самъ Шереметевъ такъ разсказывалъ о событіяхъ этого труднаго дня въ донесеніи государю: «Изъ подъ Чюднова мы и гетманъ наказный съ полками пошли подъ Межибожъ сентября въ 4 числѣ, и до Межибожа насъ не допустили. Крымскіе люди Нурадынъ да Саферъ-Гирей салтаны и гетманы Польскіе — корунный Станиславъ Потоцкій и польный Юрья Лыбомирскій и измѣнникъ Ивашко Выговскій встрѣтили насъ подъ Любаромъ въ полѣхъ. И бой у насъ съ ними былъ весь день, и на томъ бою Ляховъ и Татаръ многихъ побили. И на тѣхъ поляхъ стали мы и наказный гетманъ обозомъ; а салтаны и гетманы

стали обозомъ своимъ отъ насъ неподалеку и билися съ нами безпрестанно»[343].

На другой день, 5 (15) сентября, Шереметевъ, по показанію состоявшаго въ его войскѣ Переяславскаго казака Демьянки Ѳомина, «хотѣлъ итти къ Любару, но въ ту пору былъ дождь и за тѣмъ, съ того мѣста (гдѣ наканунѣ былъ бой) не пошли, учали дѣлать окопъ»[344].

Земляныя работы производились подъ непрестанными пушечными выстрѣлами непріятеля. Станиславъ Потоцкій, видя разрушительное дѣйствіе снарядовъ и переполохъ въ обозѣ Шереметева, хотѣлъ тогда-же итти на приступъ, но на военномъ совѣтѣ дѣло это было отложено до другого дня, по той причинѣ, что вслѣдствіе распутицы, остававшіеся на Гончарихскихъ поляхъ пѣхотные полки съ боевыми припасами, еще не успѣли прибыть къ главному войску[345].

За ночь наши земляныя работы, главнымъ

---

[343] Портфель Г. Ѳ. Карпова (Выписки изъ дѣлъ Малороссійскаго приказа Московскаго архива министерства юстиціи, столбецъ 5857). тетрадь 1.

[344] Тамъ-же, тетрадь 4.

[345] Darowski. Compendium bellorum in Polonia gestorum ab anno 1647 ad annum 1661. глава 3.

образомъ, устройство вала, подвинулись на столько, что непріятель уже находилъ обозъ Шереметева «недоступнымъ», какъ это сказано въ дневникѣ военныхъ дѣйствій, подъ 6 (16) числомъ сентября[346]. Съ ранняго утра этого дня обстрѣливаніе нашего обоза возобновилось съ удвоенною силою. Одно ядро попало въ палатку самого Василья Борисовича Шереметева[347]. Вслѣдъ за тѣмъ, — доносилъ Шереметевъ государю,—«гетманъ корунный и польный, съ Поляки и Татары, собрався всѣми силами, съ конными и пѣшими людьми и съ пушки, на обозъ къ намъ приходили и къ обозу приступали жестокими приступы. И милостію Божіею и твоимъ, великого государя, счастіемъ, на бояхъ и на приступѣхъ Поляковъ и Татаръ и измѣнника Ивашка Выговскаго казаковъ побили многихъ людей и языковъ поимали»[348].

Шереметевъ не ограничивался обороною въ обозѣ, но неоднократно выступалъ и въ от-

---

[346] Darowski. Compendium bellorum in Polonia gestorum ab anno 1647 ad annum 1661. глава 3.

[347] Swirski. Relatio historica belli Szeremetici, gesti Anno 1660. Zamosci. 1661.

[348] Портфель Г. Ѳ. Карпова (Выписки изъ дѣлъ Малороссійскаго приказа Московскаго архива министерства юстиціи, столбецъ 5857). тетрадь. 1.

крытое поле, лично появляясь въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ. До какой степени онъ мало берегъ себя, можно судить по тому, что непріятелю удалось захватить въ плѣнъ знаменщика, постоянно державшаго надъ нимъ знамя. Знаменщикъ Русскаго главнокомандующаго, какъ почетнѣйшій трофей, былъ немедленно отправленъ къ Польскому королю [349]. Наши должны были отступить въ свой обозъ, но при этомъ отступленіи нанесли большой уронъ непріятелю, какъ это видно изъ слѣдующей записи въ дневникѣ военныхъ дѣйствій Даровскаго: «Пораженный непріятель отступилъ, но сильнымъ орудійнымъ огнемъ привелъ въ безпорядокъ наши ряды. Однако, по Божіей милости, только немногіе были убиты или ранены, хотя даже и высшіе офицеры подвергались величайшей опасности» [350].

Съ наступленіемъ вечера, и Польское войско отступило въ свой лагерь.

Въ слѣдующіе дни, 7 (17) и 8 (18) сентя-

[349] Ausszug eines aussführlichen Schreibens, von vornehmer Hand auss Sambor. 1660.—А Даровскій говоритъ, будто бы этотъ знаменщикъ, по имени Иванъ, самъ сдался непріятелю.

[350] Compendium bellorum in Polonia gestorum ab anno 1647 ad annum 1661. глава 3.

бря, непріятель, усиленною пушечною пальбою по нашему обозу, старался вызвать Шереметева опять въ открытое поле или, какъ выражается Польскій историкъ Коховскій, «выманить лисицу изъ норы»[351]. Шереметевъ, дѣйствительно, выступилъ наконецъ изъ окоповъ и въ полномъ боевомъ порядкѣ приблизился къ наступавшему непріятелю на разстояніе двухъ ружейныхъ выстрѣловъ. Обѣ стороны вступили въ бой, длившійся нѣсколько часовъ. Въ нашихъ источникахъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній объ этомъ боѣ; а въ современномъ письмѣ изъ Самбора, изображено полное разбитіе Русскаго войска, которое будто бы загнано было въ свой обозъ пиками непріятельской конницы. «Считаютъ что на Московитской сторонѣ — читаемъ въ томъ письмѣ — пало три тысячи пятьсотъ человѣкъ; съ нашей-же стороны пало 40 всадниковъ и слишкомъ 80 ранено. А изъ Польскихъ значковъ болѣе сорока повреждено и уничтожено отъ безпрестанной пальбы непріятеля изъ тяжелыхъ орудій». Авторъ письма самъ проговаривается въ концѣ своего описанія и слѣдующими словами невольно

[351] Annales Poloniae. Cracoviae. 1683. стр. 465.

навлекаетъ сомнѣніе на правдивость своего разсказа: «Но армія наша все-таки устояла въ хорошемъ порядкѣ. Много пало Татаръ, такъ какъ они преждевременно бросились на непріятеля и заставили его отступить въ обозъ»[352]. Эти «но» и «все-таки», заставляютъ предполагать, что авторъ чего-то не договорилъ, что дѣло происходило и рѣшилось не совсѣмъ такъ, какъ онъ повѣствуетъ.

Не внушаютъ довѣрія и показанія Польскихъ писателей объ убыли въ войскѣ Шереметева. По ихъ исчисленію, за пять дней, 4 (14)—8 (18) сентября, у насъ погибло въ бояхъ до 10.000 людей. Но передъ нами «Роспись ратнымъ людямъ полку боярина и воеводъ Василья Борисовича Шереметева съ товарищи, которые на бояхъ и въ приступъ къ обозу побиты и въ полонъ взяты и ранены, въ 169 году, сентября съ 4 числа по 8-е».

Въ этой росписи, представленной царю Алексѣю Михайловичу при отпискѣ Шереметева[353], показаны убитыми: Московскій дво-

[352] Ausszug eines aussführlichen Schreibens, von vornehmer Hand auss Sambor. 1660.

[353] Портфель Г. Ѳ. Карпова (Выписки изъ дѣлъ Малороссійскаго приказа Московскаго архива министерства юстиціи, столбецъ 5857). тетрадь 1.

рянинъ Захарій Семеновичь Бартеневъ; сотникъ Московскихъ стрѣльцовъ Андрей Теглевъ; 14 человѣкъ городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ; рейтарскаго строя: ротмистръ Гавріилъ Борисовичь Беречинскій, 1 поручикъ, 1 полковой квартирмейстеръ и 69 человѣкъ рейтаръ; драгунскаго строя: 1 поручикъ и 37 драгунъ; солдатскаго строя: 1 квартирмейстеръ, 3 прапорщика, 28 солдатъ и 1 даточный. И того 159 человѣкъ.

Въ полонъ взято: 4 человѣка городовыхъ дѣтей боярскихъ, 2 рейтара и 3 драгуна. И того 9 человѣкъ.

Ранено: стряпчій Аѳанасій Елизарьевичь Лавровъ и 480 ратныхъ людей. И того 481 человѣкъ.

И такъ, всей убыли было 649 ратныхъ людей[354]. Правда, въ этотъ счетъ не включены

---

[354] Можно ручаться за точность донесеній царскихъ воеводъ о количествѣ убыли ратныхъ людей. «Отъ вѣка того не слыхано, чтобы природные холопи государю своему, въ ратномъ дѣлѣ, въ находкахъ и въ потеркахъ, писали неправдою и лгали». Такъ собственноручно писалъ, въ 1659 году, царь Алексѣй Михайловичь князю Ивану Ивановичу Лобанову-Ростовскому именно по тому случаю, что въ отпискѣ послѣдняго, по какому-то недоразумѣнію, показано было побитыхъ ратныхъ людей 24 человѣка, тогда какъ, по сказкамъ начальныхъ людей, оказалось, что всѣхъ убитыхъ было 47 человѣкъ (Записки отдѣленія Русской и Славянской археологіи императорскаго Русскаго археологическаго общества. Т. II. Спб. 1861. стр. 743).

казаки Цецюры; но если даже допустить невозможное, что у нихъ погибло вдесетеро болѣе, чѣмъ въ царскомъ войскѣ, то все-таки до десяти тысячъ будетъ еще далеко.

ГЛАВА XXI.

Положеніе Шереметева ухудшалось съ каждымъ днемъ. 9 (19) сентября, онъ получилъ извѣстіе, что гетманъ Юрій Хмельницкій находится отъ него еще въ 90 верстахъ. «Сентября въ 9 числѣ, — доносилъ Шереметевъ государю, — писалъ къ намъ, въ обозъ подъ Любаръ, гетманъ Юрій Хмельницкій, что онъ пришелъ въ мѣстечко Бузовку, отъ обозу нашего въ девяносто верстахъ; а идетъ съ полками на помощь къ намъ. А какъ онъ къ намъ придетъ, и мы, прося у Бога помощи, надъ гетманами и надъ измѣнникомъ Ивашкой Выговскимъ и надъ салтаны промышлять будемъ, сколько Богъ помощи подастъ»[355].

---

[355] Портфель Г. Ѳ. Карпова (Выписки изъ дѣлъ Малороссійскаго приказа Московскаго архива министерства юстиціи, столбецъ 5857). тетрадь 1.

А между тѣмъ, Польское войско еще ближе подошло къ нашему обозу и сильно укрѣпилось валомъ и рвами. Казаки Цецюры нѣсколько разъ ходили ночью на вылазку, но каждый разъ, безъ особеннаго труда, были отбрасываемы назадъ многочисленными Польскими пикетами[356].

Къ довершенію бѣдствій, въ обозѣ Шереметева совсѣмъ истощились конскіе корма; а добывать ихъ на сторонѣ почти не было никакой возможности. Татары, по выраженію Даровскаго, какъ Нумидійцы Ганнибала, укрывались въ засадахъ, въ окрестныхъ лѣсистыхъ горахъ, и зорко стерегли Русскихъ на всѣхъ путяхъ. Шереметевъ доносилъ государю, что «ему даже и съ сеунчемъ послати изъ обозу нельзя, что Татаровя загонные многіе люди дороги отняли; малыми людьми проѣхать нельзя»[357].

9 (19) сентября, по крайней нуждѣ, посланъ былъ изъ обоза трехтысячный отрядъ для добычи конскихъ кормовъ, но его разби-

---

[356] Darowski. Compendium bellorum in Polonia gestorum ab anno 1647 ad annum 1661. глава 3.

[357] Портфель Г. Ѳ Карпова (Выписки изъ дѣлъ Малороссійскаго приказа Московскаго архива министерства юстиціи, столбецъ 5857). тетрадь 1.

ли на-голову Татары, бросившіеся изъ засады. Говорятъ, будто-бы при этомъ Татары положили на мѣстѣ 500 человѣкъ ратныхъ людей, а 400 человѣкъ уволокли съ собою въ плѣнъ[358].

Шереметевъ, зная продажность Татаръ, 10 (20) сентября отправилъ къ султану Нурадину плѣннаго Татарина съ письмомъ, на Татарскомъ языкѣ, въ которомъ именемъ царя предлагалъ подарки и большія деньги, если Татары оставятъ Поляковъ и возвратятся въ Крымъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, посланецъ былъ перехваченъ Поляками. А Нурадинъ, поймавъ въ тотъ-же день другого Шереметевскаго посланца, ѣхавшаго съ отпискою къ Юрью Хмельницкому, по внушенію Поляковъ, повѣсилъ несчастнаго, съ отрѣзанными ушами и носомъ и съ прибитою ко лбу отпискою, на высокой висѣлицѣ, какъ разъ противъ нашего обоза и какъ-бы въ отвѣтъ на письмо Шереметева[359].

Совсѣмъ иной исходъ имѣли происки Поляковъ привлечь на свою сторону казаковъ,

---

[358] Journal de ce qui s'est passé, entre l'armée des Polonois et celle des Moscovites (Paris. 1660).

[359] Darowski. Compendium bellorum in Polonia gestorum ab anno 1647 ad annum 1661. глава 3.

находившихся въ войскѣ Шереметева. Уже давно въ полкахъ Цецюры ходили по рукамъ королевскіе листы, съ увѣщаніями возвратиться къ повиновенію королевской милости и съ обѣщаніями не только полнаго забвенія всѣхъ винъ, но и широкихъ льготъ. Многочисленные Польскіе агенты убѣждали казаковъ бросить Шереметева и нисколько не надѣяться на гетмана Юрья Хмельницкаго, который-де «собралъ и устроилъ войско для своей собственной защиты, а никакъ не для помощи Шереметеву»[360]. Подъ давленіемъ этихъ внушеній, казаки, по свидѣтельству епископа Николая Свирскаго, съ первыхъ-же дней Любарской стоянки, «упали духомъ и думали болѣе о бѣгствѣ и перебѣгствѣ, чѣмъ о битвѣ»[361].

Дѣйствительно, много казаковъ перебѣгало въ королевское войско; а другіе, при всей опасности попасть въ руки Татаръ, уходили домой «обходами, черезъ лѣса и горы»[362].

---

360 Zieleniewicius. Memorabilis victoria de Szeremetho. Cracoviae. 1668. стр. 69 и 70.

361 Relatio historica belli Szeremetici, gesti Anno 1660. Zamosci. 1661.

362 Zieleniewicius. Memorabilis victoria de Szeremetho. Cracoviae. 1668. стр. 70.

Казаки, возвращавшіеся домой, разсказывали объ ужасномъ положеніи войска Шереметева, и ихъ разсказы тяжко дѣйствовали на настроеніе умовъ всей Украйны. Цѣнность Русскихъ денегъ опять упала, чтó грозило большими бѣдствіями оставшемуся тамъ царскому войску. «Въ Кіевѣ,—доносили государю князь Юрій Никитичь Борятинскій и Иванъ Ивановичь Чаадаевъ, — послѣ боярина Василья Борисовича осталось хлѣбныхъ запасовъ 2639 четвертей да 2000 рублевъ серебряныхъ денегъ. И мы посылали на тѣ деньги купить хлѣбныхъ запасовъ начальныхъ людей въ розные городы и мѣстечка; и начальные люди въ городѣхъ и мѣстечкахъ хлѣба не купили, что хлѣба на торгъ возятъ мало и продаютъ дорогою цѣною. А въ Кіевъ на торгъ хлѣбныхъ запасовъ возятъ мало-жъ и продаютъ въ Кіевѣ осмачку[363] въ три рубли и больши. А безъ твоихъ, государевыхъ, хлѣбныхъ запасовъ въ Кіевѣ быть не мочно, потому что многіе ратные люди голодны и приходятъ къ намъ безпрестанно съ великою докукою, что они и съ деньгами хлѣбныхъ запасовъ купить

---

[363] Осмачка, мѣра сыпучихъ тѣлъ=двѣ четверти.

нигдѣ не добудутъ, а намъ давать имъ нечего»[364].

«Ко вишописаннимъ нещасливимъ поведеніямъ, — читаемъ въ Украинской хроникѣ, —еще изліяся на Украину фіялъ гнѣва Божія за умножившаяся въ ней беззаконія, егда небеса заключишася и не дадоша влаги дождевнія землѣ жаждущей; земля-же изсохши и окаменѣвши, не прозябе всѣяннихъ въ ню сѣменъ пищнихъ, и оттуду бысть тогда во всей Малой Росіи веліе на кормъ человѣческій оскудѣніе и дорожнета»[365].

Князь Борятинскій получалъ иногда извѣстія о ходѣ дѣла у Шереметева отъ полковника Давыда Фандернисина, стоявшаго съ своими ратными людьми верстахъ въ 80 отъ Любара, въ мѣстечкѣ Федоровкѣ. 9 (19) сентября, князь Борятинскій писалъ Фандернисину, «что-бы онъ послалъ для провѣдыванія подъ обозъ боярина Василья Борисовича казаковъ, сколько человѣкъ пригоже»[366]. Пос-

[364] Портфель Г. Ѳ. Карпова (Выписки изъ дѣлъ Малороссійскаго приказа Московскаго архива министерства юстиціи, столбецъ 5857). тетрадь 4.

[365] Величко. Лѣтопись событій въ югозападной Россіи, въ XVII вѣкѣ. Т. II. Кіевъ. 1851. стр. 17.

[366] Портфель Г. Ѳ. Карпова (Выписки изъ дѣлъ Малороссійскаго приказа Московскаго архива министерства юстиціи, столбецъ 5857). тетрадь 4.

ланцы, разумѣется, не могли сообщить ничего утѣшительнаго.

Нужда въ нашемъ обозѣ, тѣсно окруженномъ непріятельскимъ войскомъ, росла съ каждымъ часомъ. Для обыкновенной фуражировки, для того что-бы нарубить нѣсколько дровъ въ сосѣднихъ лѣсахъ и кустарникахъ, Шереметевъ долженъ былъ выходить изъ обоза въ полномъ боевомъ порядкѣ, и нѣсколько разъ, въ теченіе 11 (21) и 12 (22) сентября, былъ отбрасываемъ назадъ съ большимъ урономъ. Отъ 11 сентября, Шереметевъ доносилъ государю: «Нынѣ мы стоимъ въ обозѣ на томъ-же мѣстѣ и бои у насъ съ Поляки и съ Татары безпрестанно; а ждемъ къ себѣ на помощь гетмана Юрья Хмельницкаго да Уманскаго полковника Михайла Ханенка, съ полками. И сентября по 11 число гетманъ Юрій Хмельницкій и Уманскій полковникъ, съ полками, къ намъ не бывали»[367].

Наконецъ, Татары принялись выжигать сѣно и самыя рощи, ближайшія къ обозу. Этимъ отнималась у насъ послѣдняя надежда,

---

[367] Портфель Г. Ѳ. Карпова (Выписки изъ дѣлъ Малороссійскаго приказа Московскаго архива министерства юстиціи, столбецъ 5857). тетрадь 1.

хотя-бы съ боя, добыть клокъ сѣна для лошадей или полѣно дровъ для топлива и варки пищи. Въ обозѣ Шереметева стала зловѣщая тишина. Лишь по дыму и пасущимся лошадямъ можно было догадываться о присутствіи въ немъ людей. Въ Польскомъ лагерѣ распространился даже слухъ, что Шереметевъ, съ нѣсколькими ближайшими лицами, уѣхалъ изъ обоза, тайно пробравшись болотистыми мѣстами. Не таковъ, однако, былъ Шереметевъ, что-бы покидать ввѣренное ему войско. Казакъ-перебѣжчикъ убѣдилъ Поляковъ, что Шереметевъ еще въ обозѣ, но что онъ непрестанно думаетъ о выступленіи въ походъ, дабы спасти свое войско отъ конечной погибели[368]. Дѣйствительно, не было никакой возможности оставаться долѣе на томъ злополучномъ мѣстѣ. Покамѣстъ совсѣмъ не истощились и хлѣбные запасы для людей, необходимо нужно было прорваться сквозь сомкнутые ряды непріятеля въ ту или другую сторону: впередъ—къ Межибожу, или назадъ—къ Чуднову. Въ концѣ-концовъ Шереметевъ вынужденъ былъ избрать послѣднее направленіе.

---

[368] Darowski. Compendium bellorum in Polonia gestorum ab anno 1647 ad annum 1661. глава 3.

Въ современномъ Французскомъ дневникѣ читаемъ, что казаки, жалуясь на нужду, отказывались итти на проломъ къ Межибожу и намѣревались самовольно уйти изъ обоза, но что «генералъ Шереметевъ, одинъ изъ самыхъ славныхъ въ Московіи», вышелъ къ казакамъ съ мечемъ въ рукѣ и упрекалъ ихъ въ малодушіи и трусости. Шереметевъ возстановилъ на время порядокъ въ обозѣ, пообѣщавъ будто-бы выдать въ Кіевѣ каждому казаку по сту талеровъ[369]. И безъ этой тяжелой посулы, казаки могли быть успокоены полученнымъ извѣстіемъ о скоромъ прибытіи на помощь гетмана Юрья Хмельницкаго и полковника Ханенки.

Приготовляясь къ трудному походу, Шереметевъ, въ теченіе двухъ сутокъ держалъ непріятеля въ страхѣ безпрестанными вылазками. Такъ, 13 (23) сентября, около шести часовъ утра, онъ внезапно подошелъ въ полномъ боевомъ порядкѣ къ самому Польскому лагерю, и когда непріятель совсѣмъ изготовился къ бою, быстро отступилъ въ обозъ. Едва Поляки сошли съ лошадей, какъ вторая

[369] Journal de ce qui s'est passé, entre l'armée des Polonois et celle des Moscovites (Paris. 1660).

тревога подняла ихъ на ноги; а за тѣмъ, еще двѣ, изъ нихъ послѣдняя уже ночью. 14 (24) сентября, поздно вечеромъ, наши подкрались къ непріятельскому стану, къ самому слабому его пункту и, казалось, совсѣмъ готовы были ворваться и перебить спавшихъ уже воиновъ, но съ первыми-же окриками часовыхъ, ушли назадъ [370].

Соловьевъ находитъ всѣ эти движенія нашего войска безполезными и только раздражавшими голодныхъ ратныхъ людей [371]. Намъ кажется, совсѣмъ напротивъ. Шереметеву непремѣнно нужно было отвлечь вниманіе непріятеля отъ той стороны обоза, на которой шли дѣятельныя приготовленія къ выступленію. Частыя вылазки утомляли непріятеля и притупляли его бдительность. Кромѣ того, онѣ давали возможность набрать кое гдѣ конскихъ кормовъ и дровъ, полное отсутствіе которыхъ такъ затрудняло ратныхъ людей Шереметева.

Конечно, теперь трудно судить о намѣреніяхъ Шереметева и разгадывать, чего

---

[370] Journal de ce qui s'est passé, entre l'armée des Polonois et celle des Moscovites (Paris. 1660).

[371] Исторія Россіи. Т. XI. Спб. 1861. стр. 117.

именно стремился онъ достигнуть этими вылазками. Можетъ быть, это были попытки прорваться сквозь Польскій лагерь. Если-бы это удалось, подоспѣй во̀время Хмельницкій и Ханенко, — непріятельское войско было-бы окружено со всѣхъ сторонъ и подверглось-бы той-же самой участи, которая постигла рать Шереметева. По крайней мѣрѣ, Коховскій, по поводу послѣдней вылазки, 14 (24) сентября, прямо говоритъ, что Шереметевъ «имѣлъ въ виду напасть на спящихъ, утомленныхъ Поляковъ и хитростію, подъ покровомъ ночи, проложить себѣ путь впередъ»[372].

Во всякомъ случаѣ, два дня Шереметевскихъ вылазокъ, по свидѣтельству Польскаго современнаго писателя, были «весьма тяжелы для непріятеля[373]. Самъ Шереметевъ, въ отпискѣ государю, писалъ слѣдующее: «Сентября съ 11 по 16 число, мы съ ратными людьми и наказной гетманъ съ полками стояли подъ Любаромъ въ обозѣ, а ждали къ себѣ на помочь гетмана Юрья Хмельницкаго да Уманскаго полковника Михайла Ханенка съ пол-

---

[372] Annales Poloniae. Cracoviae. 1683. стр. 467.

[373] Swirski. Relatio historica belli Szeremetici, gesti Anno 1660. Zamosci. 1661.

ками; и къ гетману о томъ писали изъ-подъ Любара многижды, что бъ онъ съ полками своими и со всѣмъ войскомъ шелъ къ намъ на помочь. А бои у насъ съ Поляки и Татары подъ Любаромъ были безпрестанно. И сентября по 16 число гетманъ Юрій Хмельницкій къ намъ въ обозъ не бывалъ»[374].

Изъ этого видно, что Шереметевъ до послѣдняго времени не терялъ надежды на прибытіе гетмана Юрья Хмельницкаго, у котораго было тридцатитысячное войско. Съ его приходомъ, наши силы уравновѣшивались съ непріятельскими, и это несомнѣнно дало-бы совсѣмъ другой оборотъ всему дѣлу. Но Шереметеву не дали дождаться Хмельницкаго. Перебѣжчики разсказывали въ Польскомъ лагерѣ, будто-бы 15 (25) сентября, не одни казацкіе полки Цецюры, но уже все войско заволновалось и прямо требовало, что-бы съ наступленіемъ ночи, его вели назадъ къ Чуднову, выставляя, что болѣе не въ силахъ оставаться на мѣстѣ и переносить всевозможныя лишенія, безъ всякой надежды на помощь со

---

[374] Портфель Г. Ѳ. Карпова (Выписки изъ дѣлъ Малороссійскаго приказа Московскаго архива министерства юстиціи, столбецъ 5857). тетрадь 2.

стороны. По словамъ перебѣжчиковъ, Шереметевъ пробовалъ увѣщевать, ручаясь, что съумѣетъ выйти изъ труднаго положенія, но все было напрасно. Пришлось уступить общему требованію. Бояринъ не согласился лишь на то, чтобы подняться въ походъ ночью, какъ-бы украдкою[375]. Шереметевъ хотѣлъ отступить честно, днемъ, въ виду непріятеля[376].

16 (26) сентября, на разсвѣтѣ, войско Шереметева поднялось изъ окоповъ и, подъ проливнымъ дождемъ, двинулось по дорогѣ въ Чудново.

Это движеніе, исполненное «въ отличномъ порядкѣ», было должнымъ образомъ оцѣнено и самимъ непріятелемъ. Такъ, въ современномъ Французскомъ дневникѣ сказано, что въ этомъ дѣлѣ Василій Борисовичь Шереметевъ показалъ себя «истиннымъ полководцемъ»[377]. А Польскій писатель Зеленевичь, приравнивая Шереметева къ знаменитому полководцу XVI вѣка, герцогу Александру Фарнезе Пармскому, говоритъ: «Не подлежитъ сомнѣнію,

---

[375] Journal de ce qui s'est passé, entre l'armée des Polonois et celle des Moscovites (Paris. 1660).

[376] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. XI. стр. 117.

[377] Journal de ce qui s'est passé, entre l'armée des Polonois et celle des Moscovites (Paris. 1660).

что и Шереметевъ (подобно герцогу Пармскому) долженъ быть прославленъ, такъ какъ употребленный имъ способъ отступленія замѣчателенъ во всѣхъ отношеніяхъ»[378].

---

[378] Memorabilis victoria de Szeremetho. Cracoviae. 1668. стр. 82.

ГЛАВА XXII.

Въ чемъ-же именно заключался употребленный Шереметевымъ способъ отступленія, который самимъ непріятелемъ признанъ замѣчательнымъ? Въ отвѣтъ на это, въ дневникѣ военныхъ дѣйствій Даровскаго, подъ 16 (26) числомъ сентября, записано слѣдующее:

«Рано, на самомъ разсвѣтѣ, когда въ нашемъ станѣ еще читали молитву, Шереметевъ поднялся съ своимъ подвижнымъ таборомъ, наилучшимъ образомъ окруженнымъ пушками. Онъ двигаетъ свой таборъ, составленный изъ нѣсколькихъ рядовъ телѣгъ, связанныхъ между собою, однимъ словомъ, отлично устроенный. Таборъ Шереметева сопровождаютъ и слѣдуютъ между телѣгами многія тысячи пѣхотинцевъ. Вмѣстѣ съ ними

идутъ драгуны и всѣ другіе конные люди, вооруженные дротиками, пиками, копьями, мечами и бердышами; а ихъ лошади оставлены были въ серединѣ табора. Кромѣ того, внутри и снаружи табора находилось множество орудій всякаго рода».

Въ современной-же реляціи изъ Польскаго лагеря, очевидно писанной однимъ изъ военачальниковъ Польской арміи, сказано, что Шереметевъ «совершалъ свое отступленіе по всѣмъ правиламъ военнаго искуства, въ отличномъ порядкѣ»[379]. Дѣйствительно, употребленный Шереметевымъ замысловатый способъ отступленія, укрѣпленнымъ таборомъ, не составлялъ какой-либо новости въ военномъ дѣлѣ. Онъ уже давно практиковался въ Европейскихъ войскахъ и былъ извѣстенъ у насъ еще при царѣ Васильѣ Ивановичѣ Шуйскомъ. Въ старинномъ воинскомъ уставѣ[380], выбранномъ, при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ, изъ разныхъ Нѣмецкихъ и Латинскихъ книгъ,

---

[379] Acta historica res gestas Poloniae illustrantia. Vol. II. № 28. Cracoviae. 1880.

[380] Уставъ ратныхъ, пушечныхъ и другихъ дѣлъ, касающихся до воинской науки. Выбранъ изъ иностранныхъ военныхъ книгъ Онисимомъ Михайловымъ. Напечатанъ съ рукописи, найденной, въ 1775 году, въ Мастерской и Оружейной палатѣ, въ Москвѣ. 2 части. Спб. 1777—1781.

изложена цѣлая теорія, такъ называемаго, «полкохожденія», служившая руководствомъ и въ нашихъ войскахъ.

Въ этомъ уставѣ, въ статьяхъ о томъ, какъ обозы смыкать, какъ съ обозомъ со стану подыматься, читаемъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Ажъ будетъ, идучи походомъ, отъ нахожденія и утѣсненія недруговъ страшно отойти, и для ради того устроиваются однорядные или двоерядные обозы, и межъ того устроити снарядъ большой для того, что-бъ можно отъ стану до стану безстрашно пройти. И для того спереди, сверху и съ обѣихъ сторонъ, покамѣстъ полки идутъ, укрыти полки обозными телѣгами и сдвигати телѣги часто, что-бъ недругъ во время походу помѣшки и утѣсненія не учинилъ. Коли отъ недруга начинаются утѣсненія, стоятъ такіе уряды полки съ обозомъ, въ чемъ отъ недруга отходити, и легкой полковой снарядъ возится напереди и назади; а подлѣ ево идутъ пушкари, которымъ доведется во время нахожденія недруговъ изъ пушекъ по находящихъ стрѣляти. А большой стѣнобитный проломный снарядъ, со всѣми ихъ запасы, устроити посреди пол-

ковъ и укрыти ево подлѣ полковыхъ запасовъ и иныхъ телѣгъ. И такъ идутъ воинскіе люди походомъ, ополчася, межъ затыльныхъ стрѣльцовъ, которые устроены со всѣхъ четырехъ сторонъ. Притчею[381], недруги учнутъ находити, что-бъ онѣ на встрѣчное стояніе вооружены противу недруга близко были, что-бъ полкомъ воинскимъ, коннымъ и пѣшимъ, въ полномъ утвержденіи впередъ итти».

Въ другомъ мѣстѣ устава, на вопросъ о томъ, «какъ отъ недруговъ отходити и отъ стану до стану иттить безстрашно», помѣщена такая отвѣтная статья: «Къ такому урядному ходу, отъ непріятелей безстрашно-бъ отойти, было добре надобно и добро, что-бъ немалое число устроити боевыхъ одноколокъ да къ тому-жъ великой и малой снарядъ, чѣмъ-бы всѣ полки, конные и пѣшіе, со всѣхъ четырехъ сторонъ огородити. И напереди весь полковой снарядъ поворотити впередъ дулами, а станки назадъ; а переднія колеса изъ-подъ станковъ возити вмѣстѣ, колесо подлѣ колеса устроити. И у всякой пищали и пушки, напереди и назади и въ середкахъ, быти пушкарямъ, который у которыя пушки устроенъ,

[381] Притча=внезапный, нежданный случай.

итти всякому пушкарю подлѣ или позади своей пищали или пушки. Да къ тому итти большому головному снаряду на обѣихъ сторонахъ, вверху и внизу; да къ тому одноколыя боевыя телѣжки оборотити и легкой полковой снарядъ на возѣхъ устроити. А вверху, у полковаго снаряда, устроити особыхъ стрѣльцовъ, а внизу два прапора[382] конныхъ самопальниковъ, а посреди три прапора ертаульные. Да въ верхней четверти—великій полкъ, въ немъ прапоръ конныхъ самопальниковъ; да въ нижней четверти великій полкъ, въ немъ пять прапоровъ пѣшихъ людей, а подлѣ нихъ идутъ затыльные стрѣльцы; а въ нижней, третьей четверти—полкъ конныхъ самопальниковъ, въ немъ пять прапоровъ. Потомъ весь кошъ съ запасы посреди большаго полку укрыти и огородить. И то-бъ добро, что-бъ кругомъ обозу, для береженія, устроити пѣшихъ затыльныхъ стрѣльцовъ, по три или по пяти вмѣстѣ, что-бъ шли подлѣ обозу, междъ становъ телѣжныхъ, а въ приточное время[383], какъ полки учнутъ съ обѣихъ сторонъ сходитися и учнутъ приступати, и тѣмъ стрѣль-

---

[382] Прапоръ=рота.

[383] Притка, тоже что притча.

цамъ мочно межъ лошадей и снаряду и телѣгъ въ обозъ и изъ обозу перебѣгати, смотря по дѣлу и по утѣсненію, для того, что-бъ полкамъ съ обозомъ безъ помѣшки можно впередъ итти»[384].

Надѣемся, на насъ не посѣтуютъ за эти выписки изъ стариннаго устава. Онѣ служатъ документальнымъ дополненіемъ и поясненіемъ краткой записи Даровскаго о подвижномъ таборѣ Шереметева, который въ общемъ представлялъ зрѣлище весьма внушительное. «Такіе урядные обозы,—гласитъ уставъ,—не одно что мудро, и красно видѣти».

Коховскій говоритъ, что обозъ Шереметева былъ такъ хорошо устроенъ, что имѣлъ видъ движущейся крѣпости, за стѣнами которой ратные люди, слѣдовавшіе вокругъ рядовъ телѣгъ, находили себѣ вѣрную защиту и всегда готовы были отразить приступъ непріятеля[385].

Еще ночью Шереметевъ послалъ впередъ отрядъ рабочихъ, «которые-бъ напередъ шли для мостовъ и дорогъ и стежекъ и иной тѣс-

---

[384] Уставъ ратныхъ, пушечныхъ и другихъ дѣлъ. ч. 1. Спб. 1777. стр. 50—54.

[385] Annales Poloniae. Cracoviae. 1683. стр. 469.

ноты, что-бъ полкомъ мочно безъ помѣшки и безъ задержанія пройти». Путь отступленія лежалъ прежде всего черезъ лѣсъ, поросшій густымъ терновникомъ. Высланные рабочіе принялись съ необычайной энергіей прорубать просѣку. «Посланные впередъ Московиты,— пишетъ Коховскій, — вырубали топорами деревья, вырывали терновникъ, выкорчевывали пни и очищали дорогу отъ всѣхъ другихъ препятствій»[386].

Въ Польскомъ станѣ узнали объ отступленіи Шереметева только около семи часовъ утра[387], и тотчасъ-же все войско двинулось въ погоню[388]. Самъ Потоцкій, съ главными силами, устремился въ обходъ Шереметева, съ тѣмъ, что-бы ударить на него съ фронта. Въ то-же самое время, Любомирскій долженъ былъ атаковать его лѣвый флангъ и тылъ. Правый-же флангъ Шереметева былъ пока обезпеченъ отъ нападенія болотомъ, тянувшимся съ правой стороны лѣса[389]. Если-бы

---

[386] Annales Poloniae. Cracoviae. 1683. стр. 468.

[387] Journal de ce qui s'est passé, entre l'armée des Polonois et celle des Moscovites (Paris. 1660).

[388] Acta historica res gestas Poloniae illustrantia. Vol. II. T. 1. pars 1. Cracoviae. 1880. № 28.

[389] Darowski. Compendium bellorum in Polonia gestorum ab anno 1647 ad annum 1661.

означенный планъ удался, наше войско неминуемо было-бы загнано въ болото. Но къ счастію, непріятель встрѣтилъ непредвидѣнныя препятствія въ самой мѣстности, не дозволявшей ему употребить въ дѣло конницы. Пришлось ожидать Шереметева, пока онъ выберется изъ лѣса въ открытое поле.

Около 11 часовъ утра, показалось, наконецъ, Московское войско, стройно слѣдовавшее четырехстороннимъ каре, плотно замыкавшимъ обозъ, состоявшій изъ 17 рядовъ связанныхъ между собою телѣгъ [390].

Пѣхота Потоцкаго бросилась было въ атаку на передній фронтъ Шереметева, но въ безпорядкѣ отошла въ сторону. Любомирскій, видя замѣшательство пѣхоты, ударилъ съ своею конницею на лѣвый фронтъ. Здѣсь завязался кровопролитный бой. «Нужно отдать справедливость,—говоритъ Коховскій, какъ Московиты, такъ и казаки сражались весьма храбро» [391]. А въ дневникѣ военныхъ дѣйствій Даровскаго читаемъ: «Ужасно, страшно было видѣть ратныхъ людей Московскаго войска, во множествѣ проколотыхъ копьями, раздав-

[390] Kochowski. Annales Poloniae. Cracoviae. 1683. стр. 468.
[391] Тамъ-же, стр. 469.

ленныхъ лошадьми, изрубленныхъ саблями, плававшихъ въ своей собственной крови. При всемъ томъ, таборъ ихъ не могъ быть прорванъ, такъ какъ состоялъ изъ столькихъ связанныхъ и слѣдовавшихъ другъ за другомъ телѣгъ. Наши храбрые всадники, врывавшіеся въ самый таборъ, были осыпаемы, словно огненнымъ градомъ, пулями и разными метательными снарядами. Пороховой дымъ застилалъ самый свѣтъ дневный. Нѣкоторое время у насъ думали, что наши понесли сильнѣйшую потерю, но, по милости Божіей, только нѣсколько офицеровъ погибло, а ранено не болѣе 30 человѣкъ. За то была довольно значительная потеря въ хорошихъ лошадяхъ, убитыхъ или раненыхъ».

Кровопролитный бой не задержалъ движенія Шереметева. Онъ почти на ходу продолжалъ бороться съ непріятелемъ, вдвое сильнѣйшимъ. «У Московитовъ,—пишетъ Зеленевичь,—не было недостатка въ храбрости. Они стойко выдерживали нападенія Поляковъ въ открытомъ полѣ, прикрываясь обозомъ, и слѣдовали въ боевомъ порядкѣ»[392]. Въ реляціи изъ Польскаго лагеря сказано: «Хотя Мо-

[392] Memorabilis victoria de Szeremetho. Cracoviae. 1668. стр. 92.

сковское войско и было бѣшено атаковано Любомирскимъ и потеряло до полуторы тысячи человѣкъ, тѣмъ не менѣе, оно нисколько не разстроилось и продолжало сражаться съ нашими»[393].

Такъ пройдена была половина пути до Чудново, всего 7 верстъ[394]. По словамъ епископа Николая Свирскаго, «Поляки, не смотря на всю свою храбрость, не могли помѣшать отступленію войска Шереметева, такъ какъ не подоспѣла еще ихъ артиллерія, вслѣдствіе недостатка въ лошадяхъ, и часть пѣхоты»[395].

Верстъ за пять до Чуднова, войско Шереметева встрѣтило болотистое мѣсто. Въ Польскомъ войскѣ находили, что Московитамъ невозможно будетъ пройти его, не разстроивъ своего тяжелаго табора[396]. Однако, слѣдовавшіе впереди рабочіе съ неимовѣрными усиліями устроили переправу и препятствіе было преодолѣно. Но, на бѣду, въ то вре-

---

[393] Acta historica res gestas Poloniae illustrantia. Vol. II. T. 1. pars 1. Cracoviae. 1880. № 28.

[394] Самъ Шереметевъ писалъ, что «отъ Любара до Чуднова 15 верстъ».

[395] Swirski. Relatio historica belli Szeremetici, gesti Anno 1660. Zamosci. 1661.

[396] Acta historica res gestas Poloniae illustrantia. Vol. II. T. 1. pars. 1. Cracoviae. 1880. № 28.

мя подошелъ давно ожидаемый Поляками генералъ Ромуальдъ Вольфъ, главный начальникъ королевской артиллеріи. Кромѣ значительнаго числа пушекъ, онъ привелъ съ собою восемь тысячъ отборныхъ, хорошо обученныхъ пѣхотинцевъ, набранныхъ исключительно изъ Поляковъ[397].

Генералъ Вольфъ, присоединивъ къ себѣ часть конницы изъ отряда Любомирскаго, у самой переправы стремительно ударилъ на Московское войско. Послѣ срашной сѣчи, непріятель оторвалъ у насъ цѣлую треть обоза. «И въ ту пору,—показывалъ очевидецъ, казакъ Переяславскаго полка Демьянка Ѳоминъ, — Ляхи и Татаровя къ обозу приступали жестокими обычаи, со всѣхъ сторонъ, и у переправы, за полмили до Чюднова, у боярина Василья Борисовича Шереметева Ляхи и Татаровя взяли три пушки и треть обозу»[398].

Сходно съ симъ показываетъ и Зеленевичь. Онъ говоритъ, что «у Московитовъ взя-

---

[397] Darowski. Compendium bellorum in Polonia gestorum ab anno 1647 ad annum 1661.

[398] Портфель Г. Ѳ. Карпова (Выписки изъ дѣлъ Малороссійскаго приказа Московскаго архива министерства юстиціи, столбецъ 5857). тетрадь 4.

то было семь пушекъ и третья часть обоза»[399]. Въ прочихъ-же иностранныхъ источникахъ находимъ крайне разнорѣчивыя показанія о нашей потерѣ въ этой несчастной битвѣ. Такъ, Коховскій говоритъ, что у насъ было оторвано два ряда табора и взято 7 пушекъ; Свирскій — почти 80 телѣгъ и какія-то боевыя машины (bellicae machinae); въ современномъ Французскомъ журналѣ военныхъ дѣйствій[400] — 400 телѣгъ и 8 пушекъ; въ реляціи изъ Польскаго лагеря — болѣе 600 телѣгъ и 8 пушекъ; а въ дневникѣ Даровскаго—около 1000 телѣгъ и 7 пушекъ.

Во всякомъ случаѣ, потеря наша была весьма велика. Отнятыя телѣги, по словамъ реляціи изъ Польскаго лагеря, «были полны богатой добычи»[401]. Тутъ была «разная цѣнная утварь, а главное, большое количество съѣстныхъ припасовъ, которые весьма пригодились проголодавшейся Польской пѣхотѣ»[402]. Впослѣдствіи, когда стали дѣлить до-

---

[399] Memorabilis victoria de Szeremetho. Cracoviae. 1668. стр. 94.

[400] Journal de ce qui s'est passé, entre l'armée des Polonois et celle des Moscovites (Paris. 1660).

[401] Acta hictorica res gestas Poloniae illustrantia. Vol. II. T. 1. pars 1. Cracoviae. 1880. № 28.

[402] Swirski. Relatio historica belli Szeremetici, gesti Anno 1660. Zamosci. 1661.

бычу,—говоритъ Зеленевичъ,—въ отнятыхъ телѣгахъ нашли «много золота, серебра, драгоцѣнныхъ Московскихъ мѣховъ и жемчуга, которымъ Московиты совершенно поженски убираютъ свое платье»[403].

Уже одна потеря послѣднихъ остатковъ съѣстныхъ припасовъ въ состояніи была привести въ отчаніе; но именно это безвыходное положеніе и придавало нашему войску силу и энергію.

Шереметевъ, на-скоро приведя въ порядокъ свой разорванный обозъ, пошелъ дальше, оставляя за собою кровавый слѣдъ людскихъ и конскихъ труповъ, покрывавшихъ путь его отступленія.

Не прошли и двухъ верстъ, какъ непріятель снова настигъ нашъ таборъ и всею массою опрокинулся на него, со всѣхъ сторонъ. Битва возобновилась съ новою силою. Польскіе всадники врубались въ середину каре и, наскакивая на телѣги, тутъ-же теряли своихъ лошадей. Наконецъ, всадники спѣшились и начался ожесточенный рукопашный бой. Все перемѣшалось. За дымомъ и огнемъ труд-

---

[403] Memorabilis victoria de Szeremetho. Cracoviae. 1668. стр. 98.

но было отличать своихъ отъ чужихъ. Только темная, осенняя «ночь прервала это ужасное сраженіе»[404]. Нашихъ было убито 150, ранено 300 человѣкъ[405].

Шереметевъ, какъ раненый левъ, рванулся впередъ, но, не доходя до Чуднова версты двѣ или мало больше, въ полномъ изнеможеніи остановился, и ночевалъ обозомъ въ открытомъ полѣ, подъ проливнымъ, холоднымъ дождемъ[406].

Польское войско знало съ какимъ врагомъ имѣетъ дѣло и не отважилось на новое нападеніе, при томъ въ ночную пору. «Этотъ день—пишетъ епископъ Николай Свирскій—былъ весьма тяжелъ для насъ, ибо въ теченіе его мы безпрерывно сражались. Ночь только усилила трудности, такъ какъ шелъ сильнѣйшій дождь; лошади стояли безъ корма, а промокнувшіе насквозь солдаты не имѣли ни огня, ни пищи, ни крова»[407]. Оба гетмана, Потоцкій

---

[404] Darowski. Compendium bellorum in Polonia gestorum ab anno 1647 ad annum 1661.

[405] Портфель Г. Ѳ. Карпова (Выписки изъ дѣлъ Малороссійскаго приказа Московскаго архива министерства юстиціи, столбецъ 5857. тетрадь 2.

[406] Тамъ-же.

[407] Relatio historica belli Szeremetici, gesti Anno 1660. Zamosci. 1661.

и Любомирскій, всю ночь провели безъ сна, сидя вмѣстѣ въ дорожной каретѣ[408].

Коховскій говоритъ, что въ этотъ день совсѣмъ покончили-бы съ Московскимъ войскомъ, если-бы не илистая почва, затруднявшая движеніе Польской конницы[409]. Свирскій тоже находитъ, что въ этотъ день кончилась бы война, если-бы условія мѣстности дозволили дѣйствовать совокупно пѣхотѣ, артиллеріи и конницѣ. Кромѣ того, Свирскій говоритъ, будто-бы «Татары были скорѣе свидѣтелями сраженій, чѣмъ участниками, отчасти потому, что помышляли только о добычѣ, отчасти изъ боязни пушечной и пищальной пальбы», и что вообще, «Татары болѣе способны къ преслѣдованію бѣгущаго въ разсыпную непріятеля, нежели разбивать его сомкнутые ряды»[410].

---

[408] Darowski. Compendium bellorum in Polonia gestorum ab anno 1647 ad annum 1661.

[409] Annales Poloniae. Cracoviae. 1683. стр. 470.

[410] Relatio historica belli Szeremetici, gesti Anno 1660. Zamosci. 1661.

ГЛАВА XXIII.

Ночлегъ Шереметева былъ весьма непродолжителенъ. «Не взирая на усталость и темноту ночи», онъ еще до разсвѣта пошелъ дальше, къ Чуднову[411], гдѣ надѣялся добыть хлѣбные запасы для прокормленія своего голодавшаго войска.

17 (27) сентября, въ понедѣльникъ, съ восходомъ солнца, Шереметевъ вступилъ въ городъ Чудновъ и съ трудомъ проведя черезъ него свой обозъ, «сталъ за рѣчкою Теттеревомъ, на горѣ»[412].

Въ то время Польское войско только поднялось съ своего ночлега и форсированнымъ

[411] Kochowski. Annales Poloniae. Cracoviae. 1683. стр. 470.
[412] Портфель Г. Ѳ. Карпова (Выписки изъ дѣлъ Малороссійскаго приказа Московскаго архива министерства юстиціи, столбецъ 5857). тетрадь 4.

маршемъ двинулось въ путь[413]. Наступленіе его было настолько быстро, что наши даже не успѣли еще занять весьма важнаго пункта, Чудновскаго за́мка, господствовавшаго надъ всею окрестностію. Около 10 часовъ утра, Шереметевъ послалъ отрядъ пѣшихъ ратныхъ людей и казаковъ занять за́мокъ; но тамъ уже сидѣлъ сильный Польскій гарнизонъ[414]. Непріятелю не было даже надобности приспособлять за́мка къ бою. «По Московитскому обычаю, — говоритъ Даровскій, — онъ былъ хорошо укрѣпленъ рвомъ, валомъ и надежными палисадами»[415].

Польскіе писатели справедливо находятъ, что Шереметевъ сдѣлалъ большую ошибку, что не поторопился занять Чудновскаго за́мка, составлявшаго ключь всей позиціи. Не имѣя въ своихъ рукахъ за́мка, невозможно было удержать за собою и Чуднова. Шереметевъ поспѣшилъ сжечь этотъ городъ и перевелъ свой лагерь къ самой рѣчкѣ Тетере-

---

[413] Zieleniewicius. Memorabilis victoria de Szeremetho. Cracoviae. 1668. стр. 99.

[414] Swirski. Relatio historica belli Szeremetici, gesti Anno 1660. Zamosci. 1661.

[415] Compendium bellorum in Polonia gestorum ab anno 1647 ad annum 1661.

ву[416], потому что, оставаясь на прежнемъ мѣстѣ, онъ былъ-бы совсѣмъ отрѣзанъ отъ воды.

По описанію епископа Николая Свирскаго, «Московитскій лагерь, окруженный обозомъ, расположился на плоскомъ, низкомъ мѣстѣ и только казачій обозъ стоялъ нѣсколько вытянутымъ къ горѣ. Въ общемъ, весь лагерь имѣлъ видъ треугольника или Греческой дельты»[417].

Послѣ того, какъ Шереметевъ сжегъ Чудновъ[418], Потоцкій собралъ военный совѣтъ, для обсужденія дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій. На основаніи донесеній коронного хорунжаго Яна Собѣскаго и польнаго писаря

---

[416] Портфель Г. Ѳ. Карнова (Выписки изъ дѣлъ Малороссійскаго приказа Московскаго архива министерства юстиціи, столбецъ 5857). тетрадь 4.

[417] Relatio historica belli Szeremetici, gesti Anno 1660. Zamosci. 1661.

[418] Поручикъ Кириллъ Воропаевъ показывалъ, будто-бы городъ Чудновъ сожженъ не Шереметевымъ, а Поляками: «А городъ-де Чюдновъ выжгли Ляхи въ тѣ поры, какъ бояринъ Василій Борисовичь Шереметевъ шелъ отъ Любара къ Чюднову отходомъ, забѣжавъ съ другіе стороны, не допустя боярина къ Чюднову» (Портфель Г. Ѳ. Карнова, тетрадь 4). Разсказъ этотъ представляется несообразнымъ со всѣмъ ходомъ дѣла и противорѣчитъ всѣмъ прочимъ свидѣтельствамъ (Даровскій, Свирскій, Коховскій, Зеленевичь и реляціи изъ Польскаго лагеря). Вездѣ говорится, что Шереметевъ вступилъ въ городъ Чудновъ, а потомъ, по необходимости, сжегъ его, между прочимъ и для того, что-бъ «находившіеся тамъ въ изобиліи съѣстные припасы не попали въ руки Поляковъ» (Swirski. Relatio historica belli Szeremetici, gesti Anno 1660. Zamosci. 1661).

Яна Сапѣги, посыланныхъ для разслѣдованія мѣстности, рѣшено было окружить Шереметева со всѣхъ сторонъ, на разстояніе пушечнаго выстрѣла[419], и такимъ тѣснымъ обложеніемъ принудить къ сдачѣ «упрямаго врага»[420]. По показанію очевидца, поручика Кирилла Воропаева, «Татарскіе таборы многіе стали около боярскаго обозу отъ Котельны, отъ Пятко́въ и отъ Слободища, а Лядскіе таборы—отъ Любара»[421]. Въ Польскомъ лагерѣ съ злорадствомъ говорили, что Шереметевъ «окруженъ, какъ волкъ на охотѣ»[422].

Единственное, что́ поддерживало Шереметева, это надежда на скорое прибытіе гетмана Юрья Хмельницкаго. Имѣлись свѣдѣнія, что онъ, съ тридцатитысячнымъ войскомъ и съ 30 пушками, уже прибылъ въ Бердичевъ. «Подъ Чюдновымъ — доносилъ Шереметевъ государю—стали мы и наказной гетманъ Тимоѳей Цецюра сентября въ 17 день, ожидая

---

[419] Acta historica res gestas Poloniae illustrantia. Vol. II. T. 1. pars 1. Cracoviae. 1880. № 28.

[420] Такъ названъ Шереметевъ у Даровскаго.

[421] Портфель Г. Ѳ. Карпова (Выписки изъ дѣлъ Малороссійскаго приказа Московскаго архива министерства юстиціи, столбецъ 5857) тетрадь 4.

[422] Swirski. Relatio historica belli Szeremetici, gesti Anno 1660. Zamosci. 1661.

къ себѣ на помочь гетмана Юрья Хмельницкаго. А Поляки и Татаровя съ обозы своими стали подъ Чюдновымъ-же, близко нашего обозу, и дороги и конскіе кормы Татаровя многолюдствомъ у насъ отняли, и городки и шанцы по дорогамъ Поляки подѣлали, которыми дорогами итти было намъ, что-бъ намъ съ гетманомъ съ Юрьемъ Хмельницкимъ сойтиться не дать; и въ обозѣ насъ Поляки стрѣльбою пушечною и гранатною тѣснятъ и лошади побиваютъ»[423].

Польскія орудія были разставлены не только въ за́мкѣ и на горѣ, на которой первоначально стоялъ обозъ Шереметева, но и въ садахъ выжженнаго города Чуднова. Съ горы и изъ за́мка можно было видѣть все, что́ дѣлалось въ нашемъ обозѣ[424], а потому стрѣльба непріятеля дѣйствительно была убійственною. Почти невозможно было производить земляныя работы, необходимыя для укрѣпленія обоза. Въ дневникѣ Даровскаго записано: «Московское войско остановилось въ долинѣ, и намъ удобно было обставить его кругомъ

---

[423] Портфель Г. Ѳ. Карпова (Выписки изъ дѣлъ Малороссійскаго приказа Московскаго архива министерства юстиціи, столбецъ 5857). тетрадь 2.

[424] Kochowski. Annales Poloniae. Cracoviae. 1683. стр. 471.

пушками, на его погибель. Со всѣхъ сторонъ были свезены эти смертоносныя орудія. Мы бросали въ Московскій таборъ, расположенный внизу, огненныя ядра, которыя причиняли тамъ много вреда и многихъ убивали. Эти огненныя дива изготовилъ знаменитый инженеръ королевскаго величества Гиткантъ, родомъ Пруссакъ, удивительный мастеръ своего дѣла. До 2 октября (22 сентября) мы почти не переставали стрѣлять изъ пушекъ и бросать огненныя ядра въ Московскій таборъ»[425].

Войско Шереметева страдало не отъ одного только огня непріятельскаго, на который оно, по свидѣтельству самихъ Поляковъ, отвѣчало весьма усердно[426], но еще отъ другого болѣе грознаго бѣдствія. Въ обозѣ нашемъ начался голодъ. Хлѣбные запасы, забранные въ Чудновѣ, приходили къ концу, и ратные люди вынуждены были уже ѣсть конину.

Вотъ что разсказывалъ въ Кіевѣ Переяславскій казакъ Демьянка Ѳоминъ, тайно про-

---

[425] Compendium bellorum in Polonia gestorum ab anno 1647 ad annum 1661.

[426] Тамъ-же.

бравшійся изъ обоза Шереметева, съ отпискою къ Кіевскому воеводѣ князю Юрью Никитичу Борятинскому:

«Въ окопѣ подъ Чудновымъ былъ я, Демьянко, съ недѣлю; а Ляхи и Татаровя приступали къ обозу по вся дни. А итти боярину Василью Борисовичу Шереметеву назадъ не мочно, потому что пушекъ везти не на чемъ: лошадей нѣтъ, лошади безъ корму попадали. Да и хлѣбныхъ запасовъ на малѣ. И посылаетъ бояринъ изъ обозу въ Кіевъ, для помочи, безпрестанно всякихъ людей, и имъ пройти никоими мѣрами не мочно, потому что дороги всѣ заняты. И сентября въ 22 день, въ ночи, я, Демьянко, изъ обозу вышелъ тайно и пришелъ въ Коростышевъ[427]; а шелъ ночью, а въ день лежалъ въ крѣпкихъ мѣстѣхъ, потому что Ляхи и Татаровя многіе люди вездѣ по дорогамъ и по малымъ стежкамъ ѣздятъ, и отъ нихъ за многолюдствомъ въ день проѣхать и пройти не мочно. И какъ я пошелъ, и у боярина въ обозѣ беззапасно и ратные люди почели ѣсть лошадей, а иныхъ лошадей выпустили. А какъ я былъ въ полкахъ у бо-

[427] Мѣстечко Коростышевъ, Кіевской губерніи, Радомысльскаго уѣзда, находится въ 80 верстахъ отъ Кіева и въ 50-ти отъ Чуднова.

ярина Василья Борисовича, и гетманъ Юрій Хмельницкій съ бояриномъ еще не сшелся, и идучи изъ обозу, про гетмана не слыхалъ»[428].

Послѣ ухода казака Ѳомина, именно 26 сентября (6 октября), Шереметевъ, будучи не въ силахъ оставаться долѣе въ столь тѣсномъ обложеніи, рѣшился итти на проломъ, въ томъ соображеніи, что если ему и не удастся прорваться сквозь тѣсные ряды многочисленнаго непріятеля, то все-же онъ можетъ заставить его отодвинуть свой лагерь, и тѣмъ открыть намъ возможность добыть хоть сколько нибудь хлѣбныхъ запасовъ и конскихъ кормовъ. По разсказамъ Даровскаго и Свирскаго, Шереметевъ, при этой вылазкѣ, потерпѣлъ пораженіе и долженъ былъ «постыднымъ образомъ» отступить въ свой таборъ. Но разсказы эти вовсе не согласуются съ тѣмъ обстоятельствомъ, что Шереметевъ все-таки добился своего: непріятельскій обозъ былъ отнесенъ назадъ, за рѣку Тетеревъ, и наши ратные люди добыли себѣ не только конскіе корма, но еще воспользовались, по

---

[428] Портфель Г. Ѳ. Карпова (Выписки изъ дѣлъ Малороссійскаго приказа Московскаго архива министерства юстиціи, столбецъ 5857). тетрадь 4.

указанію Чудновскихъ мужиковъ, ямами съ зарытыми въ нихъ хлѣбными запасами.

Вотъ что говорятъ объ этомъ сами-же Свирскій и Даровскій: «Гетманы сочли за лучшее перенести свой лагерь назадъ, на ту сторону рѣки Тетерева, что́ было и выгоднѣе, потому что тамъ легче доставать воду и кормъ для лошадей. Хотя мы отступили только немного, но непріятель радовался, что ему дали нѣсколько простора. Онъ вышелъ изъ своего табора и, по указанію захваченныхъ жителей города Чуднова, воспользовался ямами съ крестьянскимъ хлѣбомъ, и это кое-какъ подкрѣпило его силы».

На новомъ мѣстѣ лагернаго расположенія, Полякамъ пришла было адская мысль лишить наше войско воды. Янъ Сапѣга вызывался отвести въ сторону воду рѣки Тетерева, указывая на возможность устроить для нея новое русло. По счастію, предпріятіе это не осуществилось.

Все вниманіе Поляковъ устремилось на гетмана Юрья Хмельницкаго, прибывшаго, наконецъ, въ мѣстечко Слободищи, находящееся всего въ 15 верстахъ отъ Московскаго

табора[429]. Напрасно радовались сему событію наши воины-страдальцы, все еще надѣявшіеся на помощь Хмельницкаго. Коховскій иронически замѣчаетъ: «Московиты легко вѣрили слуху, что Хмельницкій идетъ къ нимъ на помощь, какъ вещи весьма желательной въ ихъ отчаянномъ положеніи. Но, извѣстно, человѣческое воображеніе наиболѣе воспламеняется при несчастныхъ случаяхъ»[430].

Дѣйствительно, 27 сентября (7 октября), Хмельницкій пришелъ въ мѣстечко Слободищи, но вовсе не для соединенія съ Шереметевымъ. Вѣроятно, онъ даже былъ непріятно удивленъ, что войско Шереметева еще цѣло и продолжаетъ отбиваться отъ сильнѣйшаго непріятеля. Въ Польскомъ лагерѣ, съ которымъ Хмельницкій имѣлъ постоянныя сношенія, черезъ посредство окружавшихъ его друзей Выговскаго, со дня на день ожидали сдачи Шереметева или окончательнаго разгрома его войска. Тамъ находили, что Московиты

---

[429] Шереметевъ, въ отпискѣ къ государю, отъ 30 сентября 1660 года, писалъ: «а до Слободищь отъ обозу нашего 15 верстъ» (Портфель Г. Ѳ. Карпова. тетрадь 2).

[430] Annales Poloniae. Cracoviae. 1683. стр. 472.

«уже никакъ не могутъ долѣе держаться на своемъ мѣстѣ»[431].

Если-бы Хмельницкій не таилъ въ душѣ своей измѣны, то, конечно, немедленно пошелъ-бы на выручку Шереметева. Съ тридцатитысячнымъ свѣжимъ войскомъ, онъ легко могъ-бы, въ случаѣ надобности, даже пробиться сквозь ряды непріятеля. Но Украинскій гетманъ остался на мѣстѣ и преспокойно расположился лагеремъ подъ Слободищами.

Потоцкій, не будучи вполнѣ увѣренъ въ дѣйствительныхъ намѣреніяхъ Хмельницкаго, такъ какъ вообще не довѣрялъ казакамъ, послалъ противъ него часть Польскаго войска, подъ начальствомъ великаго короннаго маршалка Юрья Любомирскаго, и Татаръ съ Нурадинъ-султаномъ. Съ Любомирскимъ пошелъ и бывшій гетманъ Иванъ Выговскій, командовавшій отдѣльнымъ полкомъ[432].

Въ Польской реляціи сказано, что подъ вечеръ 27 сентября (7 октября), Любомирскій приблизился къ Хмельницкому и, не желая дать ему времени оправиться, немед-

---

[431] Ausszug eines aussführlichen Schreibens, von vornehmer Hand auss Sambor. 1660.

[432] Zieleniewicius. Memorabilis victoria de Szeremetho. Cracoviae. 1668. стр. 114.

ленно атаковалъ его. «Храбрость наша—читаемъ далѣе въ реляціи—была такъ велика, а атака столь стремительна, что мы тотчасъже врѣзались въ сердце непріятеля, нанеся ему огромный уронъ. Бой продолжался немного болѣе часа времени. Многія тысячи непріятельскихъ воиновъ были убиты. Казаки, увидя такую храбрую рѣшимость нашу, оставили, наконецъ, мысль о соединеніи съ Московитами»[433].

Въ такихъ-же краскахъ росписана эта битва у Даровскаго и у Свирскаго[434]. Оба стараются обѣлить Хмельникцаго и представить, что будто-бы онъ вынужденъ былъ покориться Полякамъ силою ихъ оружія.

Но у обоихъ названныхъ авторовъ находимъ такія данныя, которыя опять заставляютъ думать, что дѣло происходило нѣсколько иначе. Напримѣръ, у Даровскаго, въ его дневникѣ военныхъ дѣйствій, записано, что казаки Хмельницкаго прямо заявили, что «они, конечно, съ намѣреніемъ не соединялись столько времени съ Шереметевымъ и его вой-

---

[433] Acta historica res gestas Poloniae illustrantia. Vol. II. T. 1. pars 1. Cracoviae. 1880. № 28.

[434] Почти тоже и у Зеленевича, стр. 115—122.

скомъ; что они пришли не для того, что-бы подать помощь врагу Рѣчи Посполитой, а напротивъ того, что-бы соединиться съ королевскимъ войскомъ противъ общаго врага и что они желаютъ какъ можно скорѣе вступить въ переговоры о мирѣ».

Если даже допустить, согласно разсказу Даровскаго, что это изъясненіе казаковъ происходило уже послѣ ихъ пораженія, все же трудно повѣрить, что-бы при такомъ отношеніи къ Полякамъ, они оказали сильное сопротивленіе при нападеніи Любомирскаго. А если не было такого сопротивленія, могла ли имѣть мѣсто и самая битва, столь ужасная и кровопролитная, о которой повѣствуютъ Польскіе писатели?

Свирскій, желая во что-бы то ни стало оправдать казаковъ, приводитъ такіе доводы, которые далеко не всѣмъ могутъ показаться убѣдительными. «Во - первыхъ, — говоритъ онъ, — казаки видѣли, что Шереметевъ уже крайне ослабленъ и потому не имѣли охоты связывать свою судьбу съ его дѣломъ, почти погибшимъ; во-вторыхъ, казаки имѣли основаніе опасаться, что Поляки, окончательно сокрушивъ Шереметева, обратятъ всѣ свои

силы на нихъ; въ-третьихъ, Хмельницкій и его казаки находились подъ впечатлѣніемъ письма старика Выговскаго, отца бывшаго гетмана». Въ этомъ письмѣ Выговскій, по словамъ Свирскаго, увѣщевалъ Хмельницкаго болѣе надѣяться на Поляковъ, чѣмъ на Московитовъ, увѣряя, что сила послѣднихъ почти что уничтожена вмѣстѣ съ Шереметевымъ и, подобно лампадѣ безъ фитиля и масла, болѣе коптитъ, чѣмъ свѣтитъ. «Казаки—взывалъ Выговскій—могутъ болѣе ожидать отъ доброты благороднаго Польскаго народа, чѣмъ отъ Московитскаго варварства».

Какъ-бы то ни было, но злые совѣтчики Юрья Хмельницкаго, «Заднѣпрскіе полковники, друзья Выговскаго»[435], торжествовали. 29 сентября (9 октября), у нихъ начались, подъ покровомъ глубочайшей тайны, переговоры съ Потоцкимъ о принятіи казаковъ въ подданство королевской милости[436].

Въ этотъ самый день, проходцы Черкасы, Мартынъ Чебоненко съ товарищами, принесли Василью Борисовичу Шереметеву от-

---

[435] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. V. Спб. 1867. № 22. стр. 43. столб. 2.

[436] Darowski. Compendium bellorum in Polonia gestorum ab anno 1647 ad annum 1661.

писку гетмана Юрья Хмельницкаго, въ которой онъ, въ противность Польской реляціи, извѣщалъ, что «Поляки и Татары на него, гетмана, приходили и къ обозу его приступали сентября въ 27 числѣ, и милостію Божіею и великого государя счастіемъ, Поляковъ и Татаръ онъ, гетманъ, побилъ и отъ обозу отбилъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, Хмельницкій просилъ Шереметева отписать государю, «чтобъ его царское величество пожаловалъ его, гетмана, велѣлъ въ Черкасскіе городы для помочи въ прибавку къ нему, гетману, итти изъ Бѣлгорода князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому съ ратными людьми».

Шереметевъ, ничего не зная о казацкой измѣнѣ, чистосердечно повѣрилъ лживой отпискѣ Хмельницкаго, и на другой-же день прописалъ ея содержаніе въ донесеніи государю, присовокупивъ: «А какъ мы съ гетманомъ съ Юрьемъ Хмельницкимъ сойдемся, и мы, прося у Бога милости, надъ гетманы Польскими и надъ Татары промышлять будемъ, и о томъ къ тебѣ, великому государю, отпишемъ»[437].

[437] Портфель Г. Ѳ. Карпова (Выписки изъ дѣлъ Малороссійскаго приказа Московскаго архива министерства юстиціи, столбецъ 5857), тетрадь 2.

Въ нашемъ обозѣ были увѣрены, что единственною причиною бездѣйствія Хмельницкаго было непріятельское войско, атаковавшее его лагерь. А потому Шереметевъ нѣсколько разъ пытался самъ итти къ нему на соединеніе, въ мѣстечко Пятки (по Польски — Піонтки), находящееся между Чудновымъ и Слободищами. Но попытки эти не удавались и обходились намъ весьма дорого.

Такъ, 28 сентября (8 октября), Шереметевъ, воспользовавшись отсутствіемъ Любомирскаго, въ полдень, выступилъ было изъ окоповъ по дорогѣ въ Пятки. Онъ уже миновалъ укрѣпленія главнаго Польскаго лагеря, но, приближаясь къ сосѣднему лѣсу, наскочилъ на сильныя засады, еще наканунѣ разставленныя Потоцкимъ. Спрятанныя въ лѣсистыхъ и гористыхъ мѣстахъ Польскія войска, поддерживаемыя Татарами, ударили на Шереметева съ фронта и съ фланга[438]. Завязался кровопролитный бой. По словамъ Польскаго писателя, «обѣ стороны бились весьма упорно: одна старалась уйти, другая —

---

[438] Darowski. Compendium bellorum in Polonia gestorum ab anno 1647 ad annum 1661.

удерживала этотъ отходъ»[439]. Наконецъ, на полѣ битвы появился начальникъ Польской артиллеріи Ромуальдъ Вольфъ. Онъ открылъ страшную пальбу по нашему войску. «Казалось,—говоритъ Свирскій,—самые лѣса дрожали отъ ужаснаго эха грохотавшихъ пушекъ». Артиллерія Вольфа рѣшила дѣло. Войско Шереметева приведено было въ большое разстройство и отступило въ свой таборъ, оставивъ на мѣстѣ болѣе тысячи человѣкъ убитыхъ.

Положеніе нашего войска послѣ этой битвы весьма картинно изображено въ слѣдующей записи Свирскаго, подъ 29 числомъ сентября (9 октября): «Непріятель въ отчаяніи сидитъ въ своей берлогѣ и, какъ раненый медвѣдь, зализываетъ свои раны. При всемъ томъ, и въ этотъ день, и въ слѣдующій, съ обѣихъ сторонъ, шла сильная и частая перестрѣлка».

---

439 Swirski. Relatio historica belli Szeremetici, gesti Anno 1660. Zamosci. 1661.

ГЛАВА XXIV.

Князь Юрій Никитичь Борятинскій отовсюду получалъ извѣстія о бѣдственномъ положеніи войска Василья Борисовича Шереметева и о томъ, что ему, боярину, «безъ выручки, отъ Ляховъ и Татаръ отойти не мочно ни коими мѣрами»[440]. Князь Борятинскій, съ своей стороны, могъ дѣлать только одно: немедленно передавать всѣ получаемыя вѣсти въ Москву. Итти-же самому на выручку Шереметева онъ не могъ, не имѣя на то царскаго указа, да и не съ кѣмъ было итти ему. «Безъ твоего, великого государя, указу,—доносилъ князь Борятинскій,—итти къ боярину Василью Борисовичу на помочь не смѣю и

[440] Портфель Г. Ѳ. Карпова (Выписки изъ дѣлъ Малороссійскаго приказа Московскаго архива министерства юстиціи, столбецъ 5857). тетрадь 4.

безъ прибавочныхъ людей итти не съ кѣмъ. Твоихъ, великого государя, ратныхъ людей въ Кіевѣ немного оставилъ бояринъ Василій Борисовичь. Съ нами ратныхъ людей конныхъ и пѣшихъ 4288 человѣкъ да дворянъ розныхъ городовъ, которые не прошли къ боярину Василью Борисовичу въ полкъ, съ 300 человѣкъ, да полковникъ Давыдъ Фандернисенъ съ начальными людьми, а съ нимъ рейтаръ съ 1000 человѣкъ. И мы писали, по нынѣшнимъ вѣстямъ, въ Переяславль и въ Нѣжинъ и въ Черниговъ о ратныхъ людяхъ, что-бъ прислали въ Кіевъ пѣшихъ ратныхъ людей для походу, что-бъ изъ Кіева итти не малолюдствомъ и боярину Василью Борисовичу подать помочи. А въ Переяславлѣ и въ Нѣжинѣ и въ Черниговѣ мочно быть и съ небольшими людьми»[441].

Наконецъ, князь Борятинскій рѣшился выступить изъ Кіева «въ ближніе мѣста» и тамъ дожидаться царскаго указа. Этимъ движеніемъ онъ надѣялся, по крайней мѣрѣ, успокоить Малороссіянъ, поднять ихъ упавшій

---

[441] Портфель Г. Ѳ. Карпова (Выписки изъ дѣлъ Малороссійскаго приказа Московскаго архива министерства юстиціи, столбецъ 5857). тетрадь 4.

духъ. «И по вѣстямъ,—писалъ князь Борятинскій государю,—я, Юшка, взявъ съ собою ратныхъ людей, изъ Кіева выду въ ближніе мѣста и учну ожидать твоего, великого государя, указу. А выттить мнѣ для того, что-бъ въ Черкасскихъ городѣхъ какой мысли не было и про меня вѣдая, надежно-бъ имъ было. А со мною ратныхъ людей больше 3000 взять некого и то по великой нуждѣ; безъ прибавочныхъ людей, безъ конныхъ и безъ пѣшихъ безъ большихъ людей, пройти мнѣ въ полкъ къ боярину Василью Борисовичу не мочно. А какъ изъ Переяславля, Нѣжина и Чернигова ратныхъ людей ко мнѣ вышлютъ, и я учну промышлять, что-бъ пройти къ боярину и учинить ему помочь»[442].

Вскорѣ послѣ отправки послѣдней отписки, князь Борятинскій получилъ, наконецъ, царскій указъ съ приказаніемъ выступить въ походъ, на выручку Шереметева. Въ этомъ указѣ, писанномъ еще 26 сентября, то есть наканунѣ прибытія въ Слободищи гетмана Юрья Хмельницкаго, читаемъ слѣдующее:

---

[442] Портфель Г. Ѳ. Карпова (Выписки изъ дѣлъ Малороссійскаго приказа Московскаго архива министерства юстиціи, столбецъ 5857). тетрадь 4.

«Какъ къ тебѣ ся наша, великого государя, грамота придетъ, и ты бы взялъ съ собою: полковника Фандернисена, съ полкомъ, да дворянъ Брянчанъ и Мещерянъ, и изъ Кіева ратныхъ людей, сколько пригоже; изъ Переяславля голову Московскихъ стрѣльцовъ Ѳедора Александрова, съ приказомъ, да полковника Ефима Франзбекова, съ полкомъ; изъ Нѣжина голову Московскихъ стрѣльцовъ Алексѣя Мещеринова да городовыхъ—Бориса Глѣбова съ приказомъ; изъ Чернигова Алексѣя Подтопкина съ приказомъ и достальныхъ полковъ Черкасъ. И по сему нашему, великого государя, указу, собрався съ конными и пѣшими людьми, шелъ бы на помочь къ боярину Василью Борисовичу Шереметеву крѣпкими мѣсты и самымъ твердымъ обозомъ. И о томъ развѣдывать накрѣпко, въ которыхъ мѣстѣхъ стоитъ бояринъ Василій Борисовичь Шереметевъ и что̀ у него дѣлается; и такожъ-бы развѣдывать и про гетмана Юрья Хмельницкаго, въ которыхъ мѣстѣхъ онъ стоитъ и что̀ у него дѣлается. И буде мочно съ гетманомъ сойтися ближе боярина нашего и воеводы Василья Борисовича, и тебѣ-бъ по тому-жъ итти къ гетману Юрью

Хмельницкому крѣпкими мѣсты и крѣпкимъ обозомъ и, сшедшися съ нимъ, гетманомъ, сообча боярину Василью Борисовичу Шереметеву помочь и промыслъ учинить. О томъ-бы тебѣ провѣдать накрѣпко всякими мѣры, которыя дороги загонные люди, Татаровя, отняли. И, развѣдавъ подлинно, буде не самые большіе люди, и прося у Бога милости, итти на нихъ и промыслъ учинить и дороги очищать; а будетъ люди большіе, и тебѣ стоять у самыхъ крѣпкихъ мѣстъ и ссылаться съ бояриномъ, какъ можно промыслъ учинить, и съ нимъ, бояриномъ, по тому-жъ сходиться. А стольника нашего Ивана Чаадаева оставить-бы тебѣ въ Кіевѣ, а съ нимъ ратныхъ людей оставить тебѣ по своему разсмотрѣнію, и велѣть ему въ Кіевѣ жить съ великимъ береженьемъ и осторожливо, что-бъ непріятельскіе люди надъ Кіевомъ безвѣстно какова дурна не учинили. А изъ Бѣлгорода окольничему князю Григорью Григорьевичу Ромодановскому велѣно послать въ Переяславль товарища, князя Бориса Мышецкаго, съ ратными людьми, оберегать Малые Россіи. И о томъ къ окольничему нашъ, великого государя, указъ посланъ. А князю Борису Мышецкому

велѣно писать къ боярину Василью Борисовичу Шереметеву и къ гетману Юрью Хмельницкому, что онъ пришелъ въ Переяславль, съ ратными людьми, оберегать Малые Россіи, для того, что ты, стольникъ нашъ, пошелъ изъ Кіева на помочь къ боярину. И какъ учнетъ писать къ нему бояринъ или велитъ куда итти, и ему, князю Борису Мышецкому, отписокъ боярина слушать велѣно»[443].

Покамѣстъ у князя Борятинскаго шла переписка съ Москвою, покамѣстъ онъ, по царскому указу, собиралъ отовсюду войско для похода, бояринъ Шереметевъ, въ своемъ таборѣ подъ Чудновымъ, дошелъ до такой крайности, что не было уже никакой возможности оставаться и на этомъ мѣстѣ. Лошади сотнями падали отъ безкормицы, такъ что не успѣвали убирать ихъ. Надъ Московскимъ таборомъ стоялъ смертоносный смрадъ разложившейся падали[444].

Шереметевъ, не видя ни откуда помощи,

---

[443] Портфель Г. Ѳ. Карпова (Выписки изъ дѣлъ Малороссійскаго приказа Московскаго архива министерства юстиціи, столбецъ 5857). тетрадь 2.

[444] Kochowski. Annales Poloniae. Cracoviae 1683. стр. 480.— Zieleniewicius. Memorabilis victoria de Szeremetho. Cracoviae. 1668. стр. 127.

«понуждаемый голодомъ и тысячью другихъ страданій»,—какъ сказано въ Польской реляціи[445],—отважился на отчаянное дѣло. Онъ рѣшилъ, 4 (14) октября, вторично подняться со всѣмъ своимъ таборомъ, и силою пробиться къ Слободищамъ. Въ Польскомъ лагерѣ узнали объ этомъ еще 2 (12) октября, отъ перебѣжчика-казака. Любомирскій тотчасъ-же послалъ четыре драгунскіе полка занять пригодныя мѣста по пути предполагаемаго отступленія Шереметева и загородить ему дорогу рвами съ брустверами; а войско Потоцкаго день и ночь стояло на-сторожѣ, подъ открытымъ небомъ, не имѣя, ни крова, ни защиты отъ осенней непогоды[446].

Наконецъ, наступилъ памятный день 4 (14) числа октября. «Въ теченіе столькихъ недѣль,—говоритъ епископъ Николай Свирскій,—почти ни одинъ день, ни одинъ часъ не проходилъ безъ кровопролитія, если не въ открытомъ бою, то въ частыхъ перестрѣлкахъ. Но день 4 (14) октября, былъ самый ужасный, самый кровопролитный изъ

---

[445] Acta historica res gestas Poloniae illustrantia. Vol. II. T. I. Pars. 1. Cracoviae. 1880. № 28.

[446] Swirski. Relatio historica belli Szeremetici, gesti Anno 1660. Zamosci. 1661.

всѣхъ доселѣ бывшихъ. Подобнаго ему уже не было и потомъ».

Передъ самымъ разсвѣтомъ, Польскій поручикъ Гордонъ ѣздилъ на развѣдку и, приблизившись съ шестью всадниками къ нашему табору, услышалъ тамъ необычайный шумъ. За темнотою, невозможно было разглядѣть, что́ такое дѣлалось у насъ: исправляли ли валъ, окружавшій таборъ, или же, наоборотъ, разрушали его. Полчаса спустя, когда стало разсвѣтать, Гордонъ и его спутники увидѣли, что вала уже не существуетъ: за ночь его сравняли съ землею[447].

Войско Шереметева выступило на дорогу, къ мѣстечку Пяткамъ, въ томъ-же самомъ боевомъ порядкѣ, какъ и при первомъ подъемѣ изъ-подъ Любара, но уже съ значительно поврежденнымъ обозомъ. Не напрасно Польское войско цѣлую ночь готовилось къ бою. Все было на своихъ мѣстахъ и только ожидало знака начать кровавый пиръ. Едва показался передовой конный отрядъ нашего войска, какъ загремѣли Польскія орудія, а затѣмъ, самъ гетманъ Потоцкій повелъ атаку

[447] Gordon. Tagebuch. Томъ I. M. 1849. стр. 239.

съ фронта. Встрѣченный жестокимъ пищальнымъ огнемъ, онъ подался назадъ. Тогда наши быстро перешли въ наступленіе и болѣе версты гнали предъ собою непріятеля, осыпая его градомъ ядеръ. По словамъ Даровскаго, «Поляки не только выдерживали съ великою храбростію ужасный, едва-ли когда либо бывалый, градъ ядеръ, но даже отбрасывали съ упорнымъ мужествомъ нападавшихъ на нихъ Московитовъ».

Царское войско принуждено было остановиться[448], чтобы оправиться и собраться съ новыми силами.

При дальнѣйшемъ движеніи впередъ, къ мѣстечку Пяткамъ, нѣкоторое время дѣло шло съ перемѣннымъ счастіемъ. Войско Шереметева выдержало двѣ атаки Польскихъ гусаръ, подъ начальствомъ Феликса Потоцкаго, сына гетмана. Къ третьей атакѣ подоспѣли Татары съ ихъ мѣткимъ лучнымъ боемъ. Наше войско было сбито съ дороги и ударилось въ сторону, къ лѣсу, но тамъ было окружено всѣми наличными силами Поляковъ и Татаръ.

---

[448] А не вернуться въ свой таборъ, какъ говоритъ Даровскій. Съ уничтоженіемъ валовъ, нечего было и думать возвращаться на старое мѣсто.

Закипѣла неслыханная, ожесточенная битва. Въ дневникѣ военныхъ дѣйствій Даровскаго записано: «Московиты сражались съ крайнимъ отчаяніемъ. Старые Польскіе солдаты, участники многихъ кровопролитныхъ битвъ, говорили, что въ такомъ адскомъ огнѣ они еще не бывали. Они сравнивали поле битвы съ огненной кипящей рѣкой».

Казалось, наступилъ конецъ царскому войску. Татары уже прорвали нашъ обозъ. Они влетѣли въ самую середину его и набросились на телѣги и экипажи самого Шереметева. Богатая добыча, состоявшая изъ денегъ, драгоцѣнныхъ мѣховъ и платья, обезумила хищниковъ. Они увлеклись до такой степени, что тутъ-же начали дѣлить между собою найденные въ телѣгахъ Венгерскіе червонцы (aureos Ungaricales), употребляя вмѣсто мѣры свои собственныя шапки[449]. Свирскій находитъ, что обстоятельство это испортило все дѣло, что ничего не осталось-бы отъ Московскаго войска и война кончилась-бы въ этотъ день, если-бы не Татары, занявшіеся исключительно грабежомъ. Они толпились въ проходахъ,

---

[449] Swirski. Relatio historica belli Szeremetici, gesti Anno 1660. Zamosci. 1661.

между телѣгами, и стѣсняли дѣйствія Польскаго войска, которое остановилось въ полномъ безпорядкѣ, не имѣя возможности развернуть своихъ рядовъ.

Шереметевъ поспѣшилъ воспользоваться такимъ благопріятнымъ случаемъ, нáскоро собравъ остатки своего табора. Такъ какъ усиленною стрѣльбою истощился весь запасъ пороха, то, по приказанію Шереметева, ратные люди, взявшись за топоры и рогатины, бросились въ рукопашную. Четыре часа длился этотъ ужасный бой на смерть. «Московиты, — пишетъ Даровскій, — уцѣлѣвшіе лишь въ немногихъ рядахъ, сражались и защищались такъ хорошо, что мы не могли совершенно разбить ихъ, главнымъ образомъ, по причинѣ наступленія темноты». По-просту говоря, непріятель вынужденъ былъ отступить, какъ это прямо, откровенно сказано у Свирскаго: «Мы должны были отступить, хотя и съ болью въ сердцѣ, но непостыдно, потому что совершили большое кровопролитіе среди Московитовъ, убивъ храбрѣйшихъ изъ нихъ».

По счету Поляковъ, въ этотъ день у насъ было убито, по однимъ свѣдѣніямъ, около

1500 человѣкъ[450], по другимъ—около 3000[451]. Сверхъ того, отнято 17 пушекъ[452] и много телѣгъ, между которыми было нѣсколько съ съѣстными припасами, другія—съ одеждою и серебряною посудою, а одна—съ мѣдными деньгами[453].

«Этотъ день, — читаемъ у Даровскаго,— дѣйствительно былъ ужасный и весьма трудный, по причинѣ страшнаго кровопролитія и жестокаго боя».

Послѣ отступленія Польскаго войска, наши намѣрены были итти дальше, къ мѣстечку Пяткамъ, но заскакавшіе впередъ Татары заставили ихъ расположиться таборомъ на болотистомъ, крайне неудобномъ, мѣстѣ.

Всю ночь на 5 (15) октября, воины Шереметева, не взирая на полное изнеможеніе, провели безъ сна, спѣшно копая рвы и огораживаясь валомъ, оставшимися телѣгами, а мѣстами даже трупами[454].

Польскіе писатели не скрываютъ своего

---

[450] Gordon. Tagebuch. Томъ I. M. 1849. стр. 241.

[451] Swirski. Relatio historica belli Szeremetici, gesti Anno 1660. Zamosci. 1661.

[452] Kochowski. Annales Poloniae. Cracoviae. 1683. стр. 481.

[453] Gordon. Tagebuch. T. I. M. 1849. стр. 242.

[454] Darowski. Compendium bellorum in Polonia gestorum ab anno 1647 ad annum 1661.

изумленія при видѣ такой стойкости или, какъ они выражаются, такого «упрямства» царскаго войска. «Непріятель,—говоритъ Свирскій, — разъединенный, разбитый, печально расположился лагеремъ около лѣса. Нуждаясь во всемъ, безпомощный, полный отчаянія, онъ ожидалъ тутъ роковаго исхода своего предпріятія».

Какъ только раздались, утромъ 5 (15) октября, первые залпы орудій, направленныхъ генераломъ Вольфомъ на нашъ вновь устроенный таборъ, въ Польскомъ лагерѣ говорили, что генералъ запѣлъ погребальную пѣснь Московитамъ.

ГЛАВА XXV.

5 (15) октября, гетманъ Юрій Хмельницкій послалъ изъ своего обоза, подъ Слободищами, въ Чигиринъ, казака Скорину. Такъ какъ путь на Бѣлую Церковь былъ занятъ Поляками и Татарами, то Скорина, по нуждѣ, поѣхалъ объѣздомъ, лѣсами, на Кіевъ и здѣсь, приведенный въ Приказную избу, въ распросѣ показалъ слѣдующее: «Слышали мы въ гетманскомъ обозѣ, у боярина Василья Борисовича Шереметева, октября въ 4 числѣ, стрѣльба была великая пушечная и мушкетная, съ утренней зори и во весь день. И въ ночи, октября противъ 5 числа, пришелъ къ намъ, изъ обозу боярина Василья Борисовича, казакъ наказного гетмана Тимоѳея Цецюры и сказывалъ намъ, что бояринъ Василій Борисовичь посылалъ на Ляцкіе обозы и на шан-

цы ратныхъ людей, и Ляцкой-де было пѣхотный обозъ ратные люди разорвали. И Поляки-де изъ иныхъ обозовъ въ то-жъ время приступали къ боярскому обозу, и бой-де былъ у нихъ великой во весь день, и уронъ-де былъ людей съ обѣ стороны, а больше-де побито Польскихъ людей. А бояринъ Василій Борисовичь стойтъ обозомъ въ окопѣ по сю сторону Чуднова, на полѣ, отъ лѣсу съ милю; а пройтить ему къ тому лѣсу не мочно, для того, что Поляки отъ того лѣсу противъ боярскаго обозу поставили всю свою пѣхоту и перекопы учинили во многихъ мѣстѣхъ».

Когда Скорину спросили, почему гетманъ Юрій Хмельницкій, слышавъ стрѣльбу, не пошелъ на помощь къ Шереметеву, тотъ отвѣтилъ, что между ними стояли Поляки и Татары, и «гетману пройти къ боярину Василью Борисовичу на помощь было не мочно, для того, что съ одними казаками итти и пробиваться черезъ непріятельскіе полки онъ не смѣлъ, что казаки люди нестройные»[455].

Но вовсе не это было причиною бездѣй-

---

[455] Портфель Г. Ѳ. Карпова (Выписки изъ дѣлъ Малороссійскаго приказа Московскаго архива министерства юстиціи, столбецъ 5857). тетрадь 5.

ствія Хмельницкаго. Онъ уже передался Полякамъ. Оставалось довершить это дѣло подписаніемъ договора. Въ самый день выѣзда казака Скорины изъ обоза Хмельницкаго, туда прибыли посланцы Польскихъ гетмановъ, князь Константинъ Вишневецкій и стольникъ Сандомірскій Янъ Шумовскій, съ требованіемъ, что-бы Украинскій гетманъ и вся старшина ѣхали въ Польскій лагерь, для подписанія условій мира и принесенія присяги королю[456].

Подъ вечеръ 7 (17) октября, гетманъ Юрій Хмельницкій прибылъ съ старшиною въ Польскій лагерь. Тотчасъ-же онъ явился къ польному коронному гетману Юрью Любомирскому, который потчивалъ его ужиномъ, въ палаткѣ, незадолго предъ тѣмъ отбитой у боярина Василья Борисовича Шереметева[457].

На другой день, 8 (18) октября, рано утромъ, Хмельницкій былъ введенъ въ шатеръ великаго короннаго гетмана Станислава Потоцкаго, и съ полною покорностію подписалъ изготовленный наканунѣ договоръ.

---

[456] Swirski. Relatio historica belli Szeremeticі, gesti Anno 1660. Zamosci. 1661.

[457] Darowski. Compendium bellorum in Polonia gestorum ab anno 1647 ad annum 1661.

Въ этомъ договорѣ прежде всего воздавалась хвала Юрью Хмельницкому за то, что онъ «не только не поднялъ своей руки противъ его королевской милости и Республики, но даже не имѣлъ и намѣренія подать какую нибудь помощь Московскому войску, и дѣйствительно никакой не оказалъ». Далѣе идутъ самыя условія, въ осьми статьяхъ, изъ которыхъ для насъ особенное значеніе имѣютъ слѣдующія три статьи:

1) «Его милость, панъ гетманъ Запорожскій, со всѣмъ своимъ войскомъ, долженъ отступить отъ царя Московскаго и отъ войскъ его, находящихся въ Украйнѣ, какъ съ Шереметевымъ, такъ и со всѣми другими. Равнымъ образомъ, онъ долженъ отказаться, въ настоящее и будущее время, отъ всякаго покровительства, какъ царя Московскаго, такъ и другихъ постороннихъ владѣтелей, вѣчно довольствуясь однимъ только природнымъ владычествомъ его королевской милости, пана всемилостиваго (статья 2).

2) «Для освобожденія Украинскихъ крѣпостей, находящихся во власти Москвы и подъ защитою ея, его милость, панъ гетманъ войска его королевской милости Запорожска-

го, возвратится въ Украйну, оставивши при ихъ милостяхъ, панахъ гетманахъ, и войскѣ коронномъ два полка или, по крайней мѣрѣ, одинъ, для окончательнаго пораженія Шереметева и Московскаго войска, при немъ находящагося. Если-бы, однако, Шереметевъ внезапно поднялся[458] въ это время, тогда его милость, панъ гетманъ, ударитъ на него со всѣмъ своимъ Запорожскимъ войскомъ и съ ихъ милостями, панами гетманами, и разобьетъ его. О дальнѣйшемъ-же противъ Московскаго непріятеля дѣйствіи, должно послѣдовать рѣшеніе общаго военнаго совѣта (статья 3).

3) «Хотя Цецюра, наказный гетманъ, оскорбилъ его королевскую милость и Республику, поднявши руку съ Заднѣпровскими полками на своего повелителя, при войскахъ Московскихъ, и хотя за это заслужилъ достойное наказаніе, однако, по ходатайству его милости, пана гетмана Запорожскаго войска, ихъ милости, паны гетманы, забываютъ это. Но въ то-же время онъ, Цецюра, обязанъ

---

[458] Въ другомъ спискѣ: «Когды-бы, однакъ, тымъ часомъ Шереметъ рушился нагле, теды его милость» и такъ далѣе (Библіотека Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ: акты, собранные Малиновскимъ. портфель VI. № 39).

обратить свое оружіе противъ означеннаго непріятеля, и тѣмъ доказать доброжелательство свое къ его милости, королю, и Республикѣ. Когда все это онъ исполнитъ, тогда имѣетъ быть дано ему всепрощеніе, и онъ останется наравнѣ съ войскомъ Запорожскимъ при всѣхъ вольностяхъ, со всѣми тѣми, которые находятся при немъ (статья 4)»[459].

Вслѣдъ за подписаніемъ договора, 9 (19) октября, въ полдень, Хмельницкій и казацкая старшина торжественно присягали, подъ открытымъ небомъ, на вѣрность королю и Республикѣ, и что договоръ будетъ исполненъ свято. Сотни голосовъ запѣли «Te Deum laudamus»[460]. Потомъ великій коронный гетманъ Станиславъ Потоцкій угостилъ казаковъ великолѣпнымъ пиромъ, во время котораго палили изо всѣхъ пушекъ, нарочно направленныхъ въ таборъ Шереметева. Оттуда уже не было отвѣта, за неимѣніемъ пороха...

Въ то-же время, въ лагерѣ Хмельницкаго подъ Слободищами, представители Рѣчи Посполитой, князь Вишневецкій и Шумовскій, приводили къ присягѣ всѣхъ казаковъ.

---

[459] Памятники, изданные временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Т. IV. Кіевъ. 1859. отдѣлъ 3. стр. 17—24.

[460] Gordon. Tagebuch. T. I. M 1849. стр. 243.

Нужно сказать, къ чести Польскихъ гетмановъ, что они ознаменовали этотъ радостный для нихъ день истинно христіанскимъ дѣломъ. Вотъ что читаемъ въ современной Польской реляціи: «Въ память такого счастливаго договора, въ тотъ-же самый день, были преданы погребенію нѣсколько тысячъ труповъ непріятеля, лежавшихъ непогребенными въ полѣ. И это учинилось слѣдующимъ образомъ: были вырыты круглыя, очень глубокія ямы, въ діаметрѣ около ста футовъ, такъ что туда могло быть положено по пятисотъ и болѣе труповъ. Ямы, покрывавшіяся землею на значительную высоту, превращались въ высокіе холмы, на вѣчную память объ этомъ знаменательномъ днѣ»[461].

Измѣна Хмельницкаго произвела удручающее впечатлѣніе въ таборѣ Шереметева. Ради надежды на соединеніе съ гетманомъ, принесено было столько кровавыхъ жертвъ и потеряно золотое время, когда Шереметевъ свободно могъ отойти оборонною рукою отъ непріятеля, давившаго своимъ численнымъ превосходствомъ. Планъ Хмельницкаго и его

---

[461] Acta historica res gestas Poloniae illustrantia. Vol. II. T. 1. pars 1. Cracoviae. 1880. № 28.

совѣтчиковъ удался въ полномъ смыслѣ этого слова. Обманывая такъ долго Шереметева, лестью обнадеживая его своимъ походомъ на помощь, они окончательно истощили его силы въ неравной борьбѣ. Планъ измѣнниковъ достаточно разоблачается слѣдующею статьею наказа, даннаго Хмельницкимъ своимъ посланцамъ къ Польскому королю: «Послы наши должны ясно показать его королевской милости, что войско Запорожское шло подъ Слободищи не съ тѣмъ намѣреніемъ, что-бъ, соединившись съ Шереметевымъ, истребить коронное войско, но съ тѣмъ, что-бы вести переговоры о мирѣ съ ихъ милостями, панами гетманами. Лишь только ихъ милости увѣрили насъ въ благосклонности его королевской милости — осѣнить насъ своимъ крыломъ, тотчасъ-же, отвѣчая на это вѣрнымъ подданствомъ, мы заключили вѣчный миръ. И вотъ истинная причина, почему войско Запорожское шло медленно (ozięble ciągneło): желая возвратиться къ природному повелителю, оно изнуряло этою медлительностію тиранскія силы»[462].

[462] Памятники, изданные временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Т. IV. Кіевъ. 1859. отдѣлъ 3. стр. 56.

Но даже и изнуренныя, разбитыя силы Шереметева наводили еще страхъ на Поляковъ. Всего можно было ожидать отъ «упрямыхъ» Московитовъ: «Если-бы, однако, Шереметевъ внезапно поднялся»!... Эта мысль, высказанная и въ договорѣ, сильно тревожила Польскихъ гетмановъ.

Въ ночное время, половина Польской арміи оставалась подъ ружьемъ. Ежечасно ожидали или вылазки Шереметева, или новаго отхода его изъ табора оборонною рукою. Пѣхотинцы и драгуны были измучены копаніемъ въ разныхъ мѣстахъ редутовъ и шанцовъ, для воспрепятствованія Московскому войску запасаться дровами и фуражемъ[463].

Польскіе гетманы употребляли всѣ свои силы на то, что-бы отдѣлить отъ Шереметева Цецюру съ казаками. Только тогда можно было-бы сказать съ увѣренностію, что Шереметевъ уже не подымется.

Въ самый день присяги, вечеромъ, Хмельницкій, по приказанію Польскихъ гетмановъ, отправилъ въ нашъ таборъ, къ полковнику Цецюрѣ, посланца съ извѣщеніемъ о заключеніи договора съ Поляками и съ увѣща-

[463] Gordon. Tagebuch. T. I. M. 1849. стр. 242.

ніемъ, что-бъ онъ, съ казаками, послѣдовалъ примѣру своего гетмана. Цецюра, не показывая никому листа Хмельницкаго, выторговалъ себѣ у Поляковъ вознагражденіе, и за тѣмъ, условился о томъ, какимъ образомъ и когда совершить ему перебѣгъ въ Польскій лагерь. Рѣшено было устроить это дѣло такимъ образомъ: 11 (21) октября, въ субботу, все Польское войско выступитъ и окружитъ таборъ Шереметева. Тогда Хмельницкій развернетъ свое знамя и это должно было служить знакомъ для выступленія Цецюры, съ казаками, въ Польскій лагерь.

Въ назначенный день, въ полдень, Польскіе пѣхотные полки двинулись къ Московскому табору, а конница шла по правую сторону, въ нѣкоторомъ отдаленіи. Шереметевъ собралъ военный совѣтъ, на который былъ позванъ и Цецюра. Но послѣдній въ это время дѣлалъ спѣшныя распоряженія о своихъ телѣгахъ и приказывалъ, что-бы казаки были наготовѣ. За Цецюрой посылали во второй и третій разъ, но уже съ угрозами. Тогда онъ, испугавшись, что замыслъ его открытъ, собралъ казаковъ и прочиталъ имъ листъ Хмельницкаго, присовокупивъ, что онъ, по-

винуясь приказу гетмана, переходитъ на королевскую сторону, и что каждый, кому дорого благополучіе родины и свое собственное, обязанъ слѣдовать за нимъ.

Сгоряча, Цецюра забылъ объ условленномъ знакѣ, о знамени Хмельницкаго. Въ одинъ мигъ срыта была часть вала, и Цецюра, съ осьмью тысячами казаковъ, во весь опоръ устремился по направленію къ Польскому лагерю.

На бѣду казаковъ-перебѣжчиковъ, Татары, ничего не знавшіе о покорности Цецюры Польскому королю, бросились на нихъ со всѣхъ сторонъ, сбили въ одну кучу и принялись съ ожесточеніемъ рубить направо и налѣво. Прежде чѣмъ подоспѣла на выручку Польская конница, Татары изрубили нѣсколько сотень казаковъ и свыше тысячи забрали въ плѣнъ. Изъ остальныхъ, часть возвратилась въ нашъ таборъ, часть разбѣжалась по домамъ и только двѣ тысячи казаковъ, съ самимъ Цецюрою, подъ защитою коннаго отряда князя Вишневецкаго, благополучно прибыли въ Польскій лагерь[464]. Но тутъ съ Це-

---

[464] Взятый нашими въ плѣнъ Брусиловскій сотникъ Андрей Синицкій, въ распросѣ сказалъ, что въ то время «въ обозѣ съ Ва-

цюрою поступили какъ съ подчиненнымъ, неисполнившимъ какъ слѣдуетъ служебнаго порученія. Его немедленно посадили подъ стражу за то, что онъ, вопреки приказа, выступилъ прежде, чѣмъ приблизилась къ Московскому табору Польская армія[465].

По всему видно, что Потоцкій предполагалъ, одновременно съ выступленіемъ изъ табора всѣхъ казаковъ, сдѣлать примѣрное нападеніе на Московское войско. Это далобы видъ, что казаки Цецюры вынуждены были покориться королю съ боя, силою Польскаго оружія. Можетъ быть, расчитывали повторить ту-же комедію, которую разыгралъ Любомирскій подъ Слободищами съ казаками Хмельницкаго.

Поспѣшность Цецюры разстроила планы Потоцкаго, и онъ отвелъ свои войска назадъ, не вступая въ бой съ Московитами, твердо держась принятому рѣшенію, заморить ихъ голодомъ и тѣмъ принудить къ сдачѣ.

сильемъ Борисовичемъ Шереметевымъ остались только: Кіевскій полковникъ Василій Дворецкій да Прилуцкій да Миргородскій Кирила Андреевъ, и казаки-де при нихъ ихъ полковъ есть-же» (Портфель Г. Ѳ. Карпова: Выписки изъ дѣлъ Малороссійскаго приказа Московскаго архива министерства юстиціи, столбецъ 5857. тетрадь 4).

[465] Gordon. Tagebuch. T. I. M. 1849. стр. 243—245.

Дѣло роковымъ образомъ шло именно къ такой развязкѣ этой безпримѣрной войны.

Послѣ измѣны Хмельницкаго и Цецюры, у Шереметева оставалась еще нѣкоторая надежда на князя Юрья Никитича Борятинскаго, который, не ожидая прибавочныхъ людей, уже выступилъ къ нему на помощь съ тремя тысячами, взятыхъ имъ изъ Кіева, ратныхъ людей. Но въ какой мѣрѣ можно было расчитывать на скорое прибытіе этой помощи, видно изъ слѣдующей отписки царю оставшагося въ Кіевѣ стольника Ивана Ивановича Чаадаева, отъ 12 октября, то есть того самого дня, когда Цецюра перебѣжалъ на Польскую сторону: «По твоему, великого государя, указу, и по отпискамъ боярина Василья Борисовича Шереметева, и по письму гетмана Юрья Хмельницкаго, стольникъ князь Юрій Никитичь Борятинскій съ твоими, великого государя, ратными людьми изъ Кіева пошелъ октября въ 7 день; и октября 11 писалъ онъ ко мнѣ съ дороги (изъ мѣстечка Рожева): по твоему, великого государя, указу, велѣно быть съ нимъ въ походѣ въ прибавку—головѣ Московскихъ стрѣльцовъ Ѳедору Александрову да полковнику Ефиму Франзбекову изъ Перея-

славля; да изъ Нѣжина головѣ Московскихъ стрѣльцовъ Алексѣю Мещеринову да Борису Глѣбову; да изъ Чернигова Алексѣю Подтопкину, съ приказы. И какъ они въ Кіевъ придутъ, и мнѣ-бы выслать ихъ изъ Кіева къ нему, князю Юрью, а съ собою оставить въ Кіевѣ голову Алексѣя Подтопкина съ приказомъ. И октября въ 11 день, пришли въ Кіевъ изъ Переяславля полковникъ Ефимъ Францбековъ, съ полкомъ, да изъ Чернигова голова Михайло Кабановъ, съ приказомъ; а Александровъ, Мещериновъ и Глѣбовъ октября по 12 число въ Кіевъ не бывали. И Ефиму Францбекову велѣлъ я быть въ Кіевѣ, дождаться головъ съ приказы; а какъ они придутъ, и я ихъ отпущу изъ Кіева тотчасъ; а не дождавшись, отпускать ихъ порознь, не смѣю, что-бъ, за малолюдствомъ, дорогою, отъ непріятельскихъ людей какова дурна не учинилось».

Далѣе, Чаадаевъ представлялъ и о своемъ собственномъ безотрадномъ положеніи: «А со мною, государь, въ Кіевѣ, ратныхъ людей осталось, послѣ походу князя Юрья Борятинскаго, съ 2400 человѣкъ и съ больными, да у Михайлы Кабанова въ приказѣ съ 400 человѣкъ; а конныхъ людей въ Кіевѣ со мною не

осталось никово. И въ Кіевѣ нынѣ добрѣ малолюдно и караулы караулятъ съ великою нужею. И о людяхъ, государь, вели мнѣ свой, великого государя, указъ учинить, что-бъ, за малолюдствомъ, отъ непріятельскихъ людей надъ Кіевомъ какова дурна не учинилось»[466].

---

[466] Портфель Г. Ѳ. Карпова (Выписки изъ дѣлъ Малороссійскаго приказа Московскаго архива министерства юстиціи, столбецъ 5857). тетрадь 5.

ГЛАВА XXVI.

Вслѣдъ за измѣною Цецюры, Василій Борисовичь Шереметевъ рѣшилъ, не дожидаясь болѣе князя Борятинскаго, итти къ нему на встрѣчу, прямо на мѣстечко Котельню. Когда именно и при какихъ обстоятельствахъ совершенъ былъ этотъ послѣдній, поистинѣ изумительный, отходъ Шереметева, въ точности неизвѣстно. Польскіе писатели, вовсе несклонные описывать подвиги нашего войска, совсѣмъ умалчиваютъ объ этомъ. Въ обстоятельныхъ дневникахъ Свирскаго и Даровскаго, въ которыхъ военныя событія записаны изо дня въ день, вслѣдъ за изложеніемъ подробностей перебѣга Цецюры, то есть послѣ 11 (21) октября, примѣчается перерывъ. О событіяхъ 12, 13 и 14 октября не сказано тамъ ни одного слова. Напримѣръ, въ дневникѣ

Даровскаго, сейчасъ-же послѣ разсказа о Цецюрѣ, читаемъ слѣдующую общую отмѣтку за цѣлыхъ три дня, отъ 22 (12) до 25 (15) октября: «Непріятель окруженъ уже близко валомъ и рвами, такъ что никакимъ образомъ не можетъ выходить изъ табора что-бы набрать хотя хворосту или корней для топлива».

Изъ нашихъ-же отечественныхъ источниковъ, столь бѣдныхъ подробностями, видно только, что Шереметевъ, въ своемъ стремительномъ движеніи на соединеніе съ княземъ Борятинскимъ, былъ остановленъ непріятелемъ, не доходя двухъ верстъ до мѣстечка Кодни[467], и что именно тутъ Шереметевъ въ послѣдній разъ расположился съ жалкими остатками своего войска[468]. Поляки перегородили дорогу Шереметеву, занявъ мѣстечко Кодню. Все это могло происходить именно въ указанный выше срокъ, между 11 и 15 числами октября.

Въ то время стояла необыкновенная пого-

---

[467] Кодня, мѣстечко Волынской губерніи, Житомірскаго уѣзда, въ 20 верстахъ отъ мѣстечка Котельни.

[468] Портфель Г. Ѳ. Карпова (Выписки изъ дѣлъ Малороссійскаго приказа Московскаго архива министерства юстиціи, столбецъ 5857). тетрадь 4.

да: ночью—жестокій морозъ, а днемъ—проливной дождь[469].

Вотъ какъ описываетъ епископъ Свирскій, подъ 15 (25) числомъ октября, то ужасное положеніе, въ которомъ находилось войско Шереметева, въ его послѣднемъ убѣжищѣ, въ таборѣ подъ мѣстечкомъ Коднею:

«Непріятель тѣсно окруженъ рвами, такъ что не можетъ выходить, ни для прісканія съѣстныхъ припасовъ, ни для рубки дровъ. Находясь среди лѣсовъ, онъ терпѣлъ недостатокъ въ топливѣ. Сперва Московиты пользовались пнями, находившимися въ чертѣ ихъ табора; а когда всѣ пни перевелись, начали жечь дернъ, отъ котораго только дымило. Не было возможности, ни сварить, какъ слѣдуетъ, конины — этой единственной ихъ пищи, ни обогрѣться промокшимъ отъ дождя людямъ, постоянно пребывавшимъ, въ осеннюю непогоду, подъ открытымъ небомъ, на холодномъ, туманномъ воздухѣ. Ежедневно падали лошади и отъ неубранныхъ труповъ ихъ стояло зловоніе. Лица ратныхъ людей и ихъ одежда почернѣли отъ дыма тлѣвшаго дерна. Отъ

---

[469] Kochowski. Annales Poloniae. Cracoviae. 1683. стр. 485.

недостатка въ съѣстныхъ припасахъ и злокачественной воды, все болѣе и болѣе распространялись болѣзни. Московиты, съ исхудалыми, почернѣвшими лицами, казались не людьми, а привидѣніями. Они находились въ такомъ жалкомъ состояніи, что вызывали сожалѣніе и въ непріятелѣ. Только и слышны были ихъ стоны и вопли».

Даровскій говоритъ, что нашъ таборъ подъ Коднею былъ расположенъ на сыромъ, болотистомъ мѣстѣ. Трупы лошадей и даже людей служили ратнымъ людямъ скамьями и столами. Во многихъ мѣстахъ табора невозможно было ступить, не увязнувъ по поясъ. Всѣмъ Московитамъ угрожало погибнуть отъ холода, голода и невыразимаго трупнаго смрада.

Дѣло дошло до того, что̀ не было возможности даже и кое-какъ сварить конины. Для то́плива и варки пищи остались лишь коренья, вырываемые изъ земли; но ими могли пользоваться только знатнѣйшіе люди, за весьма большія деньги. Наконецъ, войско начало питаться сырымъ мясомъ палыхъ лошадей[470].

[470] Extract eines gewissen Schreibens von hoher Hand aus Crakau. 1660.

«И вотъ,—восклицаетъ Даровскій, — въ этой ужасной, невыносимой грязи, упрямый непріятель, покинутый всякою человѣческою помощію, склоняетъ, наконецъ, свой гордый духъ и проситъ перемирія»!

Самъ Шереметевъ говоритъ, что онъ, съ товарищами своими, «отъ великія нужи и видя измѣну Юрья Хмельницкаго и Тимоѳея Цецюры и полковниковъ и казаковъ, и не чая къ себѣ помочи ни отъ кого, и не похотя государевыхъ людей въ плѣнъ и расхищеніе отдать», вступилъ съ Польскими гетманами въ переговоры о перемиріи[471].

Но какова-бы ни была нужда, невозможно себѣ представить, зная надменный нравъ Василья Борисовича Шереметева, что-бы онъ самъ собою пошелъ на какія либо сдѣлки и переговоры съ непріятелемъ. И дѣйствительно, есть положительное извѣстіе, что его прямо заставили сдѣлать этотъ шагъ. Въ современномъ письмѣ изъ Кракова, писанномъ «знатною особою», сказано слѣдующее: «Московиты, за невозможностію держаться долѣе, вслѣдствіе голода, толпами приходили къ ге-

---

[471] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. V. Спб. 1867. стр. 39. столб. 2.

нералу Шереметеву и требовали, что-бы онъ сдался; въ противномъ-же случаѣ, грозили выдать его головою. Въ концѣ-концовъ добились того, что Шереметевъ послалъ въ Польскій лагерь стольниковъ князя Козловскаго и Ивана Павловича Акинѳіева, просить перемирія»[472].

Это было 15 (25) числа октября. Очевидецъ, Гордонъ, говоритъ, что Поляки обрадовались Московскимъ посланцамъ, потому что сами тяготились войною. По его словамъ, «Польская армія была совсѣмъ разстроена; въ ней было много больныхъ, почти весь провіантъ вышелъ, особенно у пѣхотинцевъ, которые давно уже питались кониною; а лошадей было очень мало, такъ какъ въ одну холодную ночь ихъ пало около десяти тысячъ штукъ[473]. Къ тому-же престарѣлый гетманъ Потоцкій былъ нездоровъ и весьма желалъ поскорѣе окончить войну, тѣмъ болѣе, что зима была на дворѣ и стояла чрезвычайная стужа»[474].

---

[472] Extract eines gewissen Schreibens von hoher Hand aus Crakau. 1660.

[473] А по Коховскому, до двѣнадцати тысячъ (Annales Poloniae. Cracoviae. 1683. стр. 485).

[474] Gordon. Tagebuch. T I. M. 1849. стр. 245 и 246.

Польскіе гетманы сейчасъ-же согласились на перемиріе, то есть на пріостановку военныхъ дѣйствій, и поспѣшили назначить слѣдующихъ лицъ коммиссарами для заключенія мира: воеводу Бельзскаго князя Дмитрія Вишневецкаго, королевскаго агента Бенёвскаго, старосту Галицкаго Андрея Потоцкаго, подкоморія Немирчича и стольника Сандомірскаго Яна Шумовскаго. Съ нашей стороны, назначены были коммиссарами: окольничій князь Осипъ Ивановичь Щербатовъ, стольникъ князь Григорій Аѳанасьевичь Козловскій, стольникъ Иванъ Павловичь Акинѳіевъ и два полковника: Ѳедоръ Суковъ и Иванъ Монастыревъ[475].

И такъ, наступилъ послѣдній актъ кровавой драмы. Шереметевъ, очевидно, предвидѣлъ ея развязку и до послѣдней крайности противился вступать въ переговоры съ Поляками. Но, за измѣною казаковъ, за упадкомъ дисциплины въ войскѣ, изнемогавшемъ отъ голода и лишеній во всемъ, развѣ можно было заставить ратныхъ людей терпѣливо переносить невыразимыя страданія, ради од-

---

[475] Gordon. Tagebuch. T. I. M. 1849. стр. 245 и 246.

ной только слабой надежды на помощь князя Борятинскаго, о которомъ, какъ нарочно, не было ни слуху, ни духу!

Однако, куда же дѣвался князь Юрій Никитичь Борятинскій и что́ онъ дѣлалъ въ это горячее время, когда всякая помощь была-бы въ пору, когда появленіе хотя-бы и двухъ тысячъ свѣжаго войска, еще могло-бы поднять упавшій духъ царской рати?

Мы оставили князя Борятинскаго въ мѣстечкѣ Рожевѣ[476], откуда онъ писалъ, 11 октября, къ стольнику Чаадаеву, о высылкѣ назначенныхъ къ нему въ отрядъ прибавочныхъ ратныхъ людей. Въ этомъ мѣстечкѣ онъ просидѣлъ до 18 октября, когда, наконецъ, прибыли ожидаемые прибавочные ратные люди, всего 2172 человѣка. Но послушаемъ, что разсказываетъ обо всемъ этомъ самъ князь Борятинскій, въ своей отпискѣ къ царю Алексѣю Михайловичу:

«А шелъ я за тѣмъ тихо, дожидался къ себѣ головъ стрѣлецкихъ съ приказы и полковника Франзбекова съ солдаты. И головы

---

[476] Мѣстечко Рожево, Кіевской губерніи, Родомысльскаго уѣзда, находится верстахъ въ 50 отъ Кіева, по старой почтовой дорогѣ въ Житоміръ.

и полковникъ ко мнѣ пришли въ мѣстечко Рожево октября въ 18 день. А какъ они пришли, и я со всѣми ратными людьми (5172 человѣка) изъ Рожева пошелъ въ помочь къ боярину Василью Борисовичу, и пришелъ подъ мѣстечко Брусилово октября въ 19 день. А мѣстечко Брусилово отъ Кіева 60 верстъ. И изъ мѣстечка Брусилова, сотникъ и казаки, выѣхавъ за версту къ переправѣ, по твоимъ, великого государя, ратнымъ людямъ учали стрѣлять. И я пришелъ со всѣми ратными людьми къ той переправѣ, и сотникъ и казаки отъ меня побѣжали въ городъ; и я пошелъ за ними къ городу, что-бъ мнѣ для береженія ратныхъ людей стать въ городѣ. И Брусиловскій сотникъ и казаки и войтъ и мѣщане вышли противъ меня подъ городомъ, на мельницу, съ луки и пищалями, и плотину разрыли и мостъ разобрали и изъ пушекъ съ города по ратнымъ людямъ стрѣляли. И я къ сотнику и войту посылалъ говорить, что-бъ они ко мнѣ были, и они ко мнѣ не пошли, а сказали: намъ-де отъ гетмана Юрья Хмельницкаго разсказанья нѣтъ, что-бъ васъ въ городъ къ себѣ пускать; а у насъ-де Ляхи и Орда стоятъ, и ты-де у насъ не уйдешь, какъ и

Шереметъ. И я безъ твоего, великого государя, указу биться съ ними не смѣлъ, а отошелъ прочь назадъ, съ версту, и сталъ обозомъ подъ мѣстечкомъ Костовцами. А которые люди изъ мѣстечекъ и изъ селъ и деревень ко мнѣ приходили, и тѣ всѣ сказывали, что гетманъ Юрій Хмельницкій тебѣ, великому государю, измѣнилъ: Ляхомъ и Татаромъ присягалъ. И октября въ 20 числѣ, пришли къ обозу Татаровя, Ляхи и Черкасы, и я съ ратными людьми противъ ихъ обозу выбрался, и у меня былъ съ ними бой. И милостію Божіею, Ляховъ и Татаръ и казаковъ побили и многихъ переранили и отъ обозу отбили. Да того-же, государь, числа, я для языковъ посылалъ голову Ивана Москатиньева, а съ нимъ разныхъ людей 100 человѣкъ, да маеора Сипягина, а съ нимъ 4 роты рейтаръ. И изъ той посылки ко мнѣ привели дву человѣкъ Черкасъ, а въ распросѣ Черкасы сказали, что гетманъ Юрій Хмельницкій тебѣ, великому государю, измѣнилъ: Ляхамъ и Татарамъ присягалъ. А бояринъ Василій Борисовичь, не дошедъ до мѣстечка Кодни, за двѣ версты, сидитъ въ окопѣ, а Ляхи къ нему не приступаютъ; только у боярина Василья Бори-

совича въ обозѣ кормовъ мало и ратнымъ людямъ нужа большая—ядятъ лошадей. Да затѣмъ-де бояринъ отходомъ нейдетъ, что не на чемъ везти пушки, лошадей у него въ обозѣ мало. А свѣдавъ-де про меня, что я иду съ ратными людьми къ боярину въ помочь, и по дорогамъ и переправамъ меня Ляхи, Татары и казаки дожидаются большіе люди и хотятъ меня осадить и, осадя меня, со всѣми полками итти подъ Кіевъ и промышлять надъ Кіевомъ. И я по тѣмъ вѣстямъ, отошелъ отъ нихъ назадъ, къ Рожеву, октября въ 22 день. И отшелъ съ стану версту, и на меня, прошедъ мѣстечко Ставища, пришли: Собезскій, хорунжей корунный, да каштелянъ Потоцкій да полковникъ Ружчичь да ротмистръ Фружкевичь, съ Поляки, да Маметча мурза, съ Татары, да Брусиловскій сотникъ, съ казаками; а съ ними были большіе люди[477]. И у меня былъ съ ними бой, и милостію Божіею, Татаръ и Ляховъ и казаковъ побили и многихъ переранили, а въ языцѣхъ на томъ бою взяли

---

[477] Изъ Польской реляціи узнаемъ, что съ Собѣскимъ былъ и Юрій Хмельницкій, вó-время прибывшій съ казаками изъ своего лагеря, и что благодаря именно его помощи, князю Борятинскому помѣшали соединиться съ Шереметевымъ (Acta historica res gestas Poloniae illustrantia. Vol. II. T. 1. pars 1. Cracoviae. 1880. № 28.

измѣнника Брусиловскаго сотника Андрюшку Синицкаго. А твоихъ, великого государя, ратныхъ людей на томъ бою не убито и въ полонъ не взято никого. А къ боярину Василью Борисовичу съ обозомъ и съ тѣми ратными людьми пройти мнѣ ни которыми мѣрами нельзя, потому что нынѣ тебѣ, великому государю, гетманъ и Черкасы измѣнили, съ Ляхами и Татарами соединились. А буде твое, великого государя, изволеніе будетъ, что-бъ мнѣ къ боярину Василью Борисовичу итти въ помочь, и я итти готовъ. Только итти къ боярину безъ обозу, лѣсами, подлѣ рѣки Тетеревы, и притти лѣсами отъ обозу боярина за пять верстъ. И прибавка надобна къ тѣмъ людямъ, которые нынѣ со мною, ратныхъ людей конныхъ и пѣшихъ большая, что-бъ было съ кѣмъ итти безстрашно, не малолюдствомъ. А безвѣстно въ обозъ къ боярину пройти нельзя: казаки безпрестанно Ляхамъ и Татарамъ вѣсть даютъ. А какъ будутъ ратные люди со мною прибавочные большіе люди, и я, подшедши лѣсами, и дождався ночи, пойду на проломъ въ обозъ къ боярину Василью Борисовичу. А отъ Кіева, государь, безъ обозу къ боярину мочно поспѣть недѣлею. А въ

мѣстечкѣ въ Рожевѣ и въ Макаровѣ я стать не смѣлъ: мѣстечки худы и ратнымъ людямъ кормиться нечѣмъ; и опасаюсь того, что гетманъ стоитъ у Бѣлой Церкви, что-бъ онъ, пришедъ съ казаками, меня не осадилъ и, осадя, надъ Кіевомъ какова дурна не учинилъ. А твой, великого государя, указъ ко мнѣ присланъ, что-бъ мнѣ итти къ боярину твердымъ обозомъ и стоять въ крѣпкихъ мѣстѣхъ. А твердымъ обозомъ мнѣ тою дорогою итти нельзя, дорога тѣсная, только итти въ двѣ телѣги. А въ мѣстечка меня нигдѣ не пустили; а на лѣсахъ стоять не у чего, запасовъ и конскихъ кормовъ взять негдѣ. Да и ратные люди тебѣ, великому государю, били челомъ, а мнѣ говорили, что-бъ мнѣ итти къ Кіеву. И я пошелъ къ Кіеву, и пришелъ въ мѣстечко Бѣлогородку октября въ 26 день, и сталъ въ Бѣлогородкѣ [478]; а ожидаю отъ тебя, великого государя, указу. А какъ твой, великого государя, указъ будетъ, велишь мнѣ итти въ помочь къ боярину, и они со мною итти готовы».

И такъ, князь Борятинскій считалъ уже

---

[478] Мѣстечко Бѣлогородка (древній Бѣлгородъ)—въ 23 верстахъ отъ Кіева.

невозможнымъ, безъ «прибавочныхъ большихъ людей», оказать какую либо помощь Шереметеву. Все его вниманіе было устремлено на Кіевъ, положеніе котораго находилъ весьма опаснымъ. Князь Борятинскій писалъ государю, что какъ только Польскіе и Татарскіе воинскіе люди придутъ подъ Кіевъ, а этого онъ ожидаетъ вскорѣ [479], немедленно пойдетъ туда, не дожидаясь царскаго указа.

Общее настроеніе въ Украинскихъ городахъ было таково, что князь Борятинскій признавалъ необходимымъ принять весьма крутыя мѣры для устрашенія казаковъ. Вотъ чѣмъ кончаетъ онъ вышеприведенную отписку, посланную въ Москву 26 октября: «Которые Черкаскіе городы и мѣстечки тебѣ, великому государю, служить вѣрно не учнутъ, и тебѣ-бы Черкаскіе городы всѣ раззорить для того, что-бъ непріятельскимъ людямъ близко Кіева стать было негдѣ и были-бы казаки и мужики отъ твоихъ, великого госуда-

---

[479] Взятый въ бою Брусиловскій сотникъ Андрей Синицкій, въ распросѣ сказалъ, что Юрій Хмельницкій, «осадя князя Юрья Никитича Борятинскаго, собрався со всѣми полками, хотѣлъ итти подъ Кіевъ или послать въ свое мѣсто Гуляницкаго съ полками и промышлять надъ Кіевомъ вскорѣ... И стольнику-де, князь Юрью, съ ратными людьми, лучше итти назадъ, къ Кіеву».

ря, ратныхъ людей страшны. Да и для того ихъ раззорить, что-бъ межъ ими междуусобіе учинить. А надъ измѣнниками я учну промышлять, сколько Богъ помощи подастъ»[480].

Возвратимся къ прерванному разсказу о начавшихся мирныхъ переговорахъ между Васильемъ Борисовичемъ Шереметевымъ и Польскими гетманами.

---

[480] Портфель Г. Ѳ. Карпова (Выписки изъ дѣлъ Малороссійскаго приказа Московскаго архива министерства юстиціи, столбецъ 5857). тетрадь 4.

ГЛАВА XXVII.

Нурадинъ-султанъ, какъ только узналъ, что Польскіе гетманы заключили перемиріе съ Русскими и собираются вступить въ переговоры о мирѣ, объявилъ объ этомъ своимъ мурзамъ; но тѣ и слышать не хотѣли ни о перемиріи, ни о мирѣ. Мурзы кричали, что они пришли сражаться и подавать помощь Полякамъ, а не толковать о мирѣ, и что если Поляки помирятся съ Русскими, то этимъ самымъ станутъ ихъ врагами. Польскіе гетманы съ трудомъ уговорили хищниковъ, задобривъ главнѣйшихъ мурзъ подарками[481].

Лишь 18 (28) октября, коммиссары въ первый разъ сошлись для переговоровъ, на открытомъ полѣ, между лагерями.

---

[481] Gordon. Tagebuch. T. I. M. 1849. стр. 246.—Darowski. Compendium bellorum in Polonia gestorum ab anno 1647 ad annum 1661.

Мы не имѣемъ возможности воспроизвести всего хода мирныхъ совѣщаній, длившихся пять дней. Для этого нѣтъ никакихъ другихъ данныхъ, кромѣ отрывочныхъ показаній Польскихъ писателей, постоянно увлекавшихся въ одну сторону: къ прославленію геройства и великодушія побѣдителей и къ возможному униженію побѣжденныхъ схизматиковъ. Такъ что иногда поневолѣ приходится читать между строкъ. Напримѣръ, если Даровскій говоритъ, что «нѣкоторыя обстоятельства переговоровъ свидѣтельствуютъ объ упрямствѣ непріятеля и объ его врожденной гордости», само собою складывается представленіе, что наши коммиссары, не взирая на свое крайне невыгодное положеніе, держали себя съ большимъ достоинствомъ.

Мирныя совѣщанія открылись рѣчью стольника Ивана Павловича Акинѳіева, по словамъ Свирскаго, «человѣка весьма умнаго».

Акинѳіевъ выступилъ впередъ съ разстроеннымъ лицомъ и, наклонивъ голову, медленно, какъ-бы взвѣшивая каждое слово, сказалъ приблизительно слѣдующее:

«Потщимся братія о мирѣ. Въ немъ все

благополучіе и причина процвѣтанія государствъ. Не думайте, что мы уже совсѣмъ уничтожены. У насъ еще мечъ въ рукѣ, а въ груди сердце. Жребій войны перемѣнчивъ. Прекратимъ-же братоубійственную войну. Вспомните, мы единаго Славянскаго племени, вѣтви единаго древа. У насъ одинъ языкъ, одни обычаи, одно небо; а главное, мы искуплены единою кровію Христовою. Соединившись братски, мы покорили-бы напоенную кровію Христовою Святую землю, изобилующія богатствами и красотами восточныя страны и весь міръ. Забывая все это, вы дружите съ Татарами. Будучи Христіанами, вы напустили на насъ, Христіанъ-же, этихъ дикихъ звѣрей. Или вы думаете, что Татарская дружба постоянна? Еще мальчикомъ слышалъ я отъ отца, что соколъ съ перепеломъ заключили союзъ, преслѣдовать и убивать голубей. Когда-же всѣ голуби были съѣдены и насталъ голодъ, соколъ прежде всего бросился на перепела, своего вчерашняго товарища и друга»[482].

Рѣчь Акинѳіева возбудила лишь споры и

---

[482] Swirski. Relatio historica belli Szeremetici, gesti Anno 1660. Zamosci. 1661.

препирательства о томъ, кто больше виноватъ въ международныхъ несогласіяхъ, Польша или Москва. Обѣ стороны разошлись по домамъ, не постановивъ никакого рѣшенія по существу дѣла.

Въ слѣдующій день, коммиссары собрались на томъ-же самомъ мѣстѣ и въ томъ-же составѣ, съ прибавленіемъ уполномоченныхъ и отъ Татаръ. Нурадинъ-султанъ настоялъ на томъ, что-бы и Татары были допущены къ совѣщаніямъ о мирѣ и назначилъ коммиссарами, кромѣ визиря Омера-аги, еще двухъ мурзъ: Карачбея и Келмамета[483].

На этомъ совѣщаніи, «послѣ разныхъ прелюдій и объясненій съ Московитами», начались обсужденія условій мира, заранѣе составленныхъ Польскими коммиссарами[484]. Совѣщанія безпрестанно прерывались Татарами, которые, стараясь выговорить себѣ какъ можно больше денежнаго вознагражденія, предъявляли невозможныя требованія. Ихъ подбивалъ къ тому Выговскій, изъ желанія

---

[483] Extract eines gewissen Schreibens von hoher Hand aus Crakau. 1660.—Theiner. Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michaëlowitsch etc. Rome. 1859. стр. 41.

[484] Theiner. Monuments historiques relatifs d'Alexis Michaëlowitsch etc. Rome. 1859. стр. 41.

причинить намъ какъ можно больше затрудненій[485]. Шереметевъ вынужденъ былъ войти въ особое соглашеніе съ Татарами и заплатилъ имъ 150.000 ефимковъ, «для того, чтобы они государевыхъ ратныхъ людей не побили»; а потомъ долженъ былъ уплатить еще 150.000 ефимковъ и въ обезпеченіе этой уплаты, оставилъ Татарамъ «въ закладѣ дворянъ и начальныхъ людей 24 человѣка». Всѣ ратные люди били челомъ великому государю, что-бы онъ «ихъ пожаловалъ, велѣлъ ихъ отъ смерти окупить и заплатить тотъ окупъ изъ своей, великого государя, казны, а впредь имъ указалъ зачесть въ жалованья»[486]. На нѣкоторое время Татары успокоились, но потомъ опять стали кричать, что не желаютъ заключать мира съ тѣми, которые по всей справедливости должны быть жестоко наказаны[487].

Не ладилось дѣло и у коммиссаровъ. Каждая статья вызывала споры. Наши успѣли,

---

[485] Extract eines gewissen Schreibens von hoher Hand aus Crakau. 1660.

[486] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. V. Спб. 1867. № 21. стр. 38.

[487] Swirski. Relatio historica belli Szeremetici, gesti Anno 1660. Zamosci. 1661.

однако, отстоять многое. Такъ, они безусловно отвергли требованія Поляковъ выдать на милость гетмановъ и Нурадина-султана оставшихся въ таборѣ Шереметева казаковъ, «какъ измѣнниковъ королевскому величеству и Рѣчи Посполитой», и уплатить военную контрибуцію, въ четыре милліона ефимковъ. Наши коммиссары отказались также дать клятву никогда и нигдѣ не воевать противъ Рѣчи Посполитой[488].

Договоръ въ окончательной формѣ былъ сообщенъ Василью Борисовичу Шереметеву 22 октября (1-го ноября). Вотъ буквальный текстъ этого сообщенія:

«Царского пресвѣтлого величества боярину и воеводамъ и намѣстнику Бѣлоозерскому Василью Борисовичу Шереметеву, съ товарищи, поданіе и пріятіе.

«Его царского пресвѣтлого величества войска изъ Кіева, изъ Переяславля, изъ Нѣжина и изъ Чернигова вывести маютъ, и выведеныхъ въ жадныхъ[489] иншихъ мѣстцахъ не осажаючи до Путивля, зоставивши гарма-

---

[488] Theiner. Monuments historiques relatifs aux règnes d'Alexis Michaèlowitsch etc. Rome. 1859. стр. 176.

[489] Жадный = никакой.

ту[490] военную, кули[491], прохъ и всякіе пушечные запасы на тыхъ-же городѣхъ.

«Армату военную, прохъ и кули и весь запасъ военный, также хоругви, стрѣлбу[492] и инное оружіе, конное и пѣшое, заразомъ[493] по присягѣ отдати маютъ. И по отданномъ гарматѣ и всякому оружію, пороху и куляхъ, якъ выше сего о томъ написано, рать вся заставати будетъ у таборѣ безъ оружія до четвертого дня, подъ залогою[494] гетмановъ великихъ его королевскаго величества.

«Дня четвертого выдутъ всѣ съ табору до городовъ до Кодни, до Котельни, до Паволочи и до ближнихъ мѣстъ, подъ залогою великихъ гетмановъ его королевскаго величества.

«По присягѣ-жъ, заразомъ, бояринъ и воеводы и намѣстникъ Бѣлоозерской Василій Борисовичь Шереметевъ, съ товарыщи, и изо осми начальныхъ людей полковниковъ и офицеровъ, въ дву сотъ человѣкахъ, выдетъ съ табору, съ товарыщи своими съ полковники и съ начальными людьми, въ томъ вышепо-

---

[490] Гармата = пушка.
[491] Куля = ружейная пуля, пушечная картечь.
[492] Стрѣльба=ружье.
[493] Заразъ = тотчасъ.
[494] Залога = гарнизонъ.

мянутомъ написаніи. И будутъ они всѣ у великихъ гетмановъ корунныхъ его королевской милости и у салтана Крымскаго, покуль изъ Кіева, изъ Переяславля, изъ Нѣжина и изъ Чернигова царского пресвѣтлого величества войска ратные люди не выдутъ. Также и рать вся царского пресвѣтлого величества въ тѣхъ вышепомянутыхъ городѣхъ всѣ будутъ до того часу выступленья рати его царского пресвѣтлого величества съ городовъ и мѣстъ помянутыхъ.

«Боярину-жъ и воеводамъ и намѣстнику Бѣлоозерскому Василью Борисовичу Шереметеву, съ товарыщи, и ихъ полковъ полковникомъ и офицеромъ, не болши надто[495] позволяютъ оставить бронь ручную, шабли, да для рубанья дровъ оставить при рати сто секеръ.

«Также боярину и воеводамъ и намѣстнику Бѣлоозерскому Василью Борисовичу Шереметеву, съ товарыщи, и со всѣми началными людьми и со всею ратью, гетманы великіе позволяютъ изъ Кіева и изъ иныхъ вышепомянутыхъ городовъ достатки свои

---

[495] Надто = слишкомъ, чрезмѣрно.

вшелякіе[496] власные[497] съ собою взяти безпечно и казну царскую.

«Гды съ Кіева, съ Переяславля, изъ Нѣжина и изъ Чернигова царского пресвѣтлого величества вся рать выступитъ, армату войсковую, кули, прохъ и запасы пушечные паномъ комисаромъ отдадутъ, заразъ бояринъ и воеводы и намѣстникъ Бѣлоозерской Василей Борисовичь Шереметевъ, съ товарыщи и съ полковниками и офицерами и ратными людьми, всѣ въ цѣлѣ выдутъ и пойдутъ со всею ратью, за залогою и переводомъ его королевского величества, безпечнѣ къ Путивлю, и залога его королевской милости до границы поправадитъ совсѣмъ въ цѣлѣ; а въ дорозѣ ихъ не грабить и не побивать и въ полонъ не имать и не отдавать и никакова безчестья и тѣсноты не чинить, и въ обозѣ также.

«А идучи, дорогою, живность себѣ покупать будутъ; а есть-ли потреба, указати съ ближнихъ городовъ, чрезъ посланники свои, доставать при залогѣ также и кони, имъ вездѣ покупати будетъ вольно.

---

[496] Вшелякій = всякій.
[497] Власный = собственный.

«А которые изо всякихъ чиновъ ратные люди иноземцы царского пресвѣтлого величества, похотятъ быть въ службѣ межъ ратью королевского величества, и тѣмъ будетъ вольно, и жены и дѣти и достатки ихъ повинны имъ выдать съ табору и изъ городовъ вышепомянутыхъ.

«Казаки изъ табору выдутъ напередъ, заразъ, и ружье свое и хоругви подъ ногами великихъ гетмановъ покинутъ, до которыхъ Москва дѣла жаднаго не маютъ и ихъ ся зрекаютъ[498].

«Вязневъ[499] всѣхъ Польскихъ и иноземцовъ и Татаръ выдати маютъ здѣсь, въ таборѣ, и по городѣхъ вышепомянутыхъ.

«Бояринъ-же и воеводы и намѣстникъ Бѣлоозерской Василей Борисовичь Шереметевъ, съ товарыщи, приручаютъ, что стольникъ и воевода князь Юрій Никитичь Борятинской на тѣ статьи, какъ написано, приступитъ и оные, по присягѣ, гармату военную, прохъ, кули и весь запасъ пушечной, которое при немъ суть, и всякое оружіе конное и пѣшое зоставитъ, рать до городовъ пуститъ и самъ

---

[498] Зректися = отречься, отказаться.
[499] Вязни = плѣнные.

при великихъ гетменѣхъ будетъ до выходу изъ Кіева и изъ иныхъ вышепомянутыхъ городовъ. А есть-ли онъ того за першею[500] вѣдомостью не учинитъ, и тѣ статьи служить ему не будутъ.

«Даемо тую грамоту нашу боярину и воеводамъ и намѣстнику Бѣлоозерскому Василью Борисовичу Шереметеву, съ товарыщи, что онъ ружье свое ручное, мушкеты, пистолеты, карабины, шабли, хорогви, шпаги, протозаны, алебарды, бердыши, топорки, которые чрезъ постановленіе статьи въ таборѣ заставаютъ, до границю корунной, которые съ границами его царского пресвѣтлого величества сходитъ, то есть до Путивля, завести за войскомъ Московскимъ кажемо, и завезчи, вернути маемо имъ, войску Московскому»[501].

23 октября (2 ноября), договоръ съ вышеозначенными условіями былъ подписанъ и утвержденъ присягою обѣими сторонами. Въ тотъ-же день, бояринъ Василій Борисовичь

---

[500] Першій = первый.

[501] По списку, хранящемуся въ библіотекѣ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ (Портфель Малиновскаго VI, № 42).—Документъ этотъ напечатанъ по другому списку въ Актахъ, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. V. Спб. 1867. № 21. стр. 40.

Шереметевъ отправилъ къ князю Юрью Никитичу Борятинскому списокъ съ заключеннаго договора, при слѣдующей отпискѣ:

«Господину князю Юрью Никитичю, Василій Шереметевъ челомъ бьетъ. Буди тебѣ вѣдомо: гетманъ Юрья Хмельницкой и Тимоѳей Цецюра, забывъ страхъ Божій и присягу и клятвы свои и великого государя милость, ему, великому государю, измѣнили и съ городами Малыя Росіи, и поддалися королю Полскому; а присягали они при гетманехъ, при корунномъ при Станиславѣ Потоцкомъ да при маршалкѣ при Юрьѣ Любомирскомъ. И о томъ ко мнѣ Юрья Хмельницкой писалъ, что онъ королю Полскому и съ полковники и со всѣмъ войскомъ поддался и присягалъ, и листъ свой ко мнѣ прислалъ за своею рукою. А мнѣ Юрья Хмельницкой помочи не далъ; а Цецюра съ полковники, которые были съ нимъ, изъ обозу нашего отъѣхали въ обозъ къ Полскимъ гетманомъ, октебря въ 11 день. И я, съ товарыщи, въ обозѣ въ окопѣ сидѣли октебря съ 4 числа октебря-жъ по 23 число съ великою нужею, и отъ пушечные и отъ гранатные стрѣлбы тѣснота была великая, и съ голоду ѣли лошади мертвые, и отъ того люди

померли многіе и досталные отощали, а лошеди у ратныхъ людей съ голоду померли всѣ, и пороху и свинцу у насъ не стало. И я, съ товарыщи, отъ великія нужи, и видя измѣну Юрья Хмельницкого и Тимоѳея Цецюры и полковниковъ и казаковъ, и не чая къ себѣ помочи ни отъ кого, и не похотя государевыхъ людей въ плѣнъ и въ расхищенье отдать, договорились съ Полскими гетманы, съ корунnымъ Станиславомъ Потоцкимъ да съ маршалкомъ съ Юрьемъ Любомирскимъ, что изъ Кіева, изъ Переяславля, изъ Нѣжина, изъ Чернигова ратныхъ людей великого государя вывесть, а нарядъ и зелья и свинецъ и всякіе пушечные запасы оставить въ городѣхъ; а меня съ товарыщи и ратныхъ людей изъ обозу выпустить, побравъ у ратныхъ людей карабины и мушкеты и пистоли и знамена, и быть мнѣ, съ товарыщи, у Полскихъ гетмановъ въ обозѣ и ратнымъ людемъ быть съ нами-жъ, покамѣстъ изъ Кіева, изъ Переяславля, изъ Нѣжина, изъ Чернигова государевы ратные люди выйдутъ. А какъ ратные люди изъ тѣхъ городовъ выйдутъ, и меня съ товарыщи и ратныхъ людей отпустить совсѣмъ вцѣлѣ и проводить до Путивля; а ружье и

знамена отдать намъ подъ Путивлемъ. Также и о тебѣ договоренось, что тебя выпустить изъ обозу и быть со мною. И на томъ на всемъ, по договору своему, Полскіе гетманы и салтаны присягали; а на чемъ договорились, и съ договорныхъ статей списокъ послалъ я къ тебѣ подъ сею отпискою. И тебѣ-бъ учинить по тому-жъ нашему договору. А въ Кіевѣ и въ Черниговѣ и въ Переяславлѣ и въ Нѣжинѣ великого государя ратнымъ людемъ быть не у чего, что Юрья Хмельницкой со всѣмъ войскомъ и съ городами измѣнилъ. А будетъ ты по нашему договору такъ не учинишь и отписки моей не послушаешь, и тѣмъ государевыхъ людей потеряешь ты. Да и въ Кіевъ-бы тебѣ къ Ивану Чаадаеву отписать, что-бъ онъ изъ Кіева выходилъ и ратныхъ людей выводилъ, по договорнымъ статьямъ; а я о томъ къ Ивану Чаадаеву писалъ-же и съ договорныхъ статей списокъ послалъ. А что́ есть государевы денежные казны и хлѣбныхъ запасовъ и моей рухляди и лошедей и товарыщей моихъ и ратныхъ людей, и то все велѣлъ вывесть».

Къ отпискѣ собственною рукою Василья Борисовича приписано: «А съ отпискою по-

слалъ къ тебѣ Ивана Шепелева. Выдали насъ измѣнники».

Такого-же содержанія отписка послана была и въ Кіевъ, къ стольнику Ивану Ивановичу Чаадаеву, съ слѣдующею собственноручною припискою Василья Борисовича: «Крѣпокъ Кіевъ былъ Юрьемъ Хмельницкимъ и казаками, а онѣ отступили, городы не крѣпки будутъ, толко людей потерять»[502].

Кромѣ князя Борятинскаго и Чаадаева, Василій Борисовичь Шереметевъ, по предложенію Польскихъ гетмановъ, написалъ отписки и къ воеводамъ Заднѣпрскихъ городовъ, «что-бъ имъ изъ городовъ, по договору, съ ратными людьми выйти». Всѣ отписки поручено было доставить по назначенію подполковникамъ: Ивану Алексѣевичу Шепелеву и Семену Семеновичу Скорнякову-Писареву. Ихъ сопровождали: ротмистръ Данила Чаплинскій и поручикъ Янъ Калитинскій, посланные наблюдать за тѣмъ, чтó учинится по отпискамъ Шереметева, для немедленнаго донесенія о томъ гетманамъ.

Посланцы Шереметева застали князя Бо-

---

[502] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. V. Спб. 1867. № 21. стр. 39.

рятинскаго въ мѣстечкѣ Бѣлогородкѣ. Говорятъ, будто-бы онъ, по прочтеніи отписки Шереметева и договорныхъ статей, сказалъ: «Я повинуюсь указамъ царского величества, а не Шереметева; много въ Москвѣ Шереметевыхъ»[503]! Можетъ быть, у князя Борятинскаго и сорвалось это жесткое слово при устныхъ объясненіяхъ съ посланцами, но только въ отвѣтной отпискѣ, онъ писалъ Шереметеву весьма спокойно, что «договорныя статьи, на чемъ у нихъ договоръ, онъ послалъ наскоро къ великому государю и объ указѣ просилъ», что «безъ великого государя указу, города отдать и ратныхъ людей вывесть не мочно» и что-бы онъ, бояринъ Василій Борисовичь, «съ гетманы о томъ говорилъ, что-бъ отъ великого государя на то указу ждать».

Тоже самое повторилъ князь Борятинскій и поручику Калитинскому, отпуская его назадъ, къ Польскимъ гетманамъ. Онъ приказывалъ сказать имъ, что «безъ великого государя указу, противъ договору, города имъ не отдадутъ».

Отпустивъ поручика Калитинскаго, князь

---

[503] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. XI. Спб. 1861. стр. 121.

Борятинскій выступилъ со всѣмъ войскомъ изъ Бѣлогородки, и 30 октября прибылъ въ Кіевъ. При немъ остались, до царскаго указа, ротмистръ Чаплинскій и оба подполковника: Шепелевъ и Скорняковъ-Писаревъ. Послѣдніе двое «изъ Кіева въ городы съ отписками не были отпущены, для того, — писалъ князь Борятинскій,—что-бъ по тѣмъ отпискамъ въ городѣхъ, безъ великого государя указу, какіе порухи не учинилось»[504].

---

[504] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. V. Спб. 1867. № 21. стр. 38.

ГЛАВА XXVIII.

Вслѣдъ за принесеніемъ присяги на точное исполненіе статей заключеннаго договора, великій коронный гетманъ Станиславъ Потоцкій обратился къ нашимъ коммиссарамъ съ предостереженіями относительно Татаръ. Онъ заявилъ, что никакъ не можетъ поручиться за Татаръ, которые даже и не включены въ договоръ, ибо имѣютъ своего отдѣльнаго начальника и ведутъ войну совершенно самостоятельно. Коммиссары въ одинъ голосъ отвѣтили, что поручительство излишне и что Татары, получивъ знатную денежную сумму, находятся въ многихъ рукахъ[505]. Но для многихъ былъ еще закрытъ истинный

---

[505] Darowski. Compendium bellorum in Polonia gestorum ab anno 1647 ad annum 1661.

смыслъ предостереженій Польскаго главнокомандующаго.

Дѣло въ томъ, что Потоцкій, постоянно торопившій окончаніемъ мирнаго дѣла и истощившій всѣ средства къ успокоенію подозрительности Татаръ, открыто говорившихъ и послѣ присяги, что договоръ невыгоденъ для нихъ и что они не признаютъ его, вынужденъ былъ заключить съ Нурадиномъ-султаномъ секретное условіе, которое навсегда останется чернымъ пятномъ на памяти Польскаго гетмана. Онъ обязался отдать Татарамъ самого Шереметева, въ качествѣ военноплѣннаго[506]. Этого мало, онъ предоставилъ Татарамъ свободно забирать въ плѣнъ казаковъ, какъ только они, по договору, выйдутъ изъ табора и сложатъ оружіе[507]. «Королевскіе гетманы,— говоритъ Зеленевичь,—только о томъ и помышляли, чтобы прежде всего были наказаны тѣ казаки, которые не послушались Цецюры и остались въ Московскомъ таборѣ»[508].

24 октября (3 ноября), казаки, выступивъ изъ табора, положили оружіе и хоругви пе-

[506] Gordon. Tagebuch. Томъ I. M. 1849. стр. 247.

[507] Extract eines gewissen Schreibens von hoher Hand aus Crakau. 1660.

[508] Memorabilis victoria de Szeremetho. Cracoviae. 1668. стр. 161.

редъ Польскими коммиссарами. Въ это время Татары, «какъ алчныя гарпіи», бродили кругомъ, и какъ только казаки собрались итти назадъ въ таборъ, по данному знаку, бросились на безоружныхъ и толпою погнали ихъ въ неволю[509]. Нѣкоторые казаки успѣли было добѣжать до табора, но Татары настигали ихъ и стаскивали несчастныхъ съ валовъ арканами и крючьями[510].

На другой день, 25 октября (4 ноября), тѣмъ-же порядкомъ выступило изъ табора все царское войско, числомъ около десяти тысячъ[511], и передало коммиссару Немирчичу свое оружіе.

«Гордые Московиты,—пишетъ Даровскій,—съ плачемъ сложили знамена, около 30 пушекъ, множество ружей, пищалей, разныхъ мушкетовъ и копій». Все это, по договору, должно было быть полностію возвращено имъ, по прибытіи въ Путивль. Оружіе оставлено было только у Шереметева, его товарищей и

---

509 Gordon. Tagebuch. T. I. M. 1849. стр. 248.

510 Swirski. Relatio historica belli Szeremetici, gesti Anno 1660. Zamosci. 1661.

511 Портфель Г. Ѳ. Карпова (Выписки изъ дѣлъ Малороссійскаго приказа Московскаго архива министерства юстиціи, столбецъ 5857). тетрадь. 4.

у всѣхъ начальныхъ людей; а солдатамъ оставлено было лишь сто топоровъ, для рубки дровъ. По словамъ очевидца, внѣшній видъ государевыхъ ратныхъ людей «былъ ужасенъ»[512].

Какъ только наши ратные люди, уже обезоруженные, возвратились въ свой таборъ, туда наѣхало множество Татаръ съ съѣстными припасами, для продажи. Открылся настоящій базаръ. Навезено было вдоволь хлѣба, соли, разныхъ овощей и даже табачнаго листу. Все это, разумѣется, продавалось по высокимъ цѣнамъ[513]. Не для одной только наживы пріѣхали лукавые Азіаты. Они тщательно осмотрѣли всѣ углы табора и рѣшили повторить посѣщеніе, но уже совсѣмъ съ иными цѣлями.

Уходя изъ табора, Татары уволокли съ собою нѣсколько человѣкъ, и на арканахъ провели ихъ по всему Польскому лагерю, «при громкомъ смѣхѣ» Поляковъ. А когда Татарамъ кто-то укоризненно замѣтилъ, что вѣдь миръ уже заключенъ, тѣ отвѣтили, что этотъ миръ, хотя бы и былъ утвержденъ

---

[512] Acta historica res gestas Poloniae illustrantia. Vol. II. T. I. pars. 1. Cracoviae. 1880. стр. 174.

[513] Darowski. Compendium bellorum in Polonia gestorum ab anno 1647 ad annum 1661.

клятвою, съ первымъ-же весеннимъ тепломъ, навѣрно будетъ нарушенъ Московитами, а потому непремѣнно нужно всѣхъ ихъ такъ или иначе перебить или угнать въ вѣчное рабство[514].

Въ виду такого настроенія Татаръ, Польскіе гетманы распорядились поставить у нашего табора охранную стражу; а Шереметеву послали напомнить, что, въ силу договора, онъ долженъ прибыть въ Польскій лагерь и оставаться тамъ, впредь до очищенія указанныхъ въ договорѣ Украинскихъ городовъ.

Подъ вечеръ 25 октября (4 ноября), Шереметевъ, въ сопровожденіи своихъ товарищей, начальныхъ людей и дворянъ, всего въ числѣ двухсотъ человѣкъ, отправился со всѣми пожитками въ Польскій лагерь. На половинѣ дороги, толпа Польскихъ солдатъ напала на нихъ и разграбила значительную часть поклажи. Съ большимъ трудомъ достигли наши до Польскаго лагеря, когда уже было довольно темно[515].

---

[514] Darowski. Compendium bellorum in Polonia gestorum ab anno 1647 ad annum 1661.

[515] Gordon. Tagebuch. Томъ I. M. 1849. стр. 249.

Повидимому Шереметевъ произвелъ сильное впечатлѣніе на Поляковъ своею наружностію и блескомъ одѣянія. Его почтительно встрѣтилъ самъ Потоцкій и тутъ-же пригласилъ къ себѣ на ужинъ. «Пришелъ въ нашъ станъ,—читаемъ въ дневникѣ Даровскаго,—бояринъ Шереметевъ, въ сопровожденіи двухсотъ человѣкъ, одѣтыхъ въ драгоцѣнные соболя, залитыхъ золотомъ и крупнымъ жемчугомъ. Самъ-же Шереметевъ, достойный почтенія уже за одну осанку, подобающую великому полководцу, превосходилъ всѣхъ окружавшихъ его важностію и блескомъ, какъ одѣянія, такъ и оружія».

За ужиномъ, Шереметевъ почти ничего не кушалъ, и только выпилъ два полкубка вина. Онъ казался удрученнымъ великимъ горемъ. Въ разговорѣ Шереметевъ сильно укорялъ казаковъ; говорилъ, что они погубили его дѣло[516].

Василій Борисовичь переночевалъ въ палаткѣ Потоцкаго, его товарищи — у Любомирскаго, полковники изъ иноземцевъ отправились къ своимъ землякамъ, а осталь-

---

[516] Swirski. Relatio historica belli Szeremetici, gesti Anno 1660. Zamosci. 1661.

ныхъ устроилъ коммиссаръ Немирчичь. Но эти остальные были начисто ограблены пріютившими ихъ гостепріимными хозяевами[517].

Тревожна была эта послѣдняя ночь для государевыхъ ратныхъ людей, оставшихся въ таборѣ. Въ глухую полночь, ворвались туда Татары, какъ «волки въ овчарню». Смѣло бросились эти изверги на безоружныхъ, нисколько не стѣсняясь окружавшею таборъ Польскою стражею. Темнота ли препятствовала, но только Татары, похозяйничавъ въ таборѣ около часа времени, ускакали назадъ, угнавъ въ плѣнъ, сколько можно было наскоро захватить съ собою.

На разсвѣтѣ 26 октября (5 ноября), Татары повторили нападеніе, но на сей разъ встрѣтили ожесточенный отпоръ. Наши ратные люди, за неимѣніемъ оружія, съ отчаянія, схватились за что́ попало. Пошли въ ходъ дубины, вертелы, желѣзная утварь, дышла, топоры. По словамъ Даровскаго, «Московиты защищались храбро, упорно». Однако, сопротивленіе было напрасное. Все, что состояло на лицо, было или перебито и переранено

---

[517] Gordon. Tagebuch. T. I. M. 1849. стр. 249.

или уведено въ тяжкую Татарскую неволю. Передъ нами распросныя рѣчи двухъ участниковъ этой ужасной схватки.

Орлянинъ сынъ боярскій Осипъ Гридуновъ показывалъ слѣдующее: «октября въ 26 день, по утру, часу въ 4-мъ дни, пришли къ намъ Татарове многіе люди и къ намъ учали приступать, настрѣливать стрѣлами; а намъ-де было противиться нечимъ: ружья не было; только были не у многихъ бердыши и косы, кои у себѣ утаили въ то время, какъ отбирали ружье у насъ. И многихъ-де нашихъ Татарове переранили, и въ окопъ вошли и разобрали всѣхъ, кои были въ окопѣ; а Поляки, кои стояли на залогѣ, насъ не обороняли».

Другой участникъ, Обоянецъ сынъ боярскій Прокофій Утрихинъ, разсказывалъ, что наши бились съ Татарами «полѣньемъ, оглоблями и ножами рѣзались; а Татаровя-де почали по нихъ стрѣлять изъ луковъ, и побили и переранили у насъ многихъ людей; а достальныхъ тысечь съ восемь поимали въ полонъ»[518].

---

[518] Портфель Г. Ѳ. Карпова (Выписки изъ дѣлъ Малороссійскаго приказа Московскаго архива министерства юстиціи, столбецъ 5857). тетрадь 4.

Разгромивши Русскій таборъ, Татары послали къ великому коронному гетману Станиславу Потоцкому мурзу Келмамета съ требованіемъ, немедленно выдать имъ боярина Шереметева.

Потоцкій заперся съ маршалкомъ Любомирскимъ и совѣщался съ нимъ около часу времени. Послѣ того, Любомирскій пригласилъ къ себѣ на обѣдъ Шереметева и его товарищей, князей Козловскаго и Щербатова. Къ столу былъ позванъ и мурза Келмаметъ. Еще не принесли кушанья, какъ Любомирскій, черезъ переводчика, объявилъ Шереметеву, что, по условію, онъ долженъ быть выданъ Нурадину-султану и останется у него до тѣхъ поръ, пока не будетъ выплачена Татарамъ обѣщанная денежная сумма, то есть 150.000 ефимковъ.

Шереметевъ съ перваго раза не понялъ въ чемъ дѣло; но когда ему повторили тоже самое еще разъ, крайне изумился и горячо выражалъ негодованіе за нарушеніе договора.

Любомирскій совершенно спокойно отвѣчалъ, что, по договору, Шереметевъ, съ товарищами, обязанъ оставаться, впредь до испол-

нения извѣстныхъ пунктовъ, у коронныхъ гетмановъ и у Крымскаго султана; слѣдовательно, послѣдній приравненъ къ гетманамъ, и что вообще было-бы совершенно справедливо, если-бы Нурадинъ-султанъ, въ обезпеченіе уплаты обѣщанной ему денежной суммы, получилъ знатнаго заложника.

Шереметевъ возразилъ, что договоръ нарушенъ уже тѣмъ, что Русское войско, оставшееся въ таборѣ, частію перебито Татарами, частію уведено въ плѣнъ. И ни чемъ-де нельзя поручиться, что также поступятъ и съ тѣми, которые, по договору, выступятъ изъ Украинскихъ городовъ.

Любомирскій сталъ увѣрять, что этотъ прискорбный случай не повторится, что примутъ всевозможныя охранныя мѣры.

Тогда встали князь Козловскій и князь Щербатовъ и усердно просили, что-бы боярина Шереметева не отдавали Татарамъ.

Любомирскій сухо отвѣтилъ, что дѣло это уже рѣшено и перемѣнить нельзя.

При этихъ словахъ Шереметевъ воздѣлъ руки къ небу.

Князь Козловскій попробовалъ еще разъ попросить Любомирскаго, что-бы, по крайней

мѣрѣ, выдали ихъ всѣхъ вмѣстѣ; но тотъ коротко отвѣтилъ: «Теперь это зависитъ отъ насъ, а не отъ васъ».

Когда принесли кушанье, Русскіе воеводы едва дотрогивались до блюдъ; а Шереметевъ, какъ его ни просили, вовсе ничего не ѣлъ и не пилъ. Послѣ обѣда, Шереметевъ около получаса бесѣдовалъ наединѣ съ Любомирскимъ. Во все это время на лицѣ Татарскаго мурзы написана была большая тревога.

Наконецъ, когда подали карету, Любомирскій проводилъ Шереметева до дверей. А князья Козловскій и Щербатовъ слѣдовали за нимъ до большой палатки, гдѣ и простились съ нимъ, обливаясь слезами.

Василій Борисовичъ Шереметевъ сѣлъ въ свою карету, запряженную шестеркой великолѣпныхъ лошадей[519]. За нимъ слѣдовали пять телѣгъ съ поклажею и одиннадцать человѣкъ его слугъ. Далѣе, ѣхали, въ особыхъ повозкахъ, около ста человѣкъ, особенно преданныхъ Василью Борисовичу лицъ, пожелавшихъ остаться при немъ и въ его неволѣ, а именно: полковой священникъ отецъ

---

[519] Gordon. Tagebuch. T. I. M. 1849. стр. 250—252.

Симеонъ, толмачь Терентій Фроловъ, жилецъ Прокопій Андреевичь Сатинъ, жилецъ Иванъ Ивановичь Нармацкій, Иванъ Суздальцевъ, Михаилъ Ивановичь Вырубовъ, подьячій Ѳедоръ Набатовъ и другіе[520]. Поѣздъ знатнаго плѣнника замыкалъ Татарскій конвой, въ триста всадниковъ.

Разсказываютъ, что еще подъ Любаромъ, надъ нашимъ обозомъ носилась какая-то странная, исхудалая птица, похожая на орла, и что въ концѣ концовъ она была поймана Татариномъ. Глядѣвшіе на удалявшійся по Крымской дорогѣ поѣздъ Шереметева, вспомнили этотъ случай, принимая его за роковое предзнаменованіе несчастія, постигшаго Русскаго вождя.

КОНЕЦЪ ПЯТОЙ КНИГИ.

---

520 Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ: Крымскія дѣла. связка 54/в. № 4.

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫЙ, ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ И ПРЕДМЕТНЫЙ

КЪ ПЯТОЙ КНИГѢ.

СПИСОКЪ

ПРИЛОЖЕНІЙ КЪ ПЯТОЙ КНИГѢ.

Оба приложенія исполнены фото-литографическимъ заведеніемъ Н. Т. Индутнаго.
